

Екатерина Ивановна
СТОЛЯРОВА:
простая история

**И.И. СТОЛЯРОВ
А.И. СТОЛЯРОВ**

**ЕКАТЕРИНА ИВАНОВНА
СТОЛЯРОВА:
ПРОСТАЯ ИСТОРИЯ**

Москва
2014

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-4
С 81

Столяров И.И., Столяров А.И.
ЕКАТЕРИНА ИВАНОВНА СТОЛЯРОВА: ПРОСТАЯ ИСТОРИЯ. –
Москва: Новое Время, 2014. – 124 с.

Изучая историю своей семьи, ее корни и людей, которые жили и ныне живут рядом с нами, я понял, что наши предки – это только частица, но частица большего, чем семья – это частица народа. Частица необъятной России. Все вместе, мы огромный мир, который выходит далеко за пределы нашей страны, и каждый из нас – это отдельная история в этом мире.

Часть 1

ЖИЗНЬ, КАК У ВСЕХ. ПРОСТАЯ ИСТОРИЯ

Родилась моя мама, Екатерина Ивановна Столярова в девичестве Кухтарева, 19 марта 1928 года на северо-западе России, в селе Иванов Бор, Кирилловского района, Ленинградской области, ныне Вологодской области.

Здесь, на этой истинно русской земле сходятся главные водоразделы бассейнов Белого, Балтийского и Каспийского морей, здесь проходили многочисленные волоки – перекрестки древних речных путей, здесь была проложена знаменитая Мариинская водная система.

Село, где родилась моя мама – древнее, ему более 500 лет, и своими корнями оно уходит в пятнадцатый век. В Топонимическом словаре «Географические названия Вологодской области», составленном доктором филологических наук, профессором Чайкиной Ю.И., говорится, что первое упоминание об этом селе мы находим в писцовых книгах XVI века. Речь там идет о волости Иванов Борок (ПКЕ 1585, 54). Названо село было по имени своего владельца – Ивана Дмитриева, сына Цыпляти из старинного кня-

Кухтарева Катя.
Село Иванов Бор.
1933 г.

жеского рода Монастыревых, крупных землевладельцев Белозерского края. Цыплятевы – старинный дворянский род, ныне несуществующий. Родоначальником его и был Иван Дмитриевич Цыплет, из рода Смоленских князей, потомок Рюрика в 19 колене, через Монастыревых. В исследованиях А.И. Копанева говорится, что «земли князей Монастыревых в Белозерском уделе располагались в среднем течении Шексны и вплотную примыкали к территории будущего монастыря». Иван Цыплятя жил в середине XV века. К этому времени и относится основание селения. Есть и еще одно авторитетное упоминание об Ивановом Бору. В грамоте царя и великого князя Ивана Васильевича (Грозного), адресованной лесным целовальникам (целовальники – это должностные лица в Русском государстве, которые исполняли судебные, финансовые и полицейские обязанности. Перед вступлением в должность они давали клятву служить честно и целовали крест, откуда и происходит название), говорится – «Пошехонье в Милобуцкую волость да в Иванов бор» передать в монастырь «на строение хоромного лесу», после пожара в Кирилловском монастыре в 1557 году.

Село Иванов Бор территориально и административно входило в Кирилловский уезд. 29 декабря 1708 года Петр I издал Указ о со-

Село Иванов бор. Вид с реки Шексны. 2003 г.

здании губерний в России. Эта реформа по административному делению Российского государства проходила на протяжении нескольких десятков лет. В 1727 году была образована Новгородская губерния, которая просуществовала до 1927 года. В ее состав входило 11 уездов, в том числе и Кирилловский. Уезд этот считался редконаселенным: на одну квадратную версту приходилось около 9 жителей (одна верста равна 1066,781 м). По итогам ревизии 1858 года, к наиболее значительным в уезде относили только два села: Иванов Бор и Вогнема. В 1918 году была создана Череповецкая губерния, куда вошло и село Иванов Бор Кирилловского уезда. В 1927 году губернское деление было упразднено, и Кирилловский район вошел в Ленинградскую область, а затем, в сентябре 1937 года в связи с учреждением Вологодской области, включен в ее границы, где и пребывает по сей день.

По «Спискам населенных пунктов Новгородской губернии за 1912 год» известно, что Бороивановский погост Спасской волости Кирилловского уезда (именно так он и назывался), был смежен с деревней Берег. Это был довольно крупный волостной центр. В 1912 году здесь было 87 дворов, 115 жилых строений, школа, волостное правление, почтово-телеграфное отделение, почтовая и земская станция, мелочная лавка. Проживало в это время в Ивановом Бору – 499 жителей. Кроме того, к Иванову Бору относились: Лесная удельная сторожка (1 жилое строение, 1 хозяйственное и 10 жителей), а так же Бороивановский погост (5 дворов, 4 жилых строения и 19 жителей).

Раскинулось село Иванов Бор на высоком речном берегу, растянувшись своими аккуратными домами по изгибу реки Шексны. Посередине села проходит улица, по обе стороны которой стоят деревянные избы и смотрят друг на друга глазами-окнами. До революции в Ивановом Бору жило много состоятельных, богатых людей. В центре села, «на крестах», т.е. на перекрестке двух центральных улиц, стояли двухэтажные, деревянные дома. Улица эта протянулась вдоль дороги, ведущей к паромной переправе. Двухэтажные дома стояли и вдоль реки. До наших дней сохранился лишь один дом, в котором, последовательно, были школа, сельсовет и магазин, клуб. Потом дом этот забросили, и ныне он еще стоит на крестах – нежилой, старый и заброшенный, доживая свой век. Каждый дом в Ивановом Бору имеет приусадебный участок, с которого кормится семья, и палисадник, засаженный цветами. В домах чистота: подвесы-кружева на буфетах, комодах и кроватях, скатерти на столах, занавески на окнах. Дом обязательно разделен на две части – чистую и кухню. Исстари было заведено внутри избу мыть. Мыли избы по праздникам. Мыли стены, потолки, полы. Моющим средством была зола, а в качестве мочалки использовали основание веника, как говорили «голяк». После

наведения праздничного порядка, хозяйки пекли пироги. Шаньги – оладьи, рогульки – ватрушки из пресного теста с картофелем и, конечно же, главное блюдо, рыбник. По всей избе воздух наполнялся непередаваемым праздничным запахом. Из всех праздников особенно чтили Пасху и Троицу. В Троицу приезжали гости из города, других деревень и почти вся деревня уходила на кладбище, помянуть умерших. И тихое деревенское кладбище превращалось в шумное мероприятие. Я был на празднике Троицы на кладбище в Ивановом Бору с мамой и наблюдал, как все деревенские ходили в гости друг к другу от могилки к могилке, поминали усопших, выпивали, закусывали, засыпали за оградками и даже дрались. И все это безо всякого траура и горечи и, как мне казалось, даже весело. После кладбища продолжали гулять по избам, с гармошкой, частушками и пляской. Гармонистами, кстати, в Ивановом Бору были не только мужчины, но и женщины, которые освоили этот инструмент в годы войны.

За Ивановым Бором протекает чистая, с сильным течением речка – Гремиха, которую местные жители называют ласково – речушка. Сюда, рано утром ходили за чистой питьевой водой, а днем купалась вся деревенская детвора. Купались они подальше от деревни в

«С. Иванов Бор, церковь Петра и Павла»
Рисунок худ. Подгорного В.Ф. 2003 г.

укромном местечке, которое называлось «Рачков омут». Вдоль речушки, как будто, раскинулась еще одна деревенька из маленьких домиков. Бани и баньки имеет почти каждый дом. Париться здесь любят и чистота отличительная черта местных жителей. Баню топили раз в неделю. После того как баня была истоплена, хозяйка мыла полки, лавки, пол. Нагретые в каменке камни бросали в ушат с водой. Вода кипела и нагревалась. Не всегда было мыло, но и здесь русские люди находили решение. В кипяченую воду заранее добавляли древесную золу. Настаивали ее день и этим настоем мыли волосы и стирали белье. Деревня жила по своим правилам. Работали. Рыбачили. А по вечерам собирались в одной из изб «на беседу».

Говорят в Ивановом Бору окая, и иногда употребляются такие слова и выражения, что без переводчика и не поймешь. Посудите сами. Баско — красиво, нарядно. Говорят: У Шурки то Кухтаревой платье баское, а у меня-то ешшо башшее. Вехотка — мочалка. Дохоть — кашлять. Простыла, так все и дохаю. Пазгануть — ударить. Пехтать — медленно идти. Парень пехтал нога за ногу, дорога-то худая. Сусалы — губы. Чево сусалы-то распустил. Фикультяпистый — замысловатый. Вот у Витюшки то Шахова на доме наличники такие фикультяпистые. На язык русских северян сказалось сильное влияние угро-финских племен (вепсов и саами), которые многие столетия проживали в Белозерье рядом с племенами новгородских славян. Места эти обжиты людьми со времен неолита. В долине реки Шексны, от села Иванов Бор до Белого озера, найдено более 30 стоянок и древних поселений, которые датируются IV—III тысячелетием до н.э. В VIII—X веках здесь проходил водный путь из варяг в арабы, через Ладожское озеро по реке Свирь в Онежское озеро, далее по реке Вытегре волоком в Ковжу, в Белое озеро, затем по Шексне в Волгу. Первое упоминание Шексна зафиксировано в «Повести временных лет». Происхождение этого названия дославянское, поэтому и смысловых толкований названия реки Шексна (Шехна, Шоксна, Шокстъна) несколько — извилистая река, чистая река, приток. Шексна действительно левый приток Волги. Длина ее 139 километров. Начало она берет из Белого озера. До середины XX века длина реки составляла 395 километров, но в настоящее время в качестве реки сохранилась лишь на небольшом отрезке от поселка Шексна до Череповца. Поскольку верхнее течение реки затоплено Череповецким водохранилищем, а нижнее Рыбинским.

Иванов Бор на протяжении многих лет был волостным центром со своей волостью, церковью, школой, а с 1910 года, еще и с самостоятельным фельдшерским пунктом. В одном из документов XVIII века есть упоминание: «Кирилловского уезда Иван-Борской волости де-

ревня Алешино». Есть такая деревня, и еще десяток, названных по именам их основателей: Кузино, Васькино, Ананьино, Макаровская, Леонино, а еще Шаврово, Епимахово, Поповская, Щетинино, которые и составляли волость.

За деревней, на береговом мысу в устье реки Гремихи находилась древняя красивая церковь святых Петра и Павла и Николы с колокольней и погостом, где хоронили всех наших предков по маминной линии.

Из документов известно, что церковь эта была построена в 1784 году, церковь была каменная и имела несколько престолов. Главный престол: Апостолов Петра и Павла, а так же Собора Пресвятой Богородицы, Всемилостливого Спаса и святителя Николая Мирликийского.

В «Новгородских Епархиальных Ведомостях» № 17 от 1876 года, в разделе X, на стр. 335 значится в Кирилловском уезде Боровоивановский приход и состоящая в приходе Петропавловская церковь, с настоятелем и псаломщиком. Кстати, уже после революции 1917 года, один из настоятелей этой церкви — протоирей Н. Третинский являлся одним из активистов так называемого церковного обновления или «обновленчества».

Расположение петропавловской церкви было необычное, ведь их строили, как правило, всегда на возвышенности, а эта стояла на берегу реки, в низине. Объяснение такого расположения храма связано с тем, что церкви в период раннего христианства на Руси строили на наиболее обжитых и привычных для заселения урочищам в неолите, в эпоху русского железа, и в древнерусские времена — вплоть до второй половины XIII—XIV веков. Расположение погостов на низких мысах соответствует таким образом, очень архаичным и устойчивым по оседлости поселениям. Этот факт еще раз подтверждает древнее происхождение села Иванов Бор. Известно, что Церковь разрушили в 1939-м году. Мама помнит, как сбрасывали со звонницы колокола, и они еще долго лежали на берегу, онемевшие и разбитые, пока пришедшая по реке баржа не увезла их осколки на металллом. Церковь уже несколько десятилетий находится на дне реки, ставшей частью Северо-Двинского канала, под водой остались и могилки наших иваноборских предков. Сам канал, как и река, имеет долгую историю, и построен был еще в 1825—1829 годах. Назван он был в честь герцога Виртембергского — бывшего управляющим путей сообщения России. Соединяет канал бассейна Волги (к которому относится Сиверское озеро) и Северной Двины (Кубенское озеро). Он связан с построенной ранее Мариинской водной системой, соединявшей Волгу с Онежским озером. Система эта получила название в честь супруги Павла I —

Марии, финансировавшей строительство. Уже в XIX веке мимо Иванова Бора проплывали суда, шедшие из Волги в Балтийское и Белое моря, через 6 шлюзов и 8 плотин. Шлюзы были деревянными и открывались с помощью деревянного ворота мускульной силой. Сейчас канал почти не используется для пассажирской навигации и большинство судов после 1930 года проходит через Беломоробалтийский канал. Со времен строительства канала в Ивановом Бору существует паромная переправа, которая является составной частью дороги Кириллов—Череповец. Упоминание о ней встречается у многих путешественников и ученых. Так в книге А.В. Смирнова «Время. События. Люди» автор цитирует путевые заметки профессора русской словесности доктора философии С.П. Шевырева, который побывал в этих краях в середине девятнадцатого века: «На Ивановом Бору, в двенадцати верстах от Кириллова, переправа через Шексну. Покамест переезжали мы на пароме, я расспрашивал о порогах Шексны. Ближайший отсюда, самый большой, называется Иванова голова, подалее, у Ниловиц, так же большой, Кривец, по здешнему произношению...». Сегодня два берега реки соединяет мост, длиной триста сорок метров, построенный в 2004 году, и паромная переправа утратила свое значение.

Село Иванов бор. Паромная переправа через р. Шексну. 2003 г.

Почти в каждом доме в Ивановом Бору — лодка, а то и две. В некоторых источниках я встречал информацию, что ивановоборцы истари были большими мастерами по изготовлению лодок, и большинство мужского населения зарабатывало шкиперством и рыбной ловлей. В старые времена в Шексне ловили даже стерлядь и поставляли ее живой в Санкт-Петербург. В наши дни стерлядь в Шексне не водится, т.к. после строительства водохранилищ река превратилась в стоячий водоем.

Все предки моей мамы жили земледелием, собирательством и в большей степени рыболовством. Отец Екатерины Ивановны, Кухтарев Иван Александрович, тоже, как говорили, кормился с реки. Он работал бакенщиком. Сейчас, пожалуй, не все знают такую профессию — бакенщик. А вот в те годы, на реке без бакенщика было не обойтись. От него зависела безопасность судов и жизнь многих людей. С началом навигации, весной, как только сходил лед, вывозил Иван Александрович на своей лодке бакены. Бакены — это такие деревянные плавучие знаки на якоре, для обозначения фарватера (судоходной части реки). По правую сторону реки ставились красные бакены, по левую — белые. Ежедневно, в любую погоду, ближе к вечеру, выезжал он на своей лодке для того, чтобы установить фонари на бакенах. Сначала надо было вычистить стекла, налить в лампу керосина, поставить ее в фонарь, плотно закрыв дверцу, чтобы огонь не задул ветер. Затем развести их к каждому бакену, надеть на него фонарь и закрепить просмоленной веревкой. Это было легко в теплую летнюю погоду, а вот осенью, в ветер — эта работа была не из легких и очень опасной. Рано утром фонари нужно было снять. И так всю навигацию, без выходных и праздников. Родился Иван Александрович 15 января 1887 года в Ивановом Бору, в семье Кухтарева Александра Степановича 1855 года рождения и Надежды Петровны 1853 года рождения уроженки деревни Домниково. Их брак был заключен 26 мая 1876 года в Ивановоборской церкви. Поручителями при их венчании со стороны жениха были авторитетные для деревни люди: медицинский фельдшер Алексей Иванов и волостной писарь Василий Ступин. Это говорит о том, что Александр Степанович был в селе человеком уважаемым. По невесте же, поручителями были: крестьянин деревни Домниково Арсений Петров и крестьянин деревни Фирютино — Василий Федоров.

Александр Степанович Кухтарев, дедушка Екатерины Ивановны и отец Ивана Александровича был так же из крестьян. Его родителями были: крестьянин Стефан Яковлевич Кухтарев (29.07.1824 — 19.09.1880) и крестьянка Евдокия Яковлева, 1825 года рождения, уроженка деревни Кабачино Звозского прихода Зауломского правле-

ния. Это были прадедушка и прабабушка моей мамы. Отцом Стефана Яковлевича, был Яков Иванович Кухтарев, прапрадедушка Екатерины Ивановны, матерью – Мария Петровна, 1807 года рождения. А сама фамилия имеет историю от Ивана Григорьева 1778 года рождения и его жены Федоры Федотовой 1780 года рождения. Оба они, как и все поколения Кухтаревых проживали в Ивановом Бору. Так что происхождение фамильных корней Кухтаревых восходит к XVIII веку. Таким образом, Екатерина Ивановна является представителем шестого поколения по линии рода Кухтаревых, о которых нам известно.

Кроме Ивана Александровича Кухтарева, маминого отца, в их семье были еще братья и сестры: Александра, родилась 15 апреля 1877 года, умерла в возрасте двух недель; Екатерина родилась 22 ноября 1878 года, умерла в возрасте восьми месяцев; Иван, его звали Большой. Родился Иван Большой 21 июня 1880 года и погиб в годы Гражданской войны. Были еще братья Сергей и Степан, а так же сестра, Анна Александровна, которую в деревне звали – Ожгара, за смуглую кожу, черные глаза и смоляные волосы. Известно, что Анна Александровна была дважды замужем. От первого брака у нее было две дочери – Надежда и Антонина. Говорят, что Антонина была очень похожа на маму. Во втором браке, у Анны Александровны родилось еще двое детей – Екатерина и Борис. Их отцом был Василий Марьин, который работал директором маслозавода в городе Кондопоге. До Гражданской войны 1918 года Иван Александрович Кухтарев работал бакенщиком на реке Шексне. Рассказывают, что Ивана Кухтарева в селе знали, как большого озорника и хулигана. И даже уличное прозвище в деревне у него было – Ваня Гадовский. Деревни издревле объединялись по приходам, а деревенские парни одного прихода в группировки, которые назывались – шатии. Мама помнила частушку, которая начиналась словами: «Шатия на шатию, котора задерет...». Обычай объединяться в группировки сохранялся долго, вплоть до пятидесятих годов прошлого века. По праздникам или на беседах случались кровавые драки и каждый участник этих «разборок» должен был показать свою удаль. Ваня Гадовский, мой дедушка, вероятнее всего был заметным парнем в своей шатии. В 20-е годы прошлого века он был мобилизован на фронт, воевал. Служил он предположительно во флоте, т.к. мама помнит, что дома было несколько фотографий отца в военно-морской форме: в тельняшке и бескозырке. С войны Иван Александрович вернулся хромым. Тяжелое ранение в ногу. Рана не заживала, началась гангрена. Врачи приняли решение ампутировать ногу. Операцию проводили без наркоза. От боли Иван Александрович кричал так, что слышно было его на всю Кирилловскую

**Кухтарева (Коршунова)
Анна Ефимовна.
Мама Екатерины
Ивановны.
Село Иванов бор. 1933 г.**

сию», или «по обстоятельствам». Вот, Иван и создал такие обстоятельства. Он увел Анну к себе домой и силой заставил переночевать у себя. После этого девка, чтобы скрыть позор, была вынуждена выходить замуж. От Ивана она родила пятерых детей, шестой умер при

**Коршунова Марфа
Федоровна.
Бабушка Екатерины
Ивановны.
Село Иванов бор. 1933 г.**

больницу. Недолго прожил он после операции, и в 1931 году умер, оставив вдовой свою жену Анну Ефимовну с двумя малолетними детьми Александрой и Екатериной.

Анна Ефимовна Кухтарева, в девичестве Коршунова, родилась в деревне Иванов Бор 24 октября 1890 года. Через два дня после рождения ее крестили в Ивановборвской церкви. Крестной матерью ее была крестьянка деревни Крапивино Ольга Васильева. 13 апреля 1912 года Анна Ефимовна вышла замуж за Ивана Александровича Кухтарева. Жениху было 25 лет, а его невесте 21. История их женитьбы подтверждает, что Ваня Гадовский был парень отчаянный. Долгое время он ухаживал за Анной, но та не собиралась выходить за него замуж. По правилам того времени, как впрочем и сейчас, девушка выходила замуж или «по согла-

сию», или «по обстоятельствам». Вот, Иван и создал такие обстоятельства. Он увел Анну к себе домой и силой заставил переночевать у себя. После этого девка, чтобы скрыть позор, была вынуждена выходить замуж. От Ивана она родила пятерых детей, шестой умер при преждевременных родах. Первая дочь Мария прожила шесть лет и умерла от болезни. Вторая дочь, тоже Маша, прожила пять лет и умерла от воспаления легких, третьим был сын Василий, который умер в трехлетнем возрасте. 4 мая 1924 года родилась дочь Александра (тетя Шура Маслова), которая прожила 76 лет и умерла в 2000 году, похоронена она на Ивановом Бору. Затем, был пятый ребенок, и, наконец, 19 марта 1928 года родилась Екатерина, она была последним ребенком в семье – это и была моя мама, Екатерина Ивановна. Мама ее, Анна Ефимовна была неграмотной, работала в сельском хозяйстве, после революции – в колхозе. После смерти мужа работала по найму в Кондопоге, Медвежьегорске, Череповце. Зарабатывала деньги на содержание дочерей и старенькой матери.

Родилась она в семье Коршунова Ефима Дмитриевича, отставного солдата Кирилловской местной команды, 1862 года рождения, и крестьянской дочери Коршуновой Марфы Федоровой. Марфа Федоровна родилась в 1865 году в Ивановом Бору, здесь же, в августе 1943 года и умерла на 79 году жизни. В семье Ефима Дмитриевича и Марфы Федоровны Коршуновых было шестеро детей: первая и самая старшая дочь — Анна, моя бабушка по маминой линии, родилась в 1890 году затем был сын Василий 1892 года рождения. Третьим был сын Николай, который родился 25 ноября 1895 года. Николай Ефимович был женат, у него было двое сыновей. В 1933 году он умер от туберкулеза.

Четвертый ребенок — дочь Мария, Мария Ефимовна. Я встречался с ней, жила она в деревне Макаровская. Умерла она уже в наше время. Пятый, еще одна Мария, в замужестве Шахова. Долгое время я считал ее своей бабушкой мы приезжали к ней в гости, некоторое время она жила у нас в Мурманске. Она умерла и похоронена в Ивановом Бору. И последний, ребенок в семье Ефима Коршунова — сын Василий. Василий Ефимович был женат, гонял по Шексне плоты с лесом и однажды не вернулся с реки — утонул. Случилось это еще до Великой Отечественной войны.

В 1933 году Анна Ефимовна вместе с младшей дочкой Катей, которой исполнилось пять лет, уезжает из деревни в город Кондопогу Карельской АССР, по приглашению своей золовки — Анны Александровны Марьиной (Кухтаревой), как тогда говорили, на заработки. В Ивановом Бору остается Марфа Федоровна вместе со своей внучкой, старшей дочерью Анны Ефимовны — Шурой. Кондопога — небольшой городок, почти деревня. Это место, которое было обжито еще в XVI веке. Первое упоминание о деревне Кондопога в истории встречается в 1563 году. В середине XVIII века близ Кондопоги были открыты залежи тивидийского мрамора, который использовался при отделке зданий Санкт-Петербурга. В 1923 году по плану ГОЭЛРО здесь началось строительство ГЭС, которая проектировалась еще в годы первой мировой войны. Началось строительство и бумажной фабрики. В 1938 году из ряда небольших деревень, на основе рабочего поселка был создан город Кондопога. Население его составляло 14 тысяч человек. И это был по сути своей рабочий поселок с одноэтажны-

Коршунов Николай
Ефимович
Дядя Екатерины
Ивановны.
Село Иванов бор. 1933 г.

Кухтарева Катя.

11 лет. 3 класс.

Село Иванов Бор. 1939 г.

ми деревянными домами и бараками, в которых теснилось порой по 90 – 100 человек. Жизнь населения этого поселка сопровождалась всеми теми трудностями, которые присущи начальному этапу индустриализации. В Кондопоге, Анна Ефимовна, мама Екатерины Ивановны, работала уборщицей в магазине. Хотя разместиться в Кондопоге было очень трудно – жилья не хватало, жили они на служебной жилплощади, в отдельном деревянном доме. В этом им помог родственник, муж золовки Василий Марьин, который занимал серьезное социальное положение в городе. Правда, в последствии в этот дом подселили соседей, но все же условия проживания были вполне сносные. В 1936 году, в возрасте 8 лет мама пошла школу, в первый класс, и проучилась здесь два года. Школа была дере-

вянная, двухэтажная. Первую учительницу мама запомнила на всю жизнь, звали ее Апполинария Николаевна.

Позднее в Кондопогу переехала и старшая сестра мамы – Александра. Однажды, зимой 1937 года, дом, где они жили, загорелся от замыкания электропроводки. Мама очень ярко запомнила это событие, вплоть до отдельных деталей и часто вспоминала о пожаре и

Кондопожский универмаг. 1936 г.

своих переживаниях. Сгорело все имущество и Анне Ефимовне с двумя малолетними дочками предоставили другое жилье. Это был маленький домик, на рынке, где раньше располагался торговый ларек. Но это тоже было сносное жилье, в котором продолжалась мамина жизнь в Кондопоге еще два года.

В 1939 году семья вернулась в Иванов Бор. Кате было уже 11 лет. В селе она пошла в школу снова, в 3 класс. Здание школы располагалось в двухэтажном доме на берегу реки, в доме бывших богатеев. В этом же году Анна Ефимовна вновь уезжает из Иванова Бора вместе со старшей дочерью Александрой, в город Медвежьегорск на заработки. Работает она там в столовой, простой рабочей. А маленькая Катя остается на попечении старой, глухой бабушки — Марфы Федоровны. Через год Анна Ефимовна покидает Медвежьегорск и переезжает в город Череповец, работает там матросом, получает тяжелое заболевание и возвращается в Иванов Бор. Дома она долго болеет и 15 сентября 1941 года на 52-м году жизни умирает от рака пищевода.

После смерти матери, Катю, в 13 — летнем возрасте взяла к себе ее тетя, Шахова (Коршунова) Мария Ефимовна, которая вместе с мужем Михаилом Матвеевичем Шаховым и сыном Александром Михайловичем Шаховым, плавала на барже и перевозила грузы. Шаховы, так же как Коршуновы и Кухтаревы, издавна живут в Ивановом Бору. Происхождение их фамилии связано с рекой, с рыбной ловлей и ни как не связано с нашими южными соседями. Шах — такое прозвище на Руси получали искусные мастера, сплетающие особо хитроумные рыболовные сети. Кроме того, шах это кол для сушки сетей. Маму принимают в эту семью. Наравне со всеми членами экипажа она работает на судне, выполняет и домашние поручения, крепко дружит со своим двоюродным братом Сашей — Александром Михайловичем Шаховым. Учеба в школе завершается и больше не будет продолжена никогда. Ровно год прожила мама в этой семье. Через год, ее тетя, Мария Ефимовна, возвращает маму в деревню, к бабушке. 14-летняя Катя идет на работу, потому что надо как-то кормиться и кормить престарелую бабушку. Работает она по найму, в местном лесничестве: делает кольца для лыжных палок по заказу РККА, валит лес, загружает этим лесом баржи. Работа не для девочки-подростка. После этого работала в колхозе, но колхозницей не была. В колхозе выполняла все полевые работы: жала, сеяла, боронила, косила. В 1942 году мама решила уехать из Иванова Бора учиться в ФЗУ, фабрично-заводское училище. Написала заявление и с несколькими девочками из своей деревни поехала на Урал, в Пермскую область. Здесь, в городе Лысьва, она и должна была учиться на токаря в ремесленном училище. Рождение и развитие этого старинного горо-

Лысвенский металлургический комбинат.

Старая фотография.

да было связано с постройкой в 1785 году металлургического завода, который принадлежал семейству промышленников и предпринимателей Строгановых. Свое название селение получило от названия реки Лысьвы, что в переводе на русский язык означает — «река, текущая в хвойном лесу». В 1926 году поселок получил статус города. Сюда и приехала Катя Кухтарева учиться. Но учебы, как таковой в годы войны, конечно же, не было и учащихся сразу же ставили к станку. С первых же дней Катя делала успехи в овладении профессией токаря и вскоре начала работать у токарного станка самостоятельно, без наставницы. Точила она болванки для снарядов.

И все же 14 летней девочке очень хотелось домашнего тепла, хотелось увидеть близких и родных людей, и она вместе с подругами убегает из ФЗУ домой. Бегут они вшестером, едут на товарных вагонах, ночью, через всю страну, но их ловят и возвращают назад. Через месяц побег повторяется уже более удачно — через две недели, в апреле 1943 года, на Пасху мама вернулась в Иванов Бор. Такой поступок в суровые годы войны мог завершиться уголовным наказанием. Катю искали, присылали из ФЗУ запросы, ситуация была очень и очень серьезной, поэтому уже в июне 1943 года она завербовалась на работу и уехала в Карелию, в город Сегежу, где в это время жила и работала ее старшая сестра Александра. Город Сегежа тоже был не велик. Возник он на основе маленькой станции, которая появилась

на карте в 1912 году в связи со строительством железной дороги в город Мурманск. В 1932 году поселок пережил крутые перемены — сюда из поселка Майгуба перевели лесозавод и все другие предприятия. С 1933 года здесь заработал целлюлозно-бумажный комбинат. В годы войны он работал на оборонку. В конце 1943 года Указом Президиума Верховного Совета Республики Карелия поселок был переименован в город. В этом городе до 1945 года мама вместе с сестрой живет сначала в общежитии на территории комбината, а затем в коммунальной квартире. 21 декабря 1945 года мама поступила на работу на целлюлозно-бумажный комбинат рабочей в цех бумажной тары, об этом свидетельствует первая запись в трудовой книжке. Работа спорится, и 31 октября 1946 года ей присваивают 2 разряд, затем в июне 1947 года она переведена на должность подручной трубочницы 4 разряда.

В Сегеже, Александра, сестра Екатерины Ивановны, знакомится со своим будущим мужем — Масловым Владимиром Михайловичем, капитаном морской пехоты, который был откомандирован командованием Северного Флота в Сегежу из Мурманска и обучал там молодых моряков вождению автомобиля. Владимир Михайлович, участник войны, орденоносец, красавиц мужчина, которому тогда уже исполнилось 37 лет. Родом Владимир Михайлович был из дворянской семьи, которая проживала в Москве, был разведен, на флоте служил в должности начальника автошколы.

В 1948 году, Масловы уезжают в Мурманск, к месту службы дяди Володи, а мама остается одна. Жить без родной сестры тяжело и мама решает уехать из Сегежи. Тем более, что все пути в Иванов Бор

Екатерина и Александра
Кухтаревы.

г. Сегежа 25.10.1947 г.

г. Сегежа. 13.07.1948 г.

Кухтарева Екатерина.
г. Сегежа 27.06.1949 г.

были отрезаны: перед отъездом из Сегежи, сестра мамы Александра Ивановна продает добротный, большой деревянный дом в деревне своей тетке, Марии Ефимовне. Цена за дом была таковой: мужской костюм, хромовые сапоги, узел махорки и несколько пачек чая... Вот такая сделка!

Но в то время без причины покинуть производство невозможно. В ноябре 1949 года Екатерина записывается на курсы трактористов, которые организуются в Петрозаводске, под этим предлогом увольняется с целлюлозно-бумажного комбината и уезжает, но не в Петрозаводск, а город Мончегорск, к тетке Марии Ефимовне Шаховой. Мария Ефимовна живет там с мужем, Михаилом Матвеевичем Шаховым, который в годы войны попал в плен, а после освобождения был осужден и отбывал наказание в одном из лагерей под Мончегорском.

15 февраля 1950 года мама устраивается на работу, на комбинат «Североникель». Работает она на руднике «Ниттис – Кумужье» в шахте № 1.

Мончегорск расположен в 145 километрах к югу от Мурманска, на Кольском полуострове, севернее Полярного круга, в предгорьях горного массива Мончетундра, на берегу озера Имандра. Возник он в 1937 году в связи с разработкой медно-никелевых месторождений, разведанных академиком А.Е. Ферсманом. «Монча» в переводе с саамского значит «красивая». В этом городе и стала работать моя мама. Работала она под землей – сигнальщиком, потом сцепщиком до 28 мая 1952 года.

г. Мончегорск.
23.09.1951 г.

Вскоре Мария Ефимовна Шахова уезжает вместе со своей семьей в Иванов Бор, а мама остается одна, живет в общежитии. В это же время она получает травму на шахте – ушиб почки, последствия которой будут сказываться всю жизнь.

В 1952 году Александра Ивановна, мамина сестра, приглашает ее в Мурманск. С 1952 по 1954 годы мама живет у своей сестры, во 2-м Комсомольском городке, в бараке, вместе с ее семьей – мужем и сыном Борисом.

6 апреля 1953 года маму принимают на

Кухтарева Екатерина. 24 года.
г. Мончегорск. Рудник Нитис-
Кумужье. 1952 г.

г. Мончегорск.
1952 г.

работу на военный склад № 286 — рабочей. В 1952 году 4 апреля мама знакомится со своим будущим мужем, моим отцом, Иннокентием Лукичем Столяровым. Выходит за него замуж, бракосочетание состоится 14 февраля 1954 года, а 20 июля этого же года у нее родился сын Игорь.

В сентябре 1954 года она увольняется с работы и до 1 октября 1961 года не работает, занимается воспитанием ребенка. В 1961 году я пошел в первый класс, а мама на работу в войсковую часть 40603 — хлораторщицей, где работает до 16 января 1964 года. С 25 марта 1965 года по 4 января 1968 года работает в котельной — зольщицей, затем снова до 30 июня 1969 года аппаратчицей в хлораторной. Отсюда 16 октября 1970 года она увольняется и уезжает с семьей из Мурманска. В Чебоксарах 9 декабря 1971 года устраивается на Чебоксарскую фабрику химчистки в стиральный цех гладильщицей. Работает здесь до 1 июля 1972 года. С 7 июля 1975 работает в Горбыткомбинате №2 фотолaborантом с небольшим перерывом до 31 января 1981 года. Перед пенсией, для того, чтобы заработать побольше пенсию с 30 декабря 1982 года по 31 марта 1983 года мама работает на Чебоксарской чулочно-трикотажной фабрике в красильном цехе транспортировщиком.

Мурманск. 1952 г.

Екатерина Ивановна Кухтарева и Иннокентий Лукич Столяров.
г. Мурманск 1952 г.

Папа, я и мама. *г. Мурманск. 1960 г.*

г. Чебоксары. 1988 г.

История этого предприятия берет начало в годы Великой Отечественной войны, когда чулочная фабрика была эвакуирована из г. Полтавы в Чебоксары. С 1958 по 1963 годы велось строительство нового здания, после завершения строительства предприятие начало отсчитывать годы своей истории.

Жизнь в Чебоксарах была налажена. Папа, как военный пенсионер, получил двухкомнатную квартиру, свои три сотки за городом, поддерживалась связь с родной деревней. Я же сначала ушел служить в армию, потом поступил в военное училище и приезжал в Чебоксары только в гости. Мама поддерживала переписку со многими и многие родные и друзья побывали в Чебоксарах по ее приглашению. Приезжала тетя Соня Небредовская из Пскова и тетя Римма Шикова из Кривого Рога, ее подруга по Мончегрску. У родителей гостили тетя Клава и дядя Володя Чегринцы из Мурманска, тетя Шура, мамина сестра и дядя Ваня Прынц ее муж, Тамара и Валя, Валина дочь Лариса, не говоря уже о наших родных из Ярабайкасов. Дом моих родителей был всегда гостеприимно открыт для всех и для всех накрывался стол, пеклись пироги и было место для отдыха. Мама любила застолья, любила когда в дом приходили гости и не могла сидеть без дела.

Годы работы на Севере, тяжелый физический труд серьезно повлияли на ее здоровье. В 1999 году у нее обнаружили ишемическую болезнь сердца, а в ноябре 2003 года она перенесла инфаркт миокарда. С октября 2004 года мама стала инвалидом второй группы. В 1983 году она ушла на пенсию по достижению пенсионного возраста. Награждена тремя медалями.

Особое место в маминой жизни занимала ее любимая дачка на трех сотках. Всю зиму мама готовилась к летнему сезону, а ранней весной начинала свои поездки на природу. Там всегда был идеальный порядок, цвели цветы, выращивались огурцы, помидоры, перцы, лук, чеснок и все остальные дары чувашской земли. До последнего дня мама не хотела расставаться со своей дачей и даже за неделю до своей кончины, говорил мне о подготовке к сезону, а в конце разговора сказала: «Ну, да ладно, этим летом еще поезжу, хоть и тяжело, а осенью будем продавать». Ей уже было тяжело далеко ездить, идти через лесок, а тем более работать на грядках. И все же это было ее любимое место, там она вспоминала свою жизнь, перебирая в па-

У дачки. г. Чебоксары. 2005 г.

мяти события, своего мужа, и тихонько плакала на крылечке сарайчика, который построил ее Кеша.

Папа умер 10 декабря 2007 года на 78-м году жизни. Мама пережила его на шесть лет, но не могла пережить его уход. Вспоминала о нем каждый день. Возраст и смерть мужа дали о себе знать резким ухудшением зрения. Катаракта на обоих глазах сделала ее почти слепой, хотя она продолжала жить самостоятельно и очень не хотела, чтобы за ней кто-нибудь ухаживал. В 83 года она решилась на первую операцию по замене хрусталика, операция прошла успешно, больной глаз стал видеть почти на 100 процентов. Это стало причиной новой активности в жизни, мама сделала ремонт в квартире, обновила кухню. Мы вместе с ней занимались хозяйственными делами и радовались, что все идет хорошо. В 2012 году мы с ней опять обратились в «федоровскую» клинику и во втором глазу врачи заменили ей хрусталик. Зрение восстановилось. Дом засиял почти стерильной чистотой, мама вязала, шила на машинке, читала без очков самый мелкий текст. 2013 год мы встречали в «Волжской деревне», в коттеджном поселке: мама, мы с Милой и Алеша со Светой. Светочка уже ждала Анютку. Было очень весело и радостно. Все ждали новых событий в новом году. 9 марта 2013 года мама стала прабабушкой, а 19 марта мы отмечали ее 85-летие в Чебоксарах. Но все завершается в этой жизни...

В ночь с 21 на 22 мая 2013 года мама умерла в возрасте 85 лет. Похоронили мы ее в Чебоксарах, рядом с папой на кладбище № 5.

г. Чебоксары. Март 2013 г.

Часть 2

БАБУШКИНЫ СКАЗКИ

*Посвящается Василию Ивановичу
Кудявнину, который надоумил
меня всё это записать.*

*«Никому эти мемуары не нужны,
только портишь бумагу и время
портишь!»*

Е.И. Столярова

Горушка

По городскому – так горка, по-деревенски – горушка. Катались мы там на санках. Один раз до того докатались, что милиционера с ног свалили. Он на нас и упал. Вскочил, палку подставил – санки и встали (тоже, звали не санки – звали дровишки, деревянные такие были). Забрал дровишки и спрятал всё в кладовку. Домой надо идти – боимся! Спросят: «Куда дровишки-то девала?». Потом наши ребята, подняли крышу, угол у этой кладовки. Мы с той стороны, ребята в кладовке. Подали нам дровишки, мы домой их привезли.

Мы же эту горушку то укатывали. Как машина идёт – буксует, да хоть на лошади. Вот нам и не разрешали кататься. Песку то никакого не было. На дороги тогда песок не сыпали. И вот мы там наяривали, катались на этой горке. Это дело было когда я к тётке попала, в 41-м году.

Наш дом, потом сзади дом стоял, а в нём пекарня была и тётка Анна горбатенькая. Её сын и мальчишки сделали такие кочерыжки железные с крючком. Машина идёт, они за неё цеплялись. И этот мальчик попал под колесо.

– Помер?

– Конечно – сразу под колесо, так.

Шахта

— Коногон у Вас был, когда ты в шахте работала?

— Был. Я пришла — там ещё лошади были. С этим вагончиком я же потом и работала. В цех движения меня обменяли. Нам надо машинистку было туда, паровозик водить, а им надо сцепщика. В-о-о-о-т такие были вагонетки! Я там последние, наверное, месяца два работала, в цеху движения.

Этим вагоном привезли девки руду. Надо было её сваливать вниз. Крючки сняли — и туда, а вагонетка хоп, да на них. И обоих придавило к стене. А там кто ходить будет? Мастер, где он там ходит? Он же там тоже не сидит на одном месте. И никто не крику, ничего не слышал. Потом мастер приходит, они обе висят. Придавило их. Причём одна девка — землячка была. Макаровская деревня, Ананьево. С этой деревни была девка. Вагонетка не туда, а на них прямо опрокинулась. Вот чтобы отскочить — не отскочили.

Иванов Бор

У меня в паспорте деревня Берег, а у Шуры, моей сестры, когда вышла за Принца, Иванов Бор написали. К нам люди приезжали, решали, как называется деревня. Нашли какие-то документы, что она называется Берег, а не Иванов Бор. А мне Берег больше нравится.

Раньше были все свои дома. Больше ста домов было. Вот сейчас Кошной дом сгорел. Я, начиная с него, от конца и до конца все дома знала, какие были и кто там жил. И на ту сторону тоже знала. Если бы не война, я бы конечно из деревни ни за что, никуда не уехала. Я очень любила свою деревню, очень любила. Там у нас было два собора, зимний и летний. Мы только до войны с бабушкой там ходили. Потом церковь закрыли, а поповская семья смылася быстро-быстро. С одной девочкой поповской я дружила, даже письма потом писали. Они на горе жили. Так и назывался, «поповский дом».

Ещё почта на берегу была двухэтажная: внизу почта, вверху жили. Тётя Шура жила. А потом эту почту перенесли рядом с нашим домом.

Никого уже там, в Ивановом Бору, нету. Подружка моя живёт в Кириллове, племянница моя живёт в Кириллове, Лариска в Вологде.

Атаманка

Жили, да жили. Жили не тужили. Мы тогда из Кондопоги приехали в 38-м году. Я пошла во второй класс. Деловая была такая, уроки делала прям в школе. Сидела, на пальцах считала. Все удивляются: «Что она так быстро считает?». А я под партой на пальцах. Не зря же меня прозвали – атаманка! Когда повзрослели, по 16–17 лет стало, стали вспоминать. Я говорю: «А чего вы меня так звали то – атаманка? Какая же я атаманка?» «Ну ты же была красивая» – отвечают – «Красивая – значит атаманка». Я там была в почёте у всех. Задачи не умела решать, несообразительная была. Девкам говорю: «Кто решил задачу?» Они все свои тетрадки тянут: «Я, я!» Спишу, ещё и нарочно ошибку сделаю, чтоб не было с кем-то схоже.

Колька Старостин

У нас был такой парень, Колька Старостин. Всё меня мучил и девку, с которой мы сидели за партой. Я – атаманка, а Лидку прозвали – Селёдка. Приходит в класс, а мы уже боялись. Кричит: «Где тут Атаманка! Где Селёдка!» Мы ближе к дверям. Берёт ремень: «А ну!». Так и гонял нас. Мы подумали-подумали: «Ну, подожди, мы тебе сейчас дадим!». Он как-то остался с нами вместе, а мы его завалили в крапиву, отлупили и убежали. Дома говорим себе: «Ну, нам Колька даст сегодня!» А он ничего, больше не тронул. Мало ему было бы крапивы, мы бы ещё в навоз его закатали.

Брат

У меня ещё был брат двоюродный, на фотографии есть. Во втором классе дежурной я была. Всех с классу надо было выгнать. Я выгоняю – он не уходит. Я говорю: «Все ушли и ты уходи!» А он не уходит. Я его потащила, а потом взяла и отпустила. А он упал и губу рассёк. Встал: «Ну!...». И назвал меня так крепко-крепко. Губа распухла. А у него мама была очень злая. Думаю: «Сейчас приду домой, а эта тётка Анна прибежит, потом мама прибежит, и зададут мне жару». А школа была не то что там за деревней, а в двухэтажном доме. Я не пошла деревней, пошла берегом. Плутала-плутала пришла домой – тётки Анны нету. А губа у него, если б можно – зашили бы, а она ещё и загноилась. Он мне всё потом кулаки показывал: «Гляди мне!». Зажило потом. Всё прошло. Но рубец у него должен был остаться.

Возчик

— А извозчиков ты видела?

Я сама была возчик. Ездила в Кириллов за продуктами. Где-то полгода проработала или 8 месяцев. Так мне досталось — Боже мой! Потом ушла. Получала зерно, а мешок то 50 кг. А я 16 летняя девочка. Это надо всё нагрузить, взвесить, с весов снести на телегу и там на дровни.

Вот один раз ехала с картошкой. Как сейчас помню, получила я этой картошки 500 кг. Мне тяжело было таскать в больших мешках — взяла мешки по 20–30 килограмм. Нагрузила. А лошадь была у меня кривая. Глаз был кривой у неё. А тут снежок посыпал. И она завела меня не на ту дорогу, в другую деревню. Я стою и думаю: «Не туда приехала». Идёт дядька. Спрашиваю дядьку: «Какая это деревня? Окуньково?! Ой, мне надо в соседнюю!» И я заплакала горькими слезами. А на улице темно, зимой ведь короткие дни. Поговаривали, что уже волки бегают. Да и дезертиры стали быть. Он мне: «Что ты плачешь?». «Я боюсь темноты!». «Не плачь, я тоже работаю в лесничестве. Пойдём, у нас ночуешь». Он меня повёл с этой лошастью. Картошку мне всю выгрузил в дом. Мне на печке спать сказали. А я всю ночь не спала, картошку караулила. 42-й год и чужие люди. Я оттуда всё выглядывала — никто не шарабонит? Этот мужик утром встал — возчик спит. Пошёл, лошадь напоил, накормил, меня разбудил.

Всё погрузили, я поехала домой. А девять километров надо было тащиться, не то, что там где-то рядышком было. А меня уже продавщица ждёт. Она даже домой не уходила в сельсовете была. Ждала меня. Я выезжаю, расписная: «Ну слава Богу, жива!». Потом сказала председателю сельсовета, он у нас тогда жил на квартире, что я больше работать так не буду. Неужели же не видели. Хотя бы двоих отправляли. Начальник же видит, что девчонка там такие мешки ворочает. Нас тогда в лес погнали пилить деревья. Ведь мужики все добрые были на войне, а кривые да косые дома оставались. У нас такой был Шурка Абрамов кривой. Ему сестра шилом глаз проколола. Ума не было — и проколола.

Сибирь

Дом наш был, где Александра Ивановна жила. Этот дом был построен в 1910 году. Там дёгтем написали, так и осталось. Это в 28-м году было. Голод был, все и подались кто куда. Кто-то в Сибирь по-

ехал. Наш отец продаёт наш дом с таким уговором: уедем мы в Сибирь и, если нам там не понравится, отец обратно деньги отдаёт и дом вертают. Поехали они, пожили маленько. Там их чуть блохи не съели. Жить было невыносимо — сколько было блох. Тут все стали обратно утекать домой. Мамин брат с женой и двумя ребятишечками, которому я губу разбила. Дядя Коля, который в 33 году умер от туберкулёза. Не понравилось нам, стали обратно все текать домой. Мама-то приехала к нами с Шуркой да со мной. А отец остался хату продавать в Сибири, в Омской области. Нас отец проводил с дядей Колей и тёткой Анной. У них двое детей, у нас тоже двое детей. Пока хату продавал — время то вышло. Но у нас в Кириллове Устинья была. Она была за маминым братом, за Василием. Жила в бабушкином доме. Теперь, Василий неизвестно, как и где утонул. Он же гонки гонял, плоты по реке. И эта тётка Устинья продаёт маме полдома, хоть мама и сама с этого дома.

Отец всё хотел переделать дом. Он же пятистенный, а тётца ворчит всё и ругается, он же выпивать любил. Хотел стену поставить, дверь в ней и печку русскую выложить в той половине. Пока собирался — операцию сделали. А после операции сразу умер.

Пчёлы

Наши матери, моя и брата двоюродного, пошли сено косить и нас взяли. Бегали мы с ним, по лесу гуляли. Видим: кошёлка какая-то висит. Круглая такая. Мы давай её палкой тыкать. Два дурака. Оттуда осы как на нас полетят! Мы бегом — они за нами. Из леса выбегаем, орём! Мать подумала, что змея укусила, тоже к нам бежит. Потом рожи все кривые были. Температура поднялась, но не умерли.

В дому у дяди Алёши нашего учительница с мужем жила. Так вот, когда мы уехали на другое место, что-то они там не поладили и подрались. Она его толкнула прям на домик, где пчёлы живут. Они его покусали всего. Два дня в больнице лежал, потом умер.

На даче, на чердаке тоже такие кошёлочки маленькие висели. Я их расковыряла, тоже дура. Хорошо хоть осень была, и они там все спали. Маленькие такие, потом ещё в стене сучёк вывалился, они там жили. В стену ткну — жужжат и вылетают по одной. Я им потом эту дырку грязью заделала. Толкну — жужжат, а не вылетают. Потом перестали — сдохли небось все.

Парень

Ко мне ещё до Кеши парень ходил, Колька. Ну так, несерьёзно всё было. Врал, что бригадиром в войну в колхозе был. А сам ветродный такой. Я ему говорю: «Да ты быкам хвосты крутил в колхозе, а не бригадиром был!» Вот смеялись-то мы.

Икона

— А что это за икона св. Пантелеймона у тебя в углу на кухне висит?

Иконой этой меня тётка ещё благословила. Вот с 45-го года она со мной. Её Борька в печь засунул в 3 года вместе с петушком картонным. Она почернела вся. Слышу — что это там потрескивает? Я её выхватила, потом чистила долго. Краска не счистилась, вот как делали-то. Володька — его отец, не смог бы надоумить. Он в Бога веровал.

Чувашское радио

(Под чувашскую музыку по радио я начал приплясывать за столом.)

— Грех за столом плясать! А ты пляшешь. В Сегеже у нас радио было на карельском или на финском. Песни пели. Большое такое, чёрное, как тарелка. А здесь слушаю — на чувашском говорят. Когда песни поют голосом хорошим — нравится. Шурка приезжала, говорит: «Как ты это слушаешь? У меня голова болит! Ты так совсем очувашишься!» А я и очувашилась — муж то, чуваш!

Чистота

В 57-м году Кеша хотел Лёву в Мурманск взять. Повезли на освидетельство в Моргауши. Там ему белый билет дали, инвалидность не дали — такие сволочи. Вот там я тарелки красивые купила. Потом их от Луки прятала, а то он бы разозлился. 6 тарелок.

Приехал Лёва, весь грязный — картошку в ушах сажать можно! Я эту грязь у них в деревне долго выводила. Все вшивые, гниды прям на белье сидят. Каменный дом там весь вычистила. Потом у Дуни тараканов выводила у Алексея в доме. С кашей манной мешала борную кислоту и всё мазала.

Муж

На последний день рожденья к деду деревенские приехали. Говорят: «Когда в Яробай-Касы приедешь?» «Как на ноги встану, так и приеду!» Так и не встал.

Война

В войну, когда по кругам для лыжных палок выполняли план, нас посылали лес валить. Семь километров от деревни каждый день шли. С собой две картошки брала. Сама сажала, сама копала, сама и ела.

Там мы деревья валили, рубили сучья. Девку одну чуть не убило. Она бежит, а дерево в другую сторону падать начало, на неё. Хорошо снег был. Её в этот снег и завалило. Мы потом раскопали.

Домой возвращались, ела щи пустые и чугунок картошки съедала. Потом шли вечерять или говорили: «На беседу». Клуб по выходным открывали, а в будни плясали в особой избе. Приходили гармонисты, девки с соседней деревни. Плясали, пели, весело было! Война нам ни почём. Как война кончилась — нам сказали. Мы кричали, радовались! Думали, не пойдём на работу сегодня, война-то кончилась. Как бы ни так. Пришла бригадирша и говорит: «Делаем двойную норму сегодня, за победу». Вот только вечером праздновать стали.

Закукры

Двоюродный брат любил меня всё на закукрах возить. А то было мне 4 года, тётка Анна рассказывала, она возила меня по деревне. Я у неё там сидела как жаба. Ходим так по деревне, она баб встречает и останавливается с ними говорить. А я сидела, смотрела-смотрела и кричу на них: «Ах, вы б...ди!». Вот попало мне потом, наверное.

Семья

Свадьбы у нас не было. Никто «Горько!» не кричал. Расписались днём, а вечером Кеша бутылку водки купил. Посидели вместе с Шурой и её мужем. Даже свидетелей не позвал. Свидетели были Нил

Константинович и Софья Ивановна Небредовские. Они уже после нас женились. Прожили 25 лет, а потом она от рака умерла. А он инвалидом остался. В Пскове где-то жили. Она с дедом в штабе тыла работала, а Нил в секретке с ним. Нил нам потом письмо писал. Дед не ответил. Боялся, что я к нему убегу.

Вообще не рассудительный был мужик. Когда второго хотела родить – Игорю 7 лет было. Тоже говорит: «Ты сама решай». А как я решу? Он муж – он и должен скомандовать. Я и подумала: «Вдруг уйдёт от меня, а я одна с двумя останусь!». И не стала.

Галя-дурочка

Помнишь Галю-дурочку в соседнем доме? Ходит вся грязная да голодная. Когда мама жива была она и питалась хорошо, и в баню они с мамой ходили. А как мамы не стало, кто за ней будет следить? Брат в тюрьму сел. Пенсию отнимают у неё сразу. Она бедная ходит, собирает бутылки. По помойкам шастает.

– Жалко её?

– Как ни жалко? Жалко конечно. Мне всех жалко.

Двоюродная родня

Брата Шурку я последний раз видела, когда ехала в ФЗО в 42-м году. Нас провезли в Лысьву, а он был в Чусовой. Заходят к нам парни в вагон и один парень кричит: «Кто Кирилловского района, Иванова Бора!» Я гляжу: «Господи! Шурка, брат двоюродный!» Он в лаптях – это им форму дали. «Ну, давай, иди сюда!» Поболтали, поговорили. А мы же ведь с сухарями ехали с деревни-то. Он шапку снял, я ему в шапку положила сухари. С тех пор я его больше не видала. Только потом от матери слыхала, когда жила в Мончегорске, что он работал в шахте, в Донбассе. Там женился на хохлушке. Мы тогда не писали, неинтересно было никому.

Много было двоюродных, да нету вот. Два брата двоюродных умерли, что жили в Макаровской. Ваня и Тинок. У Шурки брат Колька был – тоже умер. Брат двоюродный был у меня, Сашка Шахов – Игорь его знает. Парализовало его раз, потом ещё раз и помер. Сашка воевал, даже когда война кончилась. С Японией тогда война была. В Хабаровске он был. Так там был бабушкиной сестры сын, врач. И Шурка разыскал его там. Письмо матери написал, спросил адрес. Как уехали с деревни, врач этот приезжал один раз в 41-м году, когда

мать у меня болела. Умер, наверное, давно. Он моей маме брат двоюродный был. Вот ещё у меня сестра двоюродная в Череповце — Александра Ивановна. Почему я ей всё не могу дозвониться? Всё в трубке пик-пик-пик — это что значит?

Даром

Была соседка в Мурманске, тётя Надя. Идёт в киоск, видит открыточки, и спрашивает: «Миленькая это сколько эти открыточки стоят?» «Столько-то, Столько-то» «Ну ладно, давай даром штук шесть» «Бабушка мы ничего даром не даём. Надо платить!» «Да я заплачу, заплачу это такая у нас присказка — давай даром».

Будильник

В деревне у нас был будильник, как медный, жёлтый такой. Теперь этот будильник я всё-таки привезла в Сегежу. А жили мы на территории комбината. Был наш барак, а перед ним строили завод. Окна не видно, и у нас эти часы тогда украли. Мы с Шуркой в одну смену на работу ходили. Выняли стекло, залезли, карточки хлебные и будильник украли. Очень жалко было. Там ещё цифры были ненастоящие такие, римские. Ещё бабушкин будильник был, столетний.

Я в деревне тогда много что ставила хорошего, да дорогого. Три иконы были красивые. Их забрала тётенька из Макаровска. Одна икона даже открывалась. Там были такие искусственные бусы. Когда дома не было никого, я ещё небольшая была, я ту икону вытаскивала, открывала и любовалась. Знаю, сейчас кто-то должен домой прийти, закрывала и ставила обратно. Потом у меня было два подсвечника эмалированные, притащённые из церкви, которые мы украли. В окно забрались и взяли. Я жалею, что оставила два креста, которыми причастие закрывали в вазочке. Один бархатный был с ангелочками, другой белый из шёлковых ниток. Вот жалею, что в чемодан не положила. Посуды там много оставалось, всяких крынок, горшков, чугунов, вся постелья, подушки, одеяла, жакетки, шубы овчинные. Всё или квартиранты забрали или тётка из Макаровска. Она тогда ещё комод забрала. Но я же поехала в гости к Шурке, потом хотела домой вернуться в деревню. Но ничего не вышло.

При царе

— А твоя бабушка про то, как при царе жилось, рассказывала?

— Я тогда ещё глупая была, ничем не интересовалась. Бабушка говорила, что при царе Николае хорошо жилось, лучше чем при Сталине. Две коровы держали, две лошади были, телята, овцы — всё было. Земля была у нас, овины были, где молотили и сушили. А потом ничего не стало. Съели помаленьку. Мы же единоличники были, нам денег не давали. Наша мама всё бегала от колхоза по разным городам. Мы её и не видели толком. Испугались колхоза. Мама наша была неграмотная — что там будет, как там будет? Мы не одни были такие, ещё были единоличники. Баня у нас сбыла хорошая — сгорела, кто-то поджёт. Парень один был под подозрением, но не пойман — не вор.

— А зачем поджёт?

— Да зачем у вас машины поджигают в Москве?

Корреспондент

— Рассказывай, что-нибудь.

— Я лучше телевизор включу.

— Нет, рассказывай.

— А чего тебе рассказывать? Ты, наверное, где-нибудь записываешь?

— Записываю.

— А я, дура, сидела тут, рот открыла — болтала! Больше ничего не скажу...

Репрессии

Я как раз тогда пошла на работу. Работала на центральном вещевом складе в Мурманске. Бегут мне навстречу: «Сталин умер! Сталин умер!» Я даже остановилась и оторопела: «Как такой вождь умер?» На работу пришла все: «Ой-ой-ой!», — все жалеют. Кто жалел, кто говорил: «Ну и хорошо, что сдох!» Мне жалко было. Всем жалко и мне жалко, никому не жаль — и мне не жаль. Вообще-то все жалели. Дисциплина железная была, а сейчас никакой дисциплины. Разболтались все. Даже когда сажали — не он ведь сажал, а прихвостни сажали. Друг на друга доносили. Откуда он знал?

У нас в деревне маминой до войны было дело, году в 38—39-м. Пришли к дяде Феде нашему, всё проверили, даже навоз вилами истыкали, и забрали его в Кирилловский район. За что и про что — никто ничего не знал. Там подержали несколько дней, потом выпустили. Так он даже и не знал, за что его забрали и что искали. Кто-то вот наболтал чего-то.

А у нас мама работала в Череповце. Тогда пароходов много ходило пассажирских. Ну она нет-нет да и пошлёт нам посылку. То крупы пришлёт килограммов 8—10, то муки пришлёт. И мамина сестра, дяди Миши жена, два мешка муки купила и к нам завезла. Они на баржах ходили. И было это всё в доме нашем. И сундук ихний стоял у нас. У них же дома никого не было. Я тогда в третий или четвёртый класс ходила. Прибежала на перемене и спряталась под кровать. Шурка идёт и кричит: «Кто домой зашёл? Кто дома? Катька, ты что ли?». А я вылезая оттуда, весёлая такая. «Катька у нас горе — всё описали!»

Приехали на лошади милиционер и председатель сельсовета. Вот эти два мешка и наши полмешка кукурузной муки забрали. Сундук тёткин открыли, замок сломали. Там были нитки катушечные и большие такие деньги по 50 копеек, 9 штук было. У бабушки была мелочь, она нам в кино давала — всё забрали. На лошадь погрузили и повезли на склад. Потом вернули, когда дядя Миша приехал весной. Кто-то наболтал на нас, что мы чувствовали, что война будет и запас делали. А мы этого и не знали. Надо было — значит запасали. Пришли они, и сразу пошли в район, мама с дядей Мишей. К кому ходили — не знаю. К прокурору ли, к судье ли. Дядя Миша толковый такой был мужик у нас. Только вернули уже не мелочью, а бумажками. Это самоуправство было. Теперь мы такие все грамотные стали — а раньше...

Деревня

Я свою деревню знаю дом от дома по порядку. Сейчас уже половину домов поносили. Наш дом тоже старый, развалится скоро. Сейчас дочка тёти Шуры приезжает из Череповца на всё лето, там живёт.

Если б не война, я бы никогда из деревни не уехала. Я ведь к Шурке в Сегежу погостить приезжала, а вышло, что осталась. В деревне всё хорошо и садик свой есть. Всё своё, а на улицу в туалет бегать не устану. Кто-нибудь замуж бы меня взял, одну бы не оставили. Жила бы — поживала, да добра наживала.

Коршуновы

Ещё до гражданской войны было дело. Мама рассказывала, что мой дядя однажды её подкараулил на улице. Мама была такая красивенькая, такая тоненькая, чистенькая. И вот он и говорит: «Пойдёшь в самоходку со мной?» Раньше уводили невесту к себе до свадьбы домой, но спать не ложились. Мама говорит: «Как же, у меня жених есть!» А тот, тоже мне жених, три года гуляли, и никак не мог ей предложения сделать. Ну вот, Ванька и говорит: «Если ты, Анютка, со мной не пойдёшь — я тебя опозорю!» Мой батя был чистый хулиган. И мама испугалась — он же опозорит на всю деревню! Очень бойкий был наш отец, насмешник. Я б на её месте, если б я чувствовала что я ещё девка настоящая, сказала бы: «Да пошёл ты к чёрту!». Ну не знаю, что у них там было. Как ты меня опозоришь, если я девка настоящая? В деревне это же был позор.

У него была сестра, на тётку похожая, Анна, и дом был высокий, большой такой. Ну хочешь — не хочешь, надо идти. Она пошла в самоходку, с этой Анной спать легла. Наутро убежала домой. Мама, моя бабушка, её отлупила как следует — та ей рассказала всё. Наутро они пришли её сватать. Бабушка сказала: «Ни за что я тебе Ванька не отдам свою Анютку! Да ты ж такой... ты ж будешь её на каменку сажать!» Ага, попробуй-ка не отдать. Этот жених как узнал, что она за Ивана замуж выходит, пришёл к одной родне нашей и гармошку об пол! Он гармонист был хороший. А чего 3 года то тянуть? Сам виноват.

Не знаю уж, как они там жили. Она говорит, что неплохо жила. Была у них девочка — Маша шести лет, умерла. Вторую девочку Маша опять назвали, опять умерла. Третьим родился сын Вася, три годика умер.

А с этим Васей такая история была. Отец копал колодец у дома нашего в конце деревни. Мама говорит: «Вася, иди, зови тятю кушать!». Вот этот Вася выходит на крыльцо и кричит: «Папаша, иди кушать!» Откуда он такое имя взял? Тогда звали не папа, а тятя, а он где-то взял «папаша». Потом была Шура — жива осталась. После Шурки был какой-то там ещё. Я шестая и жива до сих пор.

Отец у нас умер в 31 году. Мне было четыре годика. Я тятю не помню, а Шура помнит. Никто же мне ничего не рассказывал, только мама. Мы были глупые — не спрашивали ничего, а сейчас то все дети умные — спрашивают. Вот я и маму не видела и папу не видела. Я за это и плачу. Какая-то бесхозная.

Смирение

Дед всё хотел усы отрастить. А зачем мне эти усы? Я ему говорю: «Я тебе их подпалю, вот попробуй только отрасти!». Они ведь ещё и седые были б. А я ведь на деле-то совсем не такая. Это я так говорю только. На самом деле я ведь смиренная девка.

Склад

Я приехала в Мурманск в 52-ом году. Работала на шахте, потом устроилась на работу на центральный воинский склад. Как меня взяли? Это ж не просто склад. Там вещи были от солдат до генералов. Меня взяли потому, что у Шуры муж был военный, а у них был знакомый на складе, Борис. Мы пришли с подружкой Галей. Хотя она не подружка — просто так же приехала, как я, и искала где устроиться. А до этого я работала временно на овощном складе. Без трудовой книжки картошку разгружали. Там мне сказал майор: «Кто у вас знакомые? Где вы живёте?» Я говорю: «Я здесь никого не знаю, но у меня зять — капитан». Майор пошёл на склад и спрашивает этого Борю: «Ты знаешь капитана Маслова?» «Да это мой друг был!» Всё, взяли меня на работу, а подружку не берут. Она телефонисткой тогда работала в Архангельске. Ей говорят: «Ты иди по своей специальности, раз ты телефонистка.» Она такая была... не нравилась мне, хоть и умная и вроде ничего девка была. Мне потом говорит: «Конечно, тебя взяли за красивые глазки!» А сама стоит перед начальником и чулок натаскивает. Я ей говорю: «Ты-то и ножку показала, а тебя не взяли. Как тебе не стыдно? Ты же не на улице и не передо мной, а перед большим человеком, перед мужчиной!» «Он у меня съезжает!» «Хоть полностью бы сползали — вышла бы и подтягивала!» Она потом пошла на склады где краски-мазки. Мурманск-то портовый город, чего там только нет.

Я заявление написала. Трудовая книжка у меня с 45 года. Назавтра на работу выхожу. А там где вещи генералов-адмиралов там другой был дом. Там девка ушла в отпуск, Анька. Мне сказали: «Ты пока там поработай, а мы тебя потом на общие склады переведём». Вот я так там и осталась и поработала, пока не ушла в декрет. Мало поработала, конечно. Я там много простыней ukrала. А потом так получилось, что НЗ (это склады наши) сделали на кладбище. Мне туда было рядом ходить. Меня спрашивают: «Столярова, ты согласна идти на кладбище работать?» Согласна, конечно, там же никакого

начальства. Со мной девка работала, Валя Баштакова. Мы вдвоём, делай что хочешь. Привезли груз — разгрузили. Не я буду грузить, а грузчики солдаты. А так сиди, спи. Конечно, я согласна. И мы с этой Валькой 1,5 года туда ходили до самого декрета. Солдаты из термосов кушали, и нам плескнут в тарелочку. Конечно, мы были молодые, было стыдновато. Вот там я простыни украла. Даже не украла. Пришёл тюк, а там две простыни лишних. Куда их девать? Вальке простынь и мне простынь. В валенок сунула и домой. В деревню их привозила, и у меня до сих пор эти простыни есть.

Фуфайка у меня была такая серая. Все в зелёной ходили, а я в серой, как заключённая. Я говорю: «Валя, поменяй мне пожалуйста, чтобы я не отличалась от всех». Шубу там получила чёрную, а Кеша ещё получил белую. Покрасили её в чёрную, и в деревню отдали. Сейчас Толя её носит, грязная вся. Они никакие вещи там не берегут! У меня шуба — 54-е года с Кешкой живём! Шуба как шуба. Покрывала поменяла дешёвенькие на дорогие. Купила их за какие-то рубли. Тогда и рубли то дороги были. Мы же на складе работали, получали 400 рублей. Это сейчас 41 рубль. Паёк получали. Володя получал паёк офицерский, Кеша — солдатский. Мясо было, масло было — ели что хотели. Я тогда правда не могла кушать, у меня была нулевая кислотность. Вообще желудок не работал.

Комната

Я шла с колонки с водой. Мне навстречу майор шёл с офицерского барака. Поздоровались, прошёл. Я дальше пошла дальше, коридор мыть. А мне женщина с того барака и говорит: «Застрелился!» — «Как застрелился? Он только что мне на глаза попал!».

Я тогда уже была беременная. Мы рядом с кладбищем работали. Смотрим: солдаты идут, машины едут, духовой оркестр играет. Мы с Валькой побежали туда. Я его лично хоронила в могилу.

Теперь в эту комнату никто не идёт — все боятся. Предложили Кеше, а я с удовольствием! Нам эту комнату и дали. Я прихожу — жена его на кровати лежит. Я ей говорю: «Вы меня извините, пожалуйста. Нам дали вашу комнату. Вы когда уезжаете?» — «Такого-то числа. Может быть, вы у меня купите вот эту койку? А то я увезу её в Ленинград, и на этой койке мне придётся ещё с кем-то другим спать». Это она про койку, на которой лежит. Только похоронила — уже о другом думает. «Если не дорого — я куплю».

Съехала она. Стены все были почему-то масляные какие-то, картонные — ну барак есть барак. Тогда ещё не ахти-какая беременная

была и всё вымыла. Мы с Кешей перешли туда жить. Койку поставили. Он притащил кушетку откуда-то выброшенную. Стол письменный с тумбочкой, там посуда лежала. У меня кое-какая посуда была, тётя Шура дала. Потом он кроватку-качалку сделал для папы. Хорошая, красивая. Так и жили. Мне пришлось рассчитаться с работы — с кем я оставлю Игоря? Ни мамы, ни бабушки. Тётя Шура ничего мне не помогала. Она же у нас барыня сраная была, царство ей небесное. Я взяла ребёнка и пошла. Очень не хотели рассчитывать. Я говорю: «Я же не буду приносить его на работу, мне ведь его не с кем оставить. Кто его будет нянчить? Вы что ли?», — тут уж рассчитали сразу, и я 7 лет потом не работала. 1 сентября Игорь в школу пошёл, а я 1 октября пошла на работу. На новой работе я девять лет проработала. Три года в хлораторной, ничего не делавши, кроме хлорки и шесть лет кочегаром.

Свадьба

У нас Шурка любила спать на полатах, а мы с бабушкой внизу, на кровати. Она не любила с нами спать.

Шурка мне говорит: «Ты спроси у бабушки — была у неё свадьба?» Я говорю: «Бабушка, у тебя была свадьба?» «Ну а как же, была-была». Его звали Ефим. «Катька, ты спроси — они целовались?» Я опять спрашиваю: «Бабушка, а вы на свадьбе целовались? Горько-то вам кричали?» Она уже поняла: «Ай, Шурка — сатана там лежит! Ты там подсказываешь Катьке?».

Тогда стеснялись говорить, что свадьба была. Что целовались-миловались. Даже этого не говорили. Никакого разговора больше не было. Как она вышла, за кого она вышла? У нас вся деревня — родня была. Что про нас спрашивать, про таких?

Корреспондент (продолжение)

— Вот я тебе тут намолола-намолола, а ты всё записываешь, корреспондент! Сейчас возьму и выключу.

— Да ты знаешь, как выключить.

— А я все кнопки подряд потыкаю! Тык-тык-тык! Он и выключится.

Карточка

До пяти лет я жила в деревне. На фотографии такая, щёки надула. Я хорошо это помню. Бегала тогда босиком, а мне кричат: «Катюшка! Катюшка! Беги на карточку сниматься!» Какие-то я нашла тогда башками сухие. Еле-еле туда ноги впихнула. Прибежала — там уже мама, бабушка была, Шурка. Мне говорят: «Смотри в этот ящик чёрный». Я думала дышать нельзя, чуть сознание не потеряла. Так и получилась со щеками надутыми.

Шуркину голову потом кто-то оторвал. Она позволяла играть с этими фотографиями детям. Я потом у неё под диваном кучу нашла. Даже фотографию отца сохранить не смогла! Мне говорит: «А я думала она у тебя...». А я ей: «А я думала — у тебя!». Была какая-то безалаберная. Даже иконку потеряла. Единственная, которая с нашего дома была. Всё потеряй — но это-то не надо! Ай, неохота мне судить да рядить.

Конец

В общем я с мамой прожила очень мало, но больше чем Шура. Мама жила в Кондопоге, я там с ней. Когда мне 5 лет было, мы уехали из деревни в Кондопогу к отцовой сестре. Там мы с ней прожили 5 лет. Шура жила с бабушкой. Она к нам приезжала иногда, даже в школу там начинала ходить. Потом мы вернулись в деревню. Я пошла во второй класс, мне уже было 10 лет. 2-3-4 класс, в 5 немножко походила и тут мама умирает. Вот и всё. Вся жизнь кончилась... Давай не будем ворошить ничего!

Цыганка

Мы ещё только год или два прожили в Чебоксарах. Цыганка пришла с мальчиком к нам. Дома никого не было. Я им говорю «Тихо-тихо-тихо, у меня дед спит!». Чтобы боялись. Её звали тётя Маша, погадать мне хотела. Я ей говорю: «Ой, не надо — не надо — не надо! А то ещё нагадаешь, что я скоро умру!». Она говорит: «Да не умрёшь! Проживёшь до 97 лет!». У меня была коробка конфет-горошков. Вот я мальчику и дала их. Говорю: «Что мальчишку-то с собой берёшь — приучаешь?». Она говорит, что они дерутся дома с ребятами. Так, как будто по-свойски поговорили с ней. Её тут все знали, тетю Машу.

97 лет проживу... Да меня и в богадельню-то, небось, не возьмут. Я тебе, что ли буду нужна? Или сыну? Никому я не буду нужна. Я пока шевелюсь — мне помощи никакой не надо.

Земляные орешки

Мы с Шуркой пошли к соседям. В дом, что за нами. Там были Катька, Лида, Женька, Валя. У них такие сени чистые—чистые. Доски аж жёлтые, тогда ведь не красили их. Там овца и наложила. Я спрашиваю: «Шурка, чего это?» «Ой, Катька — это орешки!» Я беру эти орешки и в рот кладу. Разжевала, как заорала, заплакала! Зачем она надо мной издевалась? Она мне потом сказала, что всю жизнь мне завидовала. Почему, говорю, завидовала? Ты же была красившее меня. Такие зубы артистические. Умела на гитаре играть. Умела разговаривать с парнями, не то, что я. А завидовала, потому что у меня был муж, Кеша, а у неё был муж — старик, на 18 лет старше. Правда и умер рано. Она ведь не работала, все 13 лет сидела под крышей у мужа. А я у хорошего мужа 6 лет в котельной работала, кочегаром. Я говорю: «Кешка, как тебе было меня не жаль?» «Но ты же сама этого хотела, чтобы ты Игоря со школы встретила и в школу провожала». А мне было людей стыдно, что у меня муж здоровый сидит в штабе, а я работаю в котельной. Нет, не жалел он меня. Шесть лет, Боже мой! Надо же, то время уже никак не вернёшь.

Приезд в Сегежу

В конце 45-го года поехала я к Шурке в Сегежу. Мы с тёткой, маминой сестрой, ехали вместе. Она в Мончегорск, а я в Сегежу. Весь ноябрь ехали — в Вологде долго сидели. Солдаты домой возвращались, народу битком набито. Мы доехали «Вологда—Беломорск». Потом наш путь расходится: ей надо в Мурманск, а мне на Сегежу. Теперь надо билет брать. Тогда мне 18 лет ещё не было, наверное. Ничего не знаю, не понимаю. У меня сзади чемодан, сбоку котомка, как её только не срезали? Тогда всё воровали. Какому-то солдату дала деньги: «Мне до Сегежи!» Честный видать был парень, но я за ним смотрела. Купил билет, мне дал, я приехала в Сегежу.

Деревня наша была, как деревня — лампочки да коптильчики горели. А тут гляжу — весь город в огне, везде горят лампочки! Я, конечно, этот город уже видела, но всё равно дивилась. Было под утро время. Темно, куда идти — не знаю. А Шура жила на территории комбината. Я зашла в вокзал, чемодан на пол, котомку под голову и сплю себе, в ус не дую. Потом просыпаюсь — все уже зашевелились.

Как я догадалась — не знаю, но пошла в камеру хранения и туда сдала свои шмотки. Потом пошла на почту — Шура же не знает, когда я приехала. Говорю: «Мне надо дать телеграмму Кухтаревой Александре Ивановне». А они её знают, там такая маленькая почтальонка жила рядом с ней. «А кто ты?» — спрашивают. «Я такая-то, такая-то, приехала из деревни, она меня не встречала и теперь мне надо туда попасть». Дали мне телеграмму. Сказали: «Заполний!». Я что-то там написала, теперь мне говорят: «С этой телеграммой ступай мимо проходной. Ни с кем не разговаривай, а скажи громко: «С телеграммой срочной!»». Ну, я была девка смекалистая. Иду такая серьёзная. А там мужики стоят, не пускают никого. На полу там перед ними лежат верёвки. Их ещё из бумаги делают, вроде туалетной. Думаю: «Нельзя, наверное, на них наступать. Вдруг ещё наступлю, а меня током убьёт». Прыгаю через эти верёвки, подхожу к ним. Меня спрашивают: «Вам надо на электромельницу?» «Да, мне надо на электромельницу!» «А может в контору?» «А может и в контору». Я ж сама ничего не знаю. Но пропустили.

Пришла я в контору. Как сейчас помню — там сидели служащие. «Мне надо передать телеграмму Кухтаревой Александре!» Они улыбнулись и говорят: «А может её позвать сюда?» Я говорю: «Если можно, конечно позовите». А это был барак, бухгалтерия в углу, несколько столов поставлено и девки сидят. Одна девочка побежала за Шуркой. Я стою — замерла. Идёт моя Александра Ивановна, такая худенькая. Последний год в деревне я около месяца работала на сепараторном пункте. Там я отъелася маслом, молоком опилася. Здоровая такая стала. А она тоненькая, худенькая. Так жалко её стало, да и не виделась три года! Мы с ней расцеловались, заплакали. Девки, что сидели, тоже плачут.

Пошли к ней в комнату, а там комната была разделённая на троих в том же бараке, только с обратной стороны. Я говорю: «Шурка, у меня же вещи в камере хранения!». «Ну ладно, завтра сходим» — говорит. Долго болтали-разговаривали, как годы эти провели, как я бабушку похоронила. Утром встали, пошли за вещами скорее. Я же приехала просто в гости, не жить. Посмотреть, как она живёт и обратно в деревню поехать. Вот до сих пор так и еду.

Первая работа

Мы с Шуркой в декабре в один день на работу устроились. В один день устроились, в один день книжку получили. А то, что работала в лесничестве — ничего не отметили. Даже заявление почему-то не пи-

сали — были глупые. Нам и денег-то давали какие-то гроши, остальное шло им. Вот эта трудовая книжка у меня до сих пор лежит.

Меня взяли на работу в Сегеже, в цех бумтара, где прессовали мешки. Там паровой пресс мешки сшивал, кидали грузчику, а он их в пачки складывал. Две женщины работали, третья подносица, а я там сидела как контролёрша. Сиди, да пиши. Рисовали кубик: каждая палочка — 10 мешков, 100 мешков в кубике. Так вот сидела бы и сидела. Но нет, мне не сиделось — я хочу быть швейей! У начальника цеха попросилась. Месяц училась. Когда стала работать швейей, у меня расход ниток большой был. Что сама воровала, что у меня кто-то воровал. В общем, посчитали, и начальник цеха мне сказал — пойдёшь в ширпотреб.

Ширпотреб внизу был. Там делали матрацы бумажные и наволочки. Станок привезли новый, и мы стали резать бумагу для типографии. А я же работала вверху раньше. Зачем я буду бумагу резать браковочную? Со мной девка - карелка работала. Когда мы с ней работали в ночь — я пойду наверх и рулончик возьму хорошей бумаги. И было у нас перевыполнение плана. Давали премию. Все удивляются, почему мы так много за ночь наплёпали? Ума нет, так хоть хитрость есть, и то ладно.

А Шура работала на трубочной машине, её сразу туда взяли. Когда Мешок не прошитый, то это трубка — четырёхслойка. Она идёт на рубочную машину, там её рубит. Её подтаскивает валиками и затягивает в станок, а там рубит двумя пилками. А на другой стороне стоит съёмщица: берёт охапку и кладёт в кучу. А там тоже есть подносики. Интересно было.

Потом у нас Шура попала в эту машину, чуть руку не отрубила. Она вытаскивает мешок и нажимает на педаль, нож отпустился и по руке. Ей скобками всё сшили потом. Начальник цеха над нами опекунство взяла, как над сиротами и говорит: «Переходи Катя к нам в цех». А начальник моя, карелка, говорит: «Зачем это в цех? Она и тут неплохо работает». Но я всё-таки перешла наверх.

Ещё раньше я у Шурки ученицей была. Она мне всё указывает, а я ей говорю: «Да пошла ты в ж..., я сама тут знаю всё как делать!». Она побежала к начальнику цеха и говорит: «Не нужна мне такая ученица! Она меня не слушает и ругается!» Меня сразу поставили на битумирующую машину. Там бумага проходит через битум горячий и пачкается. Горячо, аж дым идёт сизый. Я думала: «Что ж это у меня голова болит?». Приходила домой, падала на пол и лежала, пока не выдохнется. Потом только догадалась, что от этого дыма.

Девка с соседнего станка ушла в декрет и я стала делать закрытые мешки — ещё хуже. Надо было уголком мешки вырезать, чтобы

засыпать можно было туда сразу. Там пилки всё время забивались мокрой бумагой. Слесаря нас ругают: «Вы что не видите?» А мы их матюкаем. Потом я рассчиталась и мы уехали. Шура в Мурманск, а я в Мончегорск, к тётке. Я там шахтёркой стала. Сейчас ничего не вернёшь, что прошло-то прошло.

Старая карга

Бабушка у нас глухая была, мы её звали, старая карга. Тихонько к ней подкрадёмся и щипали, она вскрикнет: «Мне же больно!» А мы-то думали, что она не услышит, как мы её щипаем. Бабушка у нас была не такая как я, старая совсем. Лет 70 ей было тогда.

- Так тебе же 80, бабуля!
- Всё равно старее, чем я.

На барже

Тётка за мной заехала, сказала, что я ихняя буду дочка. Дочка-то оказалась ненадолго. Только год прожила с ними, быстро надоела. Ездили мы на барже. Их вели Ленинград-Сталинград, мимо нашей деревни. Мою тётку дядя увёз на лодке и меня ждали. Я хотела остаться. Думаю: «Спрячусь на чердаке, тётка ждала бы на пристани, пароход бы пришёл, а меня нет, она бы и уехала». Надо было так сделать. Вот тоже ума-то война, а меня из деревни забирают.

У нас там каюта была, домик посверху палубы. Настоящий, бревенчатый с печкой. В комнатке 2 окна и на кухне 2 окна. Туалет был – ящик висел за бортом. А на корме в ящике песок был, туда собаки и кошки ходили. Номер баржи был 1528, а потом в конторе, в Ленинграде дали 4918.

Во время войны баржа была нагружена досками. В 41-м году нас вели в Сталинград. Во всех городах побывала, которые на Волге были. Приведут нас и бросят на рейде. У нас тогда ещё баржа такая была – якоря не было. Не была приспособлена для Волги. Довели нас между Ульяновском и Куйбышевым, там мы зимовали. Семь баржей было. Баржи посреди Волги остались, а нас всех выселили на берег. Мы на квартире жили в местечке Мелзавод. Там камень был, его брали и пилили на ученические мелки.

Все баржи груженые, в лёд вмерзли зимой. Пригнали мужиков, вроде дезертиры, вокруг баржей ломали лёд и топили. И у берега лёд ломали и топили. Вот эти баржи потом привели к берегу, зацепили,

закрепили и ждали весны. Одна баржа утонула, пробило её льдом. Она была нагруженная такими маленькими тарелочками глиняными.

Лёд прошёл — нас повели в Куйбышев. Баржа сидела глубоко в воде и нас очень долго там разгружали. Потом нас повели в док и там нашу баржу переоборудовали. Она у нас внутри была — одни рёбра, не была околоченная. Очень было плохо её чистить. Настелили пол, борта сделали широкие, прицепили нам якорь. Потом нас повели в город Жердинск (Дзержинск). Нагрузили какими-то горшками с дыркой. Говорили, что к снарядам. Пока нас разгружали, прилетел немецкий самолёт. Дядя Миша говорит: «Это самолёт — разведчик. Сейчас нас будут бомбить. Одевайтесь и поплывём в лес на лодке. Берите что нужно». Мы с тёткой нарядились. Сашку уже зимой в армию взяли, брата моего — их сына, до того он с нами жил. Я захватила кошку и собачку под пальто. Лодка наготове, кушать приготовили. Ждали-ждали, так самолёт и не прилетел. Нашу баржу потом быстро разгрузили, и мы стояли на рейде. В общем всё лето. А осенью нас повезли домой в шекснинское речное пароходство, и наша баржа зазимовала в Топорне, не доходя до Иванова Бора. Привели меня к бабушке и сдали. Дядя Миша сказал: «Вот, бабушка, привезли тебе внучку в полной сохранности!». Бабушка говорит: «Дура я была, что вам Катьку отдала. В этот год мы жили хорошо, ещё и телёнка купили на зиму». Вот я и осталась у бабушки. Не понравилась я им. Я на самом деле не буйная и не бойкая. Это я на язык только такая, а так я очень стеснительная.

Первый раз в Чебоксарах

В Чебоксары нас завели и поставили на рейде. Парк имени Крупской и базар был недалеко. Мы с баржи ходили в город. Тогда ещё не было города такого. Всё было в низу, где сейчас затопили. Пришли мы на базар с девочками. Я слышу голос своего дяди, с каким-то мужиком под ручку идёт по базару и поёт частушку:

Украйна, да хлебородная,
Советам хлеб отдала,
Сама голодная!

Где он напился — не знаю, а кто бы услышал — его ведь посадили бы. Я подскочила: «Дядя Миша, ты что! С ума сошёл что ли! Тебя ж заберут, посадят!». Я его скорее от этого мужика отогнала, и на баржу привела.

Они меня очень любили, когда была мама жива. Особенно дядя Миша. А мне было лестно с ними быть, потом что у нас отца не было, а этот всё-таки мне как бы отца заменял. А мама умерла — зачем я им?

ФЗО (фабричное заводское обучение)

В 43-м году в ФЗО поехала добровольцем. Ведь не брали меня, не брали — нет, я напросилась! В сельсовете говорят: «Ты не бери свидетельство о рождении — возьми копию. А то потеряешь, потом набегашься». Вот копия лежит же у меня.

От Иванова-бора до Череповца шли пешком. Лошадь с нами шла. Кто ехал, кто сидел. Холодно зимой было. Приехали в Череповец, там в столовую. Два мастера стали документы собирать. Я говорю: «Девки, давайте скажем, что у нас документов нет». Так и сделали. Одна подходит, мы ей говорим: «У нас другая паспорта взяла!» А другая подходит, мы на ту показываем: «Она документы взяла». Так и не отдали документы никто.

Я помню, мы проезжали Уральские горы. Привели нас в город Лысьево, сразу на завод. Там ещё была Чусовая, нас там не оставили — дальше увезли. Там брат мой двоюродный был, Сашка.

В общежитии поселили, в столовую водят — страшно всё. Мы же глупые были. Мне 14 лет, а девки старше на два года были. Девки соскучились по маме, я по бабушке — не понравилось нам.

На заводе я быстро освоила станок. Делали тогда такие детали для фронта. Надо бежать, а я привязана к станку. Приготовили всё, оделись и в чём были, завалились ночью под одеяло. Мастера пришли, скинули одеяла — а мы одетые: «Вставайте! Всех под суд отдадим!» Потом неспавшие на работу пошли.

Мы с одной деревни все были. Сперва было 6 человек, а тут решили бежать вчетвером. Две Шурки, Валька и я. Кругом лес, а ведь на дворе апрель месяц снизу тает, сверху тает. А у меня валенки и галоши. Да и у девок так же было. Форточку померили, как наши котомки взойдут или не взойдут. Чемоданы свои оставили в камере хранения, а вещички из них в котомки положили. Двое вышли как будто в туалет. Мимо дневального прошли, тоже девка сидела. Из окна котомки наши приняли и за туалет спрятались, а мы потом тоже вышли.

Лесом шли, потом по железной дороге. В снег проваливались. Когда вышли на железную дорогу, уже светло стало. Глядим, впереди милиционер ведёт таких же беженцев, как мы. Куда деваться?

Перед лесом стоял стог сена. А снег-то проваливается, не успеем добежать. Я говорю: «Давай девки ляжем — покатаемся». Покатились мы, и закатились за стог. Лежим. Милиционер прошёл, эту партию провёл. Мы обратно вышли.

В какой-то деревне ночевали. А с собой взяли только маленькую пайку хлеба. Променяли кое-какие шмотки на картошку. Наварили, наелись. Наутро опять вышли, пошли. В милицию попали. А в милиции девке одной какая-то шпана мешок порезала, но не успели украсть ничего. Потом опять пошли и на повороте, когда поезд медленно идёт, заскочили в вагон. Пассажирный был поезд. Две Шурки заскочили, я осталась висеть — мужик затащил меня потом туда. А четвёртая девка осталась. Потом оказалось, что она попала в последний вагон, её солдаты туда затащили.

Так мы и поехали втроём. А потом и третью девку потеряли. Её вторая Шурка швырнула с подножки, а я на её место заскочила. Я говорю Шурке: «Ты меня, ради Бога, не бросай!» Она старше была. Так мы с ней доехали до Вологды. Туда приехали, там нас уже Валька ждёт, скорее доехала. Деревенского нашего встретили. Тесть Принца. Дал нам по буханке хлеба.

Потом надо было на Кириллов ехать. Сели мы на машину открытую и приехали в Кириллов в кузове. А до этого в ящике с углём ехали. У меня шапка вся прогорела — искры летят с трубы. Грязные все такие. Приехали мы в Кириллов, платить-то нечем и мы убежали. Валька осталась у крестной ночевать, а мы на свою сторону поехали со второй Шуркой.

Притопали домой. В клубе лампочка горела, там много народу. Как выходят девки, мы их цапнули, а они как заорали: «Ой, война кончилась! Девки пришли!» А мы им: «Никакая война не кончилась, а мы сбежали». Пришла я домой. Бабка заплакала, я заплакала, а Шурка не очень обрадовалась, что я вернулась. С голоду досыта наелась, хорошо хоть ещё не подохла. Потом понос был. Так и осталась дальше жить в деревне.

Пришло лето. Сестра моя завербовалась, укатила, а за нами приехал мастер. Там же много убежало народу с кирилловского району. Нас стали собирать: повестку за повесткой шлют. А у нас на квартире жил председатель сельсовета, дядя Саша с тётёй Олей и два их мальчика. Он нам говорит: «Давай-давай, собирайтесь-собирайтесь!». Пришлось пойти. Пошли вчетвером. Дошли до Кириллова. Я девкам говорю: «А я не поеду, у меня бабушка одна». Они говорят: «Ты не поедешь, и мы не поедём. Ты надеешься на дядю Сашу, что он тебя спасёт-выручит». Я говорю: «Я не знаю выручит-не выручит, а у меня бабушка одна». И мы повернули домой. Ехали на лодке, а сельсовет

на берегу стоит, он нам кричит: «Вернулись! Я вас сейчас с милицией отправлю!». Разбежались мы, я на чердак забралась. Так и просидела до вечера. Он вечером приходит, спрашивает у бабушки: «А где Катюшка?» «Не знаю я, не приходила». А я на чердаке сижу. Так и остались. А если бы мы не вернулись, то нас увезли бы тогда в Лысьву.

Мальчик

Собачку мы приголубили ещё с братом. Она приходила к нам на баржу такая заморённая и бесхвостая. Думали, что хвост отрубленный, а это просто порода такая. Мы её откормили — ты бы видел, какая собака стала у нас! Назвали, Мальчик. Шерсть такая волнистая, чёрная, маленько с рыжим.

Теперь нас ведут домой, в деревню на этой барже. Тётка говорит: «У людей хлеба нету есть, а мы двух собак держим». И одну отпустили, Орешку.

Отдали мы собаку большую. Стали нас отводить, баржу от баржи. Я как заорала! Наша собака как сиганула на нашу баржу! А расстояние очень большое было. Я обрадовалась: «Мальчик, мой маленький, они хотели тебя отдать!». Но потом всё-таки решили отдать. У нас каюта наверху была, а были баржи, где каюты внизу. Туда мы и отдали нашу собаку. Она так прыгала, мы думали она там стекло выбьет. Так собачка та и осталась у этих хозяев. А Орешку домой привезли.

Муська

Ещё кошка, Муська, была. С кошкой той было делов!

У нас была пристань у берега. Баржей же много было, как деревня. Собирались мы на этой пристани и бесились. Две баржи рядом стояли, а между ними висит деревяшка, чтоб баржа об баржу не плёпалась. А там внизу мазута, сверху воды. Эта кошка наша как выскочила, и между баржей упала. А баржи были не гружёные, высокие. Она упала и зацепилась за баржу. Я как заорала! Выскочили тётка с дядей Мишей, вытащили лестницу. Я опустилась, вытащила кошку за шиворот. Она вся бедная в мазуте. Мы давай её вытирать, потом керосином отмывали. Она заболела, вся шерсть у неё вышла, стала голая. Когда садились кушать, дверь закрывали, противно было глядеть. Потом поправилась, обросла, стала настоящая кошка.

Потом привезли её в деревню. В комнате дядя Саша сидел, квартирант. Что он ей там сделал — то ли ногой стукнул, то ли палкой. Она как выскочила, головой об косяк и в двери. Очень сильно ударилась, плакала горько. Я её выпустила, она подбежала к корове, что квартиранты держали, упала и сдохла.

Томка, Орешка и Кумик

Это было дело ещё — мама жива была. Дядя Миша с тёткой приехали с Ленинграда, навигация как раз кончилась. У бабушкиной сестры, Анны Фёдоровны, в деревне была собака, Томка. Всё ценится и ценится, надоела. Дядя Миша говорит: «Продам тебя или отдам на баржу». Она отдала на судно эту собаку. Она бежит домой. Раза два-три отдавала — она возвращается. Наконец её отдали в Ленинград. А там наша баржа проходила, это было дело в 38-м году.

Дядя Миша смотрит на берег и говорит своей жене: «Машуха, а вот собака-то бежит, как Томка!». Жена говорит: «Господи, откуда тут Томка возьмётся?». «Томка, ей-богу Томка!». Он сел в лодку и на берег, кричит: «Томка!». А она закричала, завизжала, и в лодку прыгнула. Хотел её высадить — она ни в какую, упёрлась. Привёз её на баржу, она пузатая. Жена заругался, говорит: «Вот кто увидит, подумают, что мы эту собаку украли». Муж ей: «Если найдут, то пускай забирают».

Она оценилася. Двух отдали щенят, одного оставили. Навигация окончилась, она приехали в деревню из Белозерска, оттуда до деревни нанимали лошадь. Эта Томка как рванула прямо к хозяйке старой, к тётке Анне. Визжит там, визжит. Тётка говорит: «Господи, не Томка ли это пришла?». Двери открывает, а тут Томка, вот тебе, здравствуйте. Взяла Томку обратно себе, а щеночка дядя Миша взял себе.

Жили они у нас, пока свой дом истопят и всё сделают. А на зиму ту половину мы закрывали двери, и вообще там не ходили, чтобы зря не топить. А тут бочка стояла у кровати накрытая скатёркой, пол мыть. На кровати собачка спала. Как встала, хотела с кровати слезти и прыгнула в кадушку. А там же салфетка, не доска. Она прыгнула прямо в кипяток.

Мама была дома, тётка была дома, дяди Миши не было. Мы с Шуркой в школе. Чего делать? Руки-то туда не сунешь. Ну, эту кадушку раскатали по полу, картошку залили в подвале. Собачка визжит! Конечно, даже глаза у неё лопнули. Они побежали к соседу, такой был Шурка Лизаветин: «Шурка, иди, пристрели!» У него было

охотничье ружье. Прибежал этот Шурка, пристрелил её. Они вынесли её в корзинке задом.

Снег тогда был. Я иду со школы, песни пою. Вхожу, а они все сидят там как у покойника, тихо-мирно. Я к кровати – собаки-то нет, Кумиком звали: «А где Кумик?». Вот они мне стали рассказывать. Я побежала тотчас за дом, раскопала корзинку, и жду брата со школы. Встретила, рассказала про это горе. Нашли тряпку какую то, завернули его в тряпку, в корзинку, и закопали во снег. Говорим: «Как весна придёт, мы её по-настоящему похороним, в землю». Пришла весна – ни корзинки, ни собаки. Куда девалася? Кто взял? Может волки? У нас же рядом лес был. Жалко было. Мы плакали, мама плакала, бабушка-то даже плакала, что такая ей пришла смерть страшная.

А Орешка был у нас на два дома. Он с собаками не гулял, а дома сидел. Выскакивает и к нам бежит. Бабушка видит: «Ой-ой, девки, к нам Орешка бежит!» Будто человек какой-то идёт. Дверь открывает скорее. А Орешка любил сахар. Маленький кусочек водишь у него перед мордой: «Давай, пляши! Хватит, сиди, давай! Служи!» Поиграем-поиграем, и всё, побежал домой. За сахаром приходил. Она у нас потом в 48-м году только умерла. И то не умерла – усыпили. Тогда дядя Миша попал в плен, а после войны этих пленников судили, и дядя Миша попал в Мончегорск. Потом приехала к нему тётка-жена и собачку привезла. А там всё-таки север, Мончегорск, Мурманск. У неё зубы выпали, кушать ей нельзя. Вот тоже усыпляли её. Но это уже без меня, я не видела.

На барже

Дядя Миша рыбу ловил, мы купались. А как купались: у нас круги были и два шара на верёвке. Идёт караван целый, штук 15 этих баржей и два парохода колёсных их ведут коричневого такого цвета. Я до сих пор жалею – дедушка нарисовал картину: река, по ней баржи, пароходы. Тогда ведь ковров не было, на стену её повесила. Почему потом выбросила?

Меня тётка привязывает на верёвку, и по лестнице спускают в воду. А Шурка в воду нырнёт с баржи, доплывёт до берега и бежит вперегонки с пароходами, а когда уже бежать нельзя – обратно плывёт. Бесстрашные были. Шурка нырял с крыши каюты, а я с руля.

Вечером здесь, на Волге соберёмся, у всех же лодки были. Едем на лодке. Посреди реки песок намыт – коса. Лодки затаскиваем, и

купаться. До того докупаемся, вода ведь вроде как тёплая, что аж губы синие. Тётка меня ругала: «Заболеешь ведь!» Потом и правда заболела.

Ленинград

Я в третий класс перешла. Приехали мы с Шуркой, братом, в Ленинград. Баржа наша тогда в порту стояла. Дяде Мише звонят: «К вам приехали сын и дочка». Он говорит: «У меня дочки нет — это наверно не наши». Но крёстка говорит: «Поезжай, это наверно Шурка с Катюшкой!».

Мы ждём дядю Мишу. Шурка поехал в магазин, а тут дождик. Он купил батон, под пиджак спрятал и бежит ко мне. А мне уже какой-то дядя булочку предлагает: «На-ка девочка, покушай!» А я: «Нет, я не хочу, не хочу!» Стыдно было. А тут Шурка бежит. Я этого батона поела, прикорнула и уснула. А тут дядя Миша приехал.

Он у нас как цыган был. Бороды не было, а весь чёрный и колючий. Поцеловал меня, тут я и проснулась. Повёл через проходную и меня записывает — Катя Шахова. А сам боится, не дай бог я его продам, я же не Шахова а Кухтарева. Но я сразу догадалась.

Вот мы там прожили июль. В Ленинграде в зоопарке гуляла. Первый раз в жизни видела зверей всех. Более понравились обезьяны. Собрались уезжать. До пристани идти километров шесть. У тётки впереди котомка, сзади котомка и мы. Приходим, а Шурка мне говорит: «Давай не поедем!» Ну и не поехали, домой вернулись — мама обрадовалась. И пробыли мы там до августа, только к школе приехали.

Он тогда курил уже у нас. На пароходе, когда ехали в Ленинград, он мне дал три рубля и говорит: «Катька иди, купи мне сигареты». Я пришла купить, а меня спрашивают: «Кому ты сигареты берёшь?» Я говорю: «Брату». А какой брат, большой ли маленький, до этого дела нет. Продавщица ошиблася и денег мне на сдачу больше дала. Я в кулак их сжала и побежала к Шурке: «Смотри, сколько мне денег дали и ещё сигареты тебе!» Вот когда встречались потом — вспоминали, смеялись.

Ой, было, да ушло. Никому ничего не надо. Шурка этот умер давно, моряком был. И сын его уже умер. Надо было ему какую-то ногу ампутировать, а он не согласился. А тут и вторая — уже поздно стало. Давай чай лучше пить.

Знакомство с мужем

С дедом познакомилась в Мурманске уже. Там жила тётя Шура со всей семьёй. Он работал в штабе, в секретной. Там была подружка моя, работала машинисткой. Эта подружка меня познакомила, чтобы ей удержать при себе парня её, Нила.

Когда в первый раз Кеша пришёл, я в комнате была. Мне подружка говорит: «Вон он идёт!» Входят двое. Кеша мне не понравился, он тогда в грязной шапке пришёл и в грязной шинели. Потом оказалось, что он всё чистое другу отдал, поехать в отпуск, а сам себе грязное оставил. Я сказала: «Нет, такой не пойдёт», — и не стала знакомиться.

Познакомились мы с ним в пасху, 4 апреля 53-го года. А потом пришёл он, когда в чистом на Новый год, я и сказала: «Парень ничего». А мы с ним рядом жили, и видеться стали как бы нарочно, а оптом стали и дружить. Так вот и женились.

А Нил этот женился и уехал в Псков, прожили там 25 лет и она умерла. Он себе другую взял, её тоже Соней звали.

Первая поездка в Яробай-Касы

Это было в 55-м году. Игорю был годик. Приехали мы с тётей Шурой, она с Борькой. Встретили нас в Ишлеях Лёва и Василий. На лошадях встретили, жарко было очень. Приехали, встречают, заходим мы в избу, а там нет ничего, только стол и стулья. Сначала мы подумали, что избу мыли и всё вынесли, а там, оказывается, ничего кроме этого и не было!

Стали жить. Дед откуда-то кровать железную принёс. У прадеда была деревянная кровать, а остальные спали, где попало, на сене валялись. Обед — вареники такие здоровые из чёрной муки. Щи из солёного мяса, пироги какие-то. Мы думали эти вареники как по вологодски — тоболки. Откусили, а тесто-то толстое, тёмное. Ни туда не идёт не обратно. Кое-как проглотили, положили обратно в общую миску. Выпивали, сидели. Мы тогда с Шурой ещё не выпивали. Под вечер народу навалило — все в лаптях и в ихних рубашках белых, подвязанных, а сверху выпущены. У баб передники, ну настоящие чуваши. Я думаю: «Я куда попала? Мама родная!» А у нас в деревне ходили по-другому. Лаптей у нас никто не носил. Платья шили красивые.

Кешина мать ничего по-русски не знала. Мы с ней в огороде работали, она мне что-то скажет, а я догадывайся. Кеша переводчиком был. Они во дворе дранку драли с Лукой. Она ему говорит: «Я с ней говорю, а то буду молчать — подумает, что я злая на неё».

Отца я называла, «папаша». А маму — «аби» (по-чувашки — мама). Ей очень нравилось, а мне всё равно, непонятно что за слово.

Потом нашли Шурка с Кешкой чугунную печку в огороде. А они же варили в котле, как у цыган. У них варили только первое в лачужке. Вот они так и кушали: сначала бульон выхлебают, потом гуцу. И дед так ел долго, потом не стал. Стали мы эту печку топить, стали варить первое, второе.

Вишню я тогда в первый раз увидела. В деревне у нас даже хороших яблок не было. Не умели прививать, а тут хорошие яблоки. Барашку они зарезали, мясо засолили. Так и жили целый месяц. Я думала: «Хоть бы скорее домой». Тётя Шура же барыня была, ничего не делала-сидела. Она сначала варила. Потом Кешина мать спрашивает: «А чего это Шура всё варит? Катя, что ли, не умеет?». Они же беспокоятся, что будет голодным сидеть их сын. Кеша говорит: «Девки, меняйтесь поварами! Пусть Катя готовит, а ты, Шура, помогай». Ну, я и стала готовить, чтобы бабка убедилась, что я умею.

Кража

Когда ехали обратно, я поехала в Крым к Шуре. Он меня проводил, а сам в Мурманск и там остался. После того, как проводил, поехал в Сокольники. У него там друг был, Витька. Вот они его угостили спиртом, а он же тогда не пил. Приехал на вокзал, сел, уснул. Вытащили документы из-за пазухи. Надо ехать, а у него ни документов, ни денег ни хлеба, ничего нету. Прибился к каким-то солдатам. Они ехали в Мурманск в командировку. Его старший взял. Он завалился на третью полку, так до Мурманска и не вставал, ехал. Неужели его покормить даже не могли?

Приехал домой голодный, без копейки денег. А я в Крыму себе новые коронки вставила, приехала такая красивая, с новыми зубами. Он на машине, на козлике приехал меня встречать. Я сижу улыбаюсь, а ему не до этого, что я улыбаюсь. Думаю: «Неужели паразит себе какую бабёнку нашёл?». Он же тогда ещё молодой был, 26 лет.

Приходим домой. А мне же надо скорее полы помыть, и дорожки постелить, что мне его мать дала. Говорю: «Где чемодан-то?» «Ты знаешь, Катя, а меня ведь обокрали».

А там же новый костюм его был, брат из Германии материал привёз. Новые рубашечки (бобочки тогда назывались), туфельки новые, бельё, трусы, майки. Всё ведь хорошее в отпуск брали.

Он когда проснулся, побежал сразу в камеру хранения: «Так и так, меня обокрали» А там люди-то умные: «Поезжай в город, в милицию!» Нет бы сказать, что на вокзале милиция тоже есть. Пока ездил, приезжает уж и вещей нету, и смена сменилася, ищи их — свищи. Всё просрал!

Я плакала много. Денег же даже занимала на этот материал у тёти Нюры. У нас соседка в ателье хорошем работала, костюм ему сшила. Он мне говорит: «Я ведь думал что ты от меня уйдёшь». «А ты что, от меня ушёл бы, если б я вещи потеряла?». Я тогда 5 лет себе ничего не покупала. Хорошо хоть какие-то тряпки были. Игорь родился, муж работает, а я не работаю — пусть всё будет им.

Косметика

Я до 36 лет ничем не мазалась. Простым карандашом бровь подводила, у меня она разбита, и по субботам в кино губною помадой мазалась. В 36 лет я поехала в санаторий под Ригу. Там девки молодые что-то мажут всё и меня спрашивают: «А ты что ничего не мажешься?» А я думала, что это выдают там мазаться и говорю: «А мне ничего и не выдали, чтобы мазаться!» «А что ты хочешь, чтобы тебе дали?» «А чем вы-то мажетесь?» «А мы пошли да купили себе краски-мазки!» Я тоже тогда пошла, и купила себе мазилку. На ночь мазалась, «Зингерс» называлась. Утром встаю — мама родная! Сама себя не узнаю — у меня отёки, такая страшная! Кое-как у меня прошло, и я соседке отдала: «На, Муся, я не буду». Потом, ближе к 40 годам купила крем «Чистотел», чтобы лицо отбеливать. Но у меня от того крема печень болела. Думаю, что такое? Как не мажусь — всё нормально, как намажусь — сидеть больно. Там ртуть была, конечно по норме. Потом стали выпускать берёзовый крем. Да и то, мазалась, только если куда идти надо было. А сейчас я беру «Каринтол». Сначала стоил 6 рублей, потом 19, сейчас уже 24 рубля. Вот в телевизоре сейчас показывают молодую девку, что морщины у неё пропали через 2 недели. Показали бы старуху, что она помолодела. А то показывают молодую девку! Какие у неё там морщины?

Самовар

У нас в деревне самовар был ведёрный, тульский, целое ведро входило. Было два самовара, но один, маленький, потёк и некому было лудить его. Бабушка с Шуркой этот самовар вдвоём тащили. Чай бабушка так заваривала: кладёт чай, наливает чайник до полна и ставит на самовар. В самоваре внизу там уголёчки ещё. Самовар шумит, поёт. Чайник там греется-разогревается. Бабушка наливает в чашку чай, а потом с чашки выливает обратно и кипятком разводит. Я чай, как бабушка завариваю – так вкуснее.

Она же глухая была, кричит нам: «Девки, самовар шумит?» Мы ей: «Шумит, шумит!», – а там уже всё погасло. Она встанет, поглядит, смотрит в дырки, а угли уже чёрные: «Ой, обманываете!» Пойдёт к русской печке, а там же загнётка. Когда печка вытопилась, там большие угли забирают, а маленькие сметают в угол специальной метёлкой, вымоченной. Печка всегда чистая внутри была. Не поленился, берёт клюшку, берёт совок и в самовар эти маленькие угли положит. Сама не слышит, а чтобы самовар шумел. Тогда чай был горячее. И целый час пили из блюдец, никто из бокалов не пил. Внакладку не пил никто, сахара тогда не было как сейчас – каждый день праздник. Чашку выпьешь, подаёшь маме, она сидела за самоваром и краном чай наливала. Или бабушка сидела. А мы сидели у окна с Шуркой. Сидели так все, да болтали.

Один раз пришла двоюродная сестра, Валька, с соседней деревни, за шесть километров. Сидели мы ужинали, а горшок посредине стоял, на нём поварёжка деревянная. Шурка нас смешит, а мы с Валькой хохочем! Мама говорит: «Перестаньте, девки!». А мы ещё больше хохочем. А Шурка нас смешит, да сама не смеётся. Бабушка сказала: «Перестаньте!». А мы опять хохочем. «Что вас, дьявол что ли смешит!». Взяла эту поварёшку, и как долбанула мне в лоб, я аж упала, потом сидела качалась. Все испугались. Ну-уж тогда перестали смеяться, досыта насмеялись.

Воспитание

Это сейчас мы можем детей как-то уговорить и то не каждый, а тогда раз сказали, другой сказали а на третий били по жопе. Мама меня и верёвкой порола и чем под руку не попадётся, только не палкой. По голове не трогали или за уши.

А у нас Шурка была хитрая, что-нибудь натворит и на меня свалит. Во второй класс ходила, только что приехали из Кондопоги.

Была пасха. А мне когда-то дядя Миша привёз берет из Ленинграда, зелёный и помпон такой шёлковый. Я же тогда из горда приехала, городская такая. А Шурка мне завидовала, облила мне этот берет чернилами и запихала за зеркало. Я искала-искала, и тут смотрю — он за зеркалом, весь чернилами облитый. Я заорала, заплакала, с Шуркой мы заругались. Сидим ругаемся, а мама говорит: «Перестаньте!» А мы не перестаём. «Что, мне это бабушка что ли за зеркало положила? Это же ты сделала!» А мама опять: «Перестаньте!» И хотела мне дать по спине, а я локоть подставила, и она мне по локтю как ударила, что по мне аж мороз пробежал. Я свалилася — плохо стало, обморок. Тут мама забегала, бабушка забегала, водой меня брызгала, крестила. А Шурка стоит и говорит: «Она претворяется!». Вот всю жизнь завидовала. Почему? Она же красивее меня была. И глаза голубые, а у меня чёрные — пречёрные были, сейчас уже выцвели.

Мне кажется, что дети должны сами себя воспитывать. Вот меня кто воспитывал? И что: не воровка или какая-то лентяйка. Я с 13 лет на работу пошла в деревне. Меня хотели в детдом сдать, бабушка сказала: «Я её никому не отдам». А сама через 3 года умерла. Ты говоришь: «Какая ты нервная!». А тут нервы то все источенные, иссохли все. Дед Кеша тоже первые 3 года мне хорошо сделал всё. Об этом тоже было слёз пролито.

Сахар

Это ещё до войны было. У бабушки нашей был сундучок на замочке, там хранила сахар и чай. Шурка замочек булавкой открывала и сахару украдёт, а я крючком вязальным открывала. Возьму кусок сахару, иду в сарай. Оберну его в тряпку и топором расколочу. В поленицу положу. Побегиваю целый день и посасываю сахарочек! А бабушка заметила и говорит: «Вот сатаны-то! Вот сатаны! Лазают ведь!» Я говорю «Бабушка, это Шурка!» Шурка говорит: «Нет это я не делала, а Катька всё!» Всегда отказывается, и на меня всё сваливали. Хотя я тоже, конечно, крадала.

Хлеб насущный

Курицы у нас были, яйца были. Такие латки у нас глиняные были. Бабушка картошки начистит сырой, воды нальёт и яиц расколочит — нальёт. И ставит в русскую печку. Вот и обед, очень скудно было. Иногда гороховый суп делали, но я его не любила. Был не

лущёный горох, а в горшке сверху вся кожура всплывала. Мама её доставала, толкла, потом обратно ложила. Не мяса, ни картошки не было, просто гороховый суп. Я говорю: «Не надо мне этого супу, дай мне две ложки гороху и я пойду». Она говорит: «Садися и будем вместе все есть». А я не хочу. Потом даст мне две ложки гороху. Я его не любила, а потом в молодости стала любить. Бывало, еду из Мончегорска в Мурманск к сестре и говорю: «Навари картошки и горохового супа». И она варила. Это уже после войны, взрослые. Мы уже на чужой стороне жили.

Вот я вот тебе рассказываю, а мне потом знаешь как тяжело сердцем? Не буду рассказывать. Ты думаешь, так просто всё жилось. Не хочу я ничего вспоминать.

Когда мы ходили в лес в войну валили, я шла последняя и всю дорогу плакала. Думаю: «Сейчас девки придут к мамам, а я к кому приду? Ни к кому». Тёте Оле скажу: «Свари мне щи!». А щи какие: квашенная капуста и немного белой капусты, картошка и соль. Горшочек с картошкой ещё отдельно. Я же рано уходила, прихожу домой — она мне щи постные сварит. Ведь корова была — никогда стака на молока не налила. Какие люди жадные были. Вот эти щи наверну, горшок картошки съем. Помылась, переделася и пошла в клуб — там веселее. Потом хожу, да попёрдываю!

Беседа

Девки собрались, а меня нету. Так им там и не весело. Я приходила: «Ой, Катюшка пришла!» Они меня любили. Танцевали «краковяк». А мальчишеский был танец — «ленчика». Встаём парами, гармошка играет и идёт перепляс, потом следующая пара переплясывается. А потом в круг вставали и руками так менялись. Смешно было, как сейчас вспомнишь. Потом был другой танец «долгова». Я выхожу с парой, пою песню половину, потом так захватимся, крутимся. Потом вторая половину он поёт, и опять крутимся. Частушки пели против колхоза:

Я иду мимо конторы, коллективные сидят,
Зубы долгие-предолгие, маханину* едят.

* Маханина — конина, неприличный вариант — лошадиный хрен едят.

И ещё:

Бабка стара-престрая, морщины на лице.
Испугалась коллектива пересралась на пече.

Или просто такие весёлые:

Шапку новую помяли и подбили правый глаз.
Не ругай меня мамаша — это было в первый раз.

Парни наши не курили, не матюгались. У нас парни только говорили: «Ищи-мась» — вот и весь матюк. Пива не было, водка то была, но денег не было. Да и вообще, не надо было этого. Скромные были люди. Может и были шуры-муры какие, но никто и не знал. Это уж потом, после войны в Сегежу приехал один парень, Сашки Шахова брат двоюродный по отцу. Он рассказывал, что было. У меня аж волос дыбом: «Что, неужели правда!» Девка была, дочка председателя сельпо, Машка завали. Так её парни уважали. Мы завидовали, вроде ничего в ней не было. А они валили, как мухи на мёд! А вот оно, оказывается, почему так!

Теперь вот эта Машка с одним тоже возилася-возилася и девочку родила. Парень на войну ушёл, а она осталась у них в семье. Всё честь по чести было, никто её не позорил. Потом этого парня в Японию послали на другую войну. А когда уходил на войну, сказал брату двоюродному: «Ну ты уж тут за Машей присматривай, не обижай её». Ну, он её и не обидел — девочку родила. Родители пишут: «Коля, Маша родила от Вени». Коля пишет: «Гоните её в шею! А Катю оставьте». Так и сделали: Машку в Кириллов отправили с Венькиной дочкой, а Катю себе оставили. Он приезжает с Японии, жену привозит и троих детей. Оба хороши были. Но это уже было после того, как я в Сегежу уехала. Тогда же они от 26–27-го года по 7 лет служили.

К Вальке ходили осенью, пойдём в колхоз, натаскаем репы, намоем и сидим, жрём эту репу. Потом гороху ещё притащим ворох. Одна девка в балалайку играла. Напляшемся, напоёмся и по домам. На утро вся рожа чёрная была от копоти.

Все переживали, ждали, поскорее бы война кончилась.

Пряник

— Я сегодня ничего делать не буду — тебя провожу и домой приду. Ничего делать не буду.

- Спать ляжешь?
 - Не-а, включу телевизор. Поплачу. Буду ждать звонка, сидеть.
- Ты пряник попробуй-ка!
- Не хочу.
 - Попробуй, он вкусный!
 - Да не хочу я.
 - М-м-м! С повидлой!
 - Не буду я пряник.
 - А зачем я тогда его тебе положила? Ну-ка попробуй!
 - Ну, зачем себя заставляешь?
 - Так он же вкусный!
 - О, господи! Ладно, только ради тебя.

Камень

В Кондопоге, когда с мамой жили я из окна смотрела, как два моих двоюродных брата возвращались из школы. У нас камень большой был на пустыре. Они на него садились и сидели. Мне интересно было, что они там делают? Я кое-чего завернула в газету, завязала и рядом с камнем положила. Они возвращаются со школы, а я смотрю. Заметили этот свёрток, подняли, давай друг у друга отнимать. Потом развернули, бросили и побежали. Я очень довольная была!

Пожар

Кондопога так была устроена: сначала линия была, за ней деревня и фабрика бумажная. Она там до сих пор стоит. Там делали бумагу для газет. За заводом шёл город. Тогда зданий пятиэтажных не было, как сейчас, а были деревянные двухэтажные дома. В одном из этих домов мы с мамой жили. Потом он сгорел, замыкание электропроводки. Я в одной сорочке выбежала, мама что-то прихватила и тоже выбежала. Мы же там жили ни мебели, ничего не было.

Через несколько дней иду из школы с подружкой мимо пепелища. А мама из тряпок мне шила кукол и потом им головы пришивала. Вот на пепелище голова от куклы моей лежит. Я руку к ней протянула, дотронулась, а она в пепел развалилась.

После пожара стали жить у соседей. Рядом рынок закрывали и нам дали ларёк на этом рынке старом, вот туда мы и поселились с мамой. Утеплили, поставили там печку и жили. Потом на Иванов Бор уехали.

Следующее рассказано в августе 2010 года.

Шишка

В 20 лет, я была старшей трубочной машины и двое подручных были. Ну мне надоело там сидеть и решила за второго подручного поработать. Там был валик такой – сам 18 килограммов, на нем мухта надетая. Чтобы рулон не ездил, закручены барашки по бокам. Повисла я на этом валике, дурачусь, ногами болтаю. А он сорвался и мне прям по голове, а потом в ногу ударило. Мясо все от кости оторвало – но незаметно было. Я на больничном лежала неделю, потом вышла. Слышу, в ноге что то булькает. Я у Шурки спрашиваю: «Что это там булькает?» Она говорит: «Иди быстрее к врачу!». Он мне там шприцем 30 миллилитров жидкости выкачал. Надо было на прогревания ходить, а я молодая была и не стала, думала всегда здоровой буду. Вот теперь на этом месте шишка.

Сосед

Сосед наш, как напьется – такой мерзкий становится, всё лезет ко всем в любви признаваться. А как трезвый – и не поздороваётся. Вот и нашего Кешу к себе затащил. Вот не пошел бы он к Славке сходил бы за пивом да домой пришел. Так он его заманил, еще и 100 грамм налил. Я сижу, слышу – они там уже смеются. Через час кто-то по лестнице идет. Я думала – Кеша, а это Нинка, жена Славки. Говорит: «Кеша гулять пошел».

Я пошла искать его. Вышла и думаю – он туда пошел, а я в другую сторону его искать пойду, а если наоборот? Ну и вернулась домой. Потом подъезжает скорая, выводят Кешу. «Это ваш дедушка», – говорят? А у него, го-о-осподи, нос разбит, очки сломаны, лицо подарапано всё. Оказывается, пошел за пивом упал, и встать не может. Позвал парней, они на остановке пиво пили, чтоб помогли. Слава богу, они его не избили, а скорую вызвали.

Скорая повезла его в больницу на Волге. Измерили ему там голову и привезли. Ну хорошо хоть эти подростки его бить не стали. Порядочные попались ... А у него и брать нечего было – бутылки не было, денег не было.

Пирожное

Когда ещё в бараке жили Игорь маленький прибежал – кричит: «Привезли пирожные!». У меня денег мелких не было, вот я ему с Ниной Чистяковой собрала мелочи. Он зажал в ладошку, перед собой держит, и бегом в магазин. А по дороге канавка была и через нее мостик перекинутый. Он в эту канавку и влетел. Возвращается – плачет: «Не сберёг!», – деньги он, то есть, не сберёг. Ну, мы посмеялись и еще ему дали. Он очень радовался, когда пирожное это купил.

Коротко о жизни

Об одиночестве:

Когда не одна сплю – то сплю без думушки, если одна то все слышится-чудится всё время.

О современной эстраде:

Раньше так не пели, не выгибались с голой жопой!

О дыме в Москве летом 2010 года:

Такого никогда не бывало – на небе небось уже места нет дыму. Страшно!

О неграх:

Я когда в Сегеже жила мне рассказывали, будто есть люди с кожей цвета, как земля – чёрные. Я не верила, а как сама первый раз увидела, очень удивилась, и даже подойти, потрогать его хотела.

О грамотности:

- Я неграмотная.
- Как же? Читать то ведь умеешь!
- Читать умею, а неграмотная.

Корова

В деревне жить – коровы нет, так ничего нет. А денег нет, так коровы нет.

О муже

Я не скажу, что он был замечательный – это со стороны глядеть, он не больно был замечательный, твой дедушка, не надо его хвалить больно.

О любви

В 48–49 году мой кавалер стал моряком и уехал в Петрозаводск. Полтавская область, Шипацкий район, село Мереськи (видимо, с. Яреськи – АС). Приходько Александр Васильевич. Я его просила найти, но потом вмешалась Александра Ивановна.

О москвичах

Вы, москвичи, говорить то не умеете – болтаете всё скороговоркой.

О причёсках (Андрею Столярову)

Ты зачем наголо стрижёшься? Тебе не холодно, голова такая голая? Синяя вся! Вообще не красиво – ну что это? Хоть немного волосики бы были – красивей было б. Ольга тебя, наверное, постригла, чтобы тебя не растащили девки.

О пылесосе (пылесос Спутник, которому исполнилось лет 40 к тому времени)

Куда вы собрались пылесос выкидывать? А его кто-то там заберет, починит, да пользоваться будет! Я лучше оставлю. Когда умру – вы уж там с ним что хотите делайте, а пока пусть стоит, может денег за него кто даст.

Маньяк

В лесу, как на дачу идти, недавно на бабу, как я, мужик напал. Отобрал сумку. Теперь я там боюсь ходить. Неохота чужой смертью то умирать, хочу своей, а не чужой.

Радица

Кто ушёл самовольно из жизни, для них праздник – Радица.

Раньше

Раньше было интересней, чем в настоящее время. Может быть потому, что все были молодые?

Басни

Мои басни ни сколько не интересные – они горемычные все!

Письма

Был у меня парень. Он в армию ушёл, писали друг дружке письма. Ну я ему и нагородила всякой ерунды, что я выхожу замуж. А он мне и не ответил. Думаю, он мне напишет: «Зачем ты выходишь? Жди меня!». Но он, когда уходил в армию мне ничего не обещал, конечно. И я ему ничего не обещала. А потом жалела, что я такую глупость спорола. Он парень серьёзный и думал, что я такая серьёзная. А я написала, что замуж выхожу. Так что он там мне будет писать? «Ну и выходи, чёрт с тобой!». Потом не знаю о нём ничего. Отслужил, наверное, да домой приехал. Он в Сегеже один с отцом жил, матери не было у них. А потом я не знаю, что где он и как. Сначала писались-писались письмами, потом надоело всё. Все замуж повыходили, переписка кончилась.

Мишка

Вот эту песню я не люблю. Какая-то глупая песня. Мишка, Мишка, где твоя улыбка? Кешка, Кешка, где твоя улыбка? Доулыбались. 54 года. Кеша был скучный мужик, даже очень. Мы с ним никогда даже не разговаривали ни о чём. Что за мужик? Я ему назло другой раз делала ему что-нибудь такое. Укусить, разозлить, а его и не разозлишь и ничего не сделаешь ему. Ну, я хоть душу отведу — и то ладно. Он меня знал, он не сердился, он не ругался, не матюкался. И вы его знаете. Я на него лаялась-лаялась, но у нас никогда не было такого, чтобы я сердилась или он там сердился. Он конечно к этому привык, что я сразу буду разговаривать. Он никогда не сердился. Если кто-то сердится, то мне кажется время такое, как будто даже я болею. Когда человек на меня сердится или я сержусь мне очень-очень плохо.

Кеша тоже хотел в первое время показать своё я. Но меня выручил зять, тёти Шурин муж. «Если ты — говорит — Катюшку тронешь, чуваш, я тебя с крыльца пинком выкину!». Это первый год ещё было. Ну, ничего, думаю, я тебе поддаваться не буду!

Покупки

Вот чего купить, спрашиваю? Он никогда не знал, что ему купить. Что ему купить, что мне купить? Вот я еду сама в город, мы же

жили в Мурманске за городом, на окраине. Вот я еду покупаю то ему рубашку, то майку, то трусы — всё ему покупала. Только пальто мерил. Я даже обувь ему покупала: одеваю, два пальца там ставлю сзади, значит всё — Кеше подойдёт. Он себе ничего никогда не покупал. Ни себе, ни мне. Да и покупать-то больно не из чего было. Я ж не работала 7 лет. Получал он мало — сверхсрочник, что он там получил? Благо, что выручал паёк солдатский, он его на дом получал. В то время надо было деньги, когда молодые, а зачем мне вот сейчас деньги? Ну они не лишние, конечно, получаю. Ещё за старость дают. Вот мне 80 лет — получаю 1200 каждый месяц, за то что я дожила до таких лет!

Горох

Один раз было такое. У нас жили тогда вологодские квартиранты, в деревне ещё. Это было дело до войны. У меня гребёнка была жёлтая, помню. У одной бабки был горох посеянный там, к речке. Пошли горох воровать днём к этой бабке. Одну девку звали Мара, а другую я не знаю и остальные девки. Пошли там залегли, нащипали, пояс повязали, в подол наклали, надулись. Глядим, бежит одна женщина, Нюра Рюмина такая была, немножко с приветом. Кричит: «Сейчас я бабке скажу!» А эта бабушка, её считали колдуньей. Сизова что ли была. Ну ладно, она в деревне, а мы ещё там копались. Глядим — эта бабка бежит с граблями на плече: «Ой, сатаны такие-сякие!». Мы скорее на речку. Разделись, как будто купаемся. Эта бабка, не думая, на эту речку. А мы же голые купались, не купались в трусах! Выбежали на берег, одежду под мышку, и бежать голышом. Деревня впереди, сзади бабка с граблями, а мы на ту сторону бежим. Прибежали к нам в дом. Что теперь делать? Смотрим, бабка к нам бежит! А у нас уже тогда коровы не было, был дом, сени, а сзади ещё был хлев зимний. Мы забрались на чердак, да я там провалилася. Вишу, всё тело обцарапала. Ну там просидели кое-как время. Бабка прибежала — ругалась-ругалась, а Мара говорит: «Что ты, бабушка, ругаешься? Никого у нас тут не было!». Ну, успокоилась бабка, и мы вышли пирог уплетать. Детство было интересное.

Питимское

Купаться у нас было есть где. А сейчас эта речка вообще заросла. Она, эта речка, вытекала из озера Питимское, а там теперь мельницы

не стоят, не работают. 3 мельницы было. Они есть, но не работают, никто их не чистит и эта Гремиха пересохла уже. Чуть-чуть только бежит. А с этой речки воду брали на самовар всегда. Очень чистая была. Она же об камни обрабатывается – никакой накипи не было. В баню её носили специально, из колодца она жёсткая. Летом у нас баню сожгли, кто-то поджёг. И мы брали у соседки нашей. А баня стояла у речки. Моемся-моемся, у меня вшей много было в голове. Моя мама берёт меня на полоч, веником их там морить. А они наоборот хуже разводятся. Я кое-как вырвусь и в речку – бултых! Купаться было интересно. Если бы Шурка дом не продала бы я бы ни за что в город не уехала. В 52-м году вернулась бы. У нас там какие были работы – люди даже были вербованные. Там целый посёлок для чужих людей сделали. Что я привязалась за ними, тащилаясь? Надо было уехать да уехать. Жила бы сейчас в деревне.

Жизнь

Всё проходит так-то так, а потом человек, который прожил без всякой подсказки – это очень плохо. Что вот я прожила? Кто мне что подсказывал? Чего делать? Сколько я глупостей в жизни наделала – только один Бог знает.

– Значит так нужно было.

– Да ну! Была бы мама рядом, так совсем было бы всё по-другому.

Полиция

– Милиция теперь будет полицией называться.

– Мне сейчас безразлично.

– А что тебе не безразлично?

– Ну что, я живу да живу, пенсию дают вовремя, больше мне ничего не надо.

Цой

Цой тебе нравится? Мне нисколько не нравится. За Высоцкого всё цеплялись. 20 лет прошло – теперь за Цоя. Что за песни дурацкие какие-то поёт? Или пел. У Киркорова хоть голос, а у него что тут? Какой смысл? Не нравится мне он. Кто он по нации? Не русский

какой-то. В передаче «Пусть говорят» там отец его был, учительница была, прям освещалась, сидела. Там ещё одна пришла. Хвалили его всё. Пока человек жив — так хулили, а как умрёт — начинают расхваливать!

Давай поговорим

Малахов ведёт передачу «Все говорят». Мне не нравится, что Малахов такую передачу ведёт — всё сплетничают. Кто-чего кричит, вот это мне интересно. Кто ругает, кто хвалит! Много там такого показывают. Иной раз непойму, как людям туда приходиться не стыдно?

Или вот передача «Давай поженимся» — всё смеюся. Сидят три свахи — все приятные женщины: Роза, Лариса и Василиса. Роза сваха, Лариса тоже тут как бы, а Василиса она как называют их... кроссворд... что ли... а астролог! Она говорит: «Тебе эта девушка подойдёт, у неё такой-то характер».

Вчера было два жениха — один чёрный, второй чуть побелее, а третий белый, вот его и выбрала невеста. Чёрный пришёл жениться. Кто его возьмёт? Но у нас разве мало дур-девок?

Ну вот, теперь про эту Розу. У Розы двое детей взрослых уже. И муж лет на 17 моложе. И он её поревновал, и он её отдубасил. Показывают, как он её разбил, и потом она пришла в «Давай поговорим», а потом и муж пришёл. Она говорит: «Он меня поревновал, но это несправедливо!». Она умная и дети хорошие такие, заступились за маму. Она говорит: «Посажу его или нет — это не могу сказать, но чтоб сойтись — не сойдуся!». Там много-много интересного! Всё это жизненное, у тебя ещё всё впереди.

Котельная

Папа тоже был такой шепутной. В магазин не любил ходить. А я в котельной работала — разве мне там легко? Потаскай-ка там 115 кг. одна тачка, а потом тачек 30 привезти надо, да перекидать, сжечь. А потом выгрести, да вынести. Прихожу домой. Ну и Кеша конечно не хорошо делал. У нас тогда воды горячей не было, только была холодная вода. Плита дровами топилась, я её топила углём. Всегда было ведро воды наверху тёплое. Прихожу, всё заставлено тарелками и чашками, вся плита, подоконник, на столе. Дедушка сидит, порой даже не переодевался. Так, китель на себя положит и сидит, читает.

Отодвинул эту ещё посуду. А почему бы не помыть? Почему бы маме приятное не сделать? Ну, ладно Игоря я прощаю, так ведь тоже мог сказать: «Папа, давай помоем посуду, маме приятно сделаем. Даже чашки никто не мыл, ни папа ваш ни мой муж.

И вот я в 12 приду. Посуду мою до часу, и где-то я спать лягу во втором часу или в третьем — мне же надо ещё порядок навести на кухне, потом только спать ложиться. Я сейчас даже сама удивляюсь, как я работала в котельной. Это 6 лет, не 6 дней ведь.

Здоровье

Здоровье ещё от себя самой зависит. Ведь я тоже могу быть старухой: вынуть свои зубы, одеть платок, передник подвязать и ходить такой, но этого я не хочу. «Сколько вам лет — говорят там. — А сколько дадите?» Кто говорит 72, кто 74, больше не дают. А я потом говорю: «Куда 10 лет девали?» «Ой, неправда, неправда!».

А теперь я и не говорю. Бывает, сидишь в поликлинике: «Сколько вам?». Теперь буду говорить — 72, а то сглазят ещё. Вот меня сейчас зрение подводит. Всё-таки всё равно придётся сделать хоть на один глаз операцию. Кеша делал операцию на один глаз — 4 года хорошо видел, потом опять стало зрение теряться. А мне сделать операцию глаза — в магазин кто пойдёт? Надо самой идти. Кто мне тут сварит? Надо самой. Кто постирает? Около года надо беречь свой глаз, ничего не делать. А кто мне тут будет делать? Нянька? У меня нянек нету. Нанять нельзя — дорого, да чужого человека я боюсь.

Пряники

Какой пряник красивый! Дедушка любил пряники у нас. Цивильские пряники продавали, из гречневой муки — мне вот они нравились. Такие здоровые, а внутри чуть-чуть повидлы. Но сейчас я их не вижу.... Этот чай не по мне. Пойду, разбавлю.

Вася

Звонок, открываю дверь:

- Тётя Катя, здравствуйте! — такой маленький, невзрачненький.
- Здравствуй — говорю. — А кто ты?
- А я Вася Чемоданов.

— А чего — говорю — ты сюда пришёл?

— А кто — спрашивает — в нашей бывшей квартире живёт?

— Да тут гостиница целая, не знаю кто — всё разные, да разные.

Гляжу на него, хочу сказать: «Что ты на Васю не похож». А он побежал по лестнице и кричит мне: «А я вашего Алёшку видел!». «А где?», — говорю, а он уже убежал на улицу. Где тебя видел? Как он тебя видел? Не знаю.

Обещание

А вот тогда парень тебя останавливал — чей? Давно-то, давно. Мы побежали с Валькой отбивать тебя. Бежит Андрей: «Бабушка, бабушка, там к Алёшке какой-то парень пристаёт!». Я схватила платье, нацепила на левую сторону, по лестнице вниз. Вальке кричу: «Валька, пошли Лёшку спасать!». Валька как начала его матом крыть! Он тебе говорит: «Ты обещал!». А ты говоришь: «А я не знаю, что я тебе обещал». Ну и Валька его начала матюгать: «Я сейчас приведу парней, от тебя тут и костей не останется!». И он ушёл.

Мы тебе привели домой, я тебя начала ругать: «Что за парень, кому ты там что обещал?». А ты так стоишь: «А может я чего и обещал? Не помню...» Уже не маленький был.

Ответственность

Я ведь ответственное лицо за вас была, думаю — не дай бог, что то с вами случится — папа ваш убьёт меня сразу. Ты-то ещё не убежал, а Андрюшка ваш — за стадионом базар был перенесённый. Парня нету у меня тут. Потом гляжу — шайка идёт. Андрюшка вперёд, какая-то у него там гитарка. Сели, привязали струны — за струнами бегали туда. Сидит-наяриват на этой гитаре, поёт, вокруг него эти сопли сидят все. А эти бабки злые же были. Зоя вот, царствие ей небесное, Наташа. «Артистом будет, артистом будет! — я им — Будет, будет артистом!». Тётя Зоя умерла, тётя Наташа умерла, все поумирали, только я одна старшая живу. Только за мной никто не приходит. Порой так и жить неохота, и умереть неохота.

— Ты там не записываешь опять?

— Нет, что ты. Зато классная книжка с мемуарами получилась.

— С какими? С моими словами то? Господи, кто её будет читать!

— Я, мне интересно.

– И смеёшься, наверное?

– Нет, ты интересно рассказываешь. Но над чем-то смеюсь, что смешно. Вот ты бы читала, что твоя бабушка говорила – тебе интересно было б?

– Ну, наверное.

– И мне интересно.

– А что у меня интересно? Жила-была девочка бедная, одна и уже старушка....

У меня позвоночник скривился. Даже плёнка есть, лежит где-то. А что скривился? Так столько работать как я, тут и у самого беса скривится! Вот Агашка – девка молодая (72 года) так она на работу ходит, а я уже никуда не годная. Хлеба дома нет – ходить на улицу боюсь, нога болит. Решила пирогов себе испечь!

Следующее рассказано 18–19 марта 2011 года.

Фотограф

В Сегеже когда работала, пришел к нам корреспондент с фотоаппаратом. Хотел нашу ударницу фотографировать. Она мешки заворачивала и на конвейер клала. Говорит: «Давай я тебя сфотографирую!». А она работу бросила, встала и стоит. Он говорит: «Сядь, я тебя за работой фотографировать хочу». А она все стоит. Так и не села, пока он не ушел. Он уже другую фотографировал.

Мельницы

Ловили рыбу на берегу острогой. Этой острогой бьешь и на берег вытаскиваешь. Я не ловила, только бегала там. Шурка тоже острогой ловила. А сейчас этой речки нету, всё высохло. Вся речка высохла. Шексна как была, так и есть, а в эту речку с озера не течёт вода, всё заросло. Раньше были мельницы на этих речках. Три мельницы. Люди выходили всей деревней, чистили. Кусты вырубали. Теперь никто ничего не делает. Сейчас всё там новые жители, старых нету. Всё только новые, чужие люди.

Когда чистили речки, я была ещё маленькая, это было дело до войны. Раньше люди свою землю держали и мельницы нужны были всем. Люди привозили из других районах к нам. Это извоз называлось. У каждой мельницы был домик. Седоки назывались. Приезжа-

ли, привозили возами зёрна. Там их мололи сколько-то дней. Заполняли мешки мукою, потом опять на свои лошади и уезжали по домам. Сейчас эти мельницы стоят, но они давно не работают. Работать то есть кому, да не с чем.

В Рачковом омуте был камень. С этого камня мы купались — ныряли. Этот камень взяли, да выгребли на улицу. Зачем, спрашивается? Кому мешал? Никому он не мешал. Новая власть пришла — всё стало по-новому. Теперя уже не Иванов Бор, не знаю что там теперя.

В ресторане

Я рестораны не люблю и не любила никогда. Никогда мы не ходили в рестораны. В ресторан надо идти — надо деньги большие иметь, а у нас их никогда не было, денег. Праздники справляли все дома, дни рождения тоже.

— А когда ты в первый раз была в ресторане?

— А ты папу своего спроси, я с ним была. Не с дедушкой же! Дедушка поведёт? На что? С пустым карманом? Кто по ресторанам ходил? У нас тётя Шура любила ходить, а я нет. Её там Володя водил, муж. Меня никто не водил.

Пригласил кавалер деревенскую девку в ресторан. Спрашивает: «Чего ты хочешь?» Она говорит: «Каша!» Посидели, съела она кашу, он опять спрашивает: «Чего ты ещё хочешь?» Она: «Каша!» Съела, он опять спрашивает: «А теперь чего ты хочешь?». Она: «Срать!».

Бог

Почему такое творится? Просим Бога, а от него никакой помощи, от Бога. Какая от него помощь, чем помогает? Я не жалуюсь на Бога. Сейчас где началось землетрясение — в Китае, Японии? (Фукусима — прим. СА) Это рядом с нами где-то что ли? За что им такое?

Кино и театр

В 33-м году первый раз ходила в кино в Кондопоге. Потом в деревню привозили, когда переехали жить в деревню. Там про Чапаева показывали. Потом привозили, потом смотрела ещё фильмы. Я пришла домой и дяде Мише говорю, маминой сестре мужу — Дядя

Миша, а почему там всё одни и те же люди в этом кино? Вот он мне объяснил, что эти люди — артисты, играют тех людей, которые что-то там сотворили или умерли. «Свинарка и пастух» — этот фильм я смотрела ещё до замужества, в Мурманске. Клуб был деревянный, на 64 человека.

А в театр в первый раз ходили в Сегеже, тогда приезжал к нам Лемешев, Пелеканова, потом ещё приезжал Дуров сам, старик с артистами, собачками. И гибнозёр был — вот этого мне никогда не забыть. Я-то побоялся, а женщина одна попала на сцену. Там он над ней так издевался, так издевался! Говорит: «Покажи мне, как ты траву косишь!». И она начала на сцене косу травить. «А как своего друга встречаешь?». Ну, она давай его скорее обнимать. Потом два стула ставили, и девуку там ложили — не сгибается!

Железная дорога

Бабушка моя всё хотела на железную дорогу посмотреть. Спрашивает мою маму: «Анютка, что за железная дорога?». Ну, мама-то рассказывает, а бабушка: «Вот мне бы интересно поглядеть!». Хорошо, приезжай, посмотришь. Бабушка нигде не бывала, она в другой деревне никогда не была, даже в больнице ни разу не была.

Тогда пассажирские пароходы ходили трёх и четырёх этажные, с колёсами. Был «Клим Ворошилов», «Дзержинский» был, «Коммунист» был, ещё один был какой-то. Четыре парохода.

Вот мать её раз свозила в Череповец перед войной, показала. Ходили на вокзал, смотрели железную дорогу. Бабушка увидела и говорит: «Я думала она полностью из железа, железом покрытая! А тут только две полоски железные». Очень расстроилась.

Варенье

Моя бабушка так и умерла — у врача ни разу не была. Ей было, наверное, 76—78, но тут уже война — чая нет, сахара нет, хлеба досыта нет — сколько можно жить? Собирали ягоды, сушили, варенья не варили — песку не было. Голубику, чернику, морошку не сушили, она была больно жидкая, и далеко было ходить. Нужно ездить за морошкой.

Военнопленные

Военнопленные работали в городе Сегежа. Работали вместе с нами в цехе БумТара. Их приводили с лагеря к нам на бумажный завод и ставили их работать, куда нужно было. Они работали честно, нормально, вместе с нами. Были хорошие, были злые. Что ещё молодые – были ничего. А что постарей – настоящие фашисты были, злые.

Им доверяли машины трубочные, где мешки вырабатывали. Швеями они работали. По работе отличались. Допустим, дали мне в бригаду двух немцев. Одному я даже доверяла машину. Они маленько по-русски говорили, а там и так понятно было. Четырёхслойка идёт – четыре пальца. Трёхслойка – три пальца. Как в лесу работали.

Со мной мужик работал. Когда в ночь работали – спать охота. Говорит: «Маленька, садись. Майсир пойдёт – я тебя ткнёт!». Я сижу – сплю. Мастер идёт – я уже как тут была.

Которые хорошие были – жалко было, которые плохие – нет. Говорили им: «Хотели в Москве чаю попить? Вот теперь клей хлебайте!». Клей, который заваливали в машины. Его в баночку лили. Там диски были – машина бумагу тянет, а эти диски идут по слоям и бумагу смазывают.

Приходили с биржи этот клей наливали в котелочки, солили и кушали. Ну, там же крахмал! Заведующая это увидела и стала обливать этот крахмал керосином.

Там были поляки, мадьяры, немцы были. Женщины свободны были – не были в лагере. Власовская армия была – те тоже вольными людьми были.

Начальство

У нас была Нина Михайловна, директор. Муж её был в Германии и из Германии привёз целый вагон вещей. Когда на неё пошли поклёпы, она живо рассчиталась и они с мужем куда-то подались. У них даже служанка была, немка.

Телевизор

В бараке телевизор появился у одной женщины. С линзой. Там линза увеличивала. Воду туда наливали. Игорёк бегал, маленький

ещё был. Я не считала нужным глядеть такое кино. Экран маленький и там народу целая комната была детей.

Потом, когда переехали в квартиру, купили свой, большой телевизор, Сигнал-2. В городе Мурманске это было, Речной проезд, на втором этаже. Первые годы было интересно. Мы в комнату приходили кушать, включали все новости, было интересно. А потом надоело уже и не стали включать. Потом включали что нужное. Разное кино картины хорошие, не похабные. Сейчас смотришь — одни убийства, одни убийства! Тогда такого не было в кино. Игорь ходил в третий или в четвёртый класс, вот тогда телевизор купили. Потом его сдали, купили новый, цветной. Папе захотелось подарить Алёшке свой телевизор, так он в деревне пропал.

Мотоциклет

Генка нас возил на мотоцикле. Лёва сзади сидел. Гляжу — он там уже висит. Затащили его. Человек 6 на мотоцикле ехали с коляской. Он потом на этом мотоцикле разбился, позвоночник сломал. Так и живёт уродом.

Концерт

В Росту ходили на концерт северного флота. С военного городка мы много приехали. Кеша одел шубу чёрную и шапку со звёздочкой. А тут из комендатуры молодёжь, его и сцапали. Я к Сиславину, он офицер большой был: «У меня мужа увели в комендатуру!» Он побежал — его освободил.

Интернет

Совсем я негодная стала. Хочу вперёд идти — а ноги назад идут. Вот сделаю слепок — зубы новые, золотые! Потом жениха буду искать — надоело одной. Ты мне найди-ка генерала какого-нибудь старенького.

— В Интернете?

— Нет, зачем в интернате! Мне живого надо!

Рассказано 27 января 2012 года.

Дед Лука

Дед Лука был разумный старик. Он всю жизнь проработал и самого себя отдал государству — он партийный был. Потом дед сказал, что я перед вами виноват, что никому из вас не дал образования. Конечно, виноват. Тот же Лёва был больной — сидел так, мог бы и поучиться.

Дед спал в шапке — у него голова мёрзла, мозг-то открытый. У него часть головы мягкая была. Больше ногтя большого пальца была дырка одна. Смотришь в эту дырку — она дышит, шевелится. Он её волосами закрывал — её не было видать. Он в госпитале лежал, уж не знаю в каком городе, есть даже где-то фотография в больничном халате.

Получал он гражданскую пенсию и не признавался, что болеет, в деревне не больно признавались. У него подействовало это на слух, говорил — голова болела. Он обращался к врачам без комиссии, но про дырку ничего не говорил. В 55 лет бросил курить, а выпивать в деревне не пили — денег не было, пить не на что было. Разве что только самогонку.

Дедушка Кеша и Лука были в хорошем очень отношении. Дед Лука Кешу очень уважал и Кеша дедушку тоже уважал. Звал «ати» или «папаша». Дед мог рассказывать весь вечер, как воевал, где был, что ездил, но я ничего не помню, что рассказывал. Имя «Кеша» он привёз из Сибири.

Говорил Кеше: «Давай купи машину, я тебе дам на колесо». Кеша не хотел его машины, некуда ставить, говорил. Дед приезжал к нам в гости, по неделе у нас жил. Я старалась, чтоб угостить, накормить его вкусненьким — всё-таки свёкр.

Ему было 70 с чем-то лет, и врач отговорил от операции глаза. А я смотрю, бабки, старше его, ходят спокойно после этой операции. Потом-то мы схватились — а мы-то не догадались сделать, два с половиной дурака. На старости лет он совсем ослеп, хорош хоть Дуня она, пока он жив был, его кормила, одевала, обувала.

Дядя Лёша

Все честно воевали и домой пришли, слава богу. Алексей тоже был раненый. Про него ничего не знаю, мы с ним вообще не обща-

лись. Он, было, придёт к нам в деревянный дом в деревне, маленько побудет, посидит молча и уйдёт.

Свёкры

Главными были мать и отец. Мы к ним приезжали — они очень были рады. Бабушка говорила: «Катя как приедет, мне как солнышко, здоровье привезёт!». Я привозила что-то вкусненькое, что-то сварю вкусненькое. Сядем все вместе, бутылочку достанем, и получается у нас праздник. Я когда бываю — они всегда на русском языке общались, из уважения.

Ольга

С Ольгой тоже мало общались, только в последнее время стали общаться. Ольга в Москве жила, как раз твоему папе годик исполнился. На Каланчёвке жила в доме трёхэтажном. В комнате 4—6 человек. Там они работали на дорогах — ремонтировали. Потом пожалела, что уехала. Так осталась дома, пошла в доярки, потом этого жениха встретила, Володю. Так и осталась там.

Молодёжь

У нас в деревне молодой человек пришёл с войны, Павел Шахов. 22-го года был. У него было ранение, большая дырка на макушке была. Они как чуть задерутся, ему дадут по голове — падал в обморок.

Очень много молодёжи погибло с 20-го года, с 22-го. У меня дядя вернулся, Саша Шахов 23-года. Какой-то дядя Ваня Володиев вернулся, дядя Ваня Лаврентьев вернулся, дядя Егор Коршунов вернулся, Вася Полозов, Ванька Чирков вернулся. А так остальные погибли. 28-ой мой год не воевал, только добровольцами. Я была там 10 лет назад, там никого уже нет.

Принц был, Шуры муж, из Белоруссии у него указательного или третьего пальца не было.

Старость

Старею с каждым днём. У меня не хватает сил, нога не сгибается. Сильно постарело моё лицо. Годы своё сказали. Я теперь уже в зеркало не гляжусь, а раньше была красавица.

Вот тут дедушка ходит, такой старенький, ноги еле передвигает. Думаю: «Господи!», — мне так страшно делается. Он старенький такой, ногами шаркает. Я думаю: «Вот бедненький, хлеба-то наверное некому принести!». Пока ещё помню свой дом, а вчерашний день не помню.

Еле-еле в магазин сходила. Послать то некого — все заняты. Валька своими пирожками занята. На два дня мне хватит. Купила килограмм муки, полбуханки хлеба, банку горошка, 2-е груши и один огурец и пачку молока. Груши полежат маленько — будут мягкие. Щей на два дня хватит и ещё ежи сделанные. Сейчас пойду варить картошку.

Я сама над собой смеюсь — зашла в магазин, купила геркулес, купила банку селёдки — а там не геркулес, а ячневая крупа! А я думаю: «Ой, какой геркулес то чистый, белый!». Банку гляжу, а там не селёдка, а скумбрия — взяла более красивый пакет!

Холодильник

Холодильник купили уже здесь, в Чебоксарах. В первый год не было холодильника, очень достать было трудно. Достала дедушкина двоюродная сестра, на Николаева в хозтоварах.

Записано 17–19 марта 2012 года.

Зимовье

Наша баржа с Ленинграда шла в Сталинград мимо нашего Ивана Бора. В это время умирает наша мама. Тётка заезжает за мной, когда шли обратно с Ленинграда. 41-й год, начало войны, люди отовсюду бегут. Они меня берут. Я-то думала, что я буду как их дочка, они меня очень-очень любили, когда мама была жива. Ну, вели-вели-вели, дело-то уже идёт к осени, в сентябре. Пока дошли, не доходя Куйбышева, тут нас бросили посреди Волги на якорь. Хотя у нас тогда и якоря то не было, мы без якоря ходили. Так за что-то цеплялись, баржа за баржу. Ну и остались тут. Про нас забыли. Потом, когда уже зима пришла, лёд потащило, шотра называлось. Мы так и остались здесь, на Волге. 8 баржей было. Одна баржа потом утонула, с каким-то белым камнем шла.

Ну а потом нашлось начальство. У нас баржа была нагружена досками строительными. Нам всем сказали: «Ищите квартиры и с

баржи уходят, иначе вы все тут утоните». Ну и пошли искать кто-куда, народу много. Там ещё были баржи волжские — очень больше. Там даже две каюты были и много было народу у них.

Зазимовали в местечке Мелзавод. Там был такой карьер каменный. Там выпускали мел ученический.

Нашли мы себе жильё и там зазимовали. Я была домохозяйка: жарила, парила, печку топила, хозяйских коз кормила. У нас было две собаки — Мальчик и Орешка. Учиться было негде, школа была в другой деревне. А кто меня туда пустит? Это же не у мамы. Кто меня туда поплёт? Кому я там нужна была? Тётке что-ли? Год пожила, и до свидания сказали мене, иди к бабушке своей.

Баржа стала на место, реки лёд покрыл. Надо собак куда-то девать. Собаки тогда были не такие, как сейчас городские, колбасу только жрут. Тогда хлебом их кормили.

Зиму прозимовали. Все баржи пригнали к берегу. Нагнали мужиков каких-то, они ломали лёд вокруг баржей. А потом нас повели в Куйбышев. Мы там стояли месяца два, потому что все наши доски были в воде и заморозились. Пригоняли заключённых, они что разморозилося брали и носили на берег. Потом нас повели в док. У нас была баржа — на ней были одни рёбра, на чём доски держались. И нам там всё обшили досками, всё сделали гладко и очень хорошо стало чистить баржу после мусора. Борта сделали выше. У нас туалета не было — нам подвесной туалет сделали. Якорь нам приделали.

Смерть в холодильнике

В Мурманске, на Угольной было дело. Мальчик ходил в первый класс. Пришёл со школы домой, уроки делал. Потом слышит, кто-то идёт. Думал, что мама. Холодильник был новый купленный. Это сейчас можно с той стороны открыть, а тогда не откроешь. Он спрятался от мамы в холодильник новый.

Мама пришла — куда парень девался? Неизвестно. А он так долго уже там сидел, что задохнулся уже. Так бы он мог бы кричать. Потом отец пришёл. Она говорит ему: «Не знаю куда ушёл, уроки делал — дома нету!». Туда-сюда его искать. Потом отец подошёл к холодильнику, открыл дверь, а он оттуда выпал.

Он от жены ушёл. А что потом с холодильником стало — не знаю. Незнакомые люди были. Люди говорят, так и я говорила.

Цыплята

Наш дом стоял, а сзади амбар. Я, значит, вечером беру вёдра и иду по воду мимо этого амбара. Зашла, гляжу — яйца лежат. Взяла яйца в ведро и домой. Я же не знала, что там курица сидит. Курицы-то не было.

Принесла домой. Потом туда-сюда с тётёй Олей разговариваю, мол «так и так — яйца нашла». Она говорит: «Ой, Катюшка, наверное там цыплята!». Стала разбивать, а там на самом деле уже цыплята завелись. Я их обратно в ведро и опять в амбар положила. А на другой день прихожу — уже никого нету. Кто-то другой нашёл. Может кто-то съел.

Патефон и гармошка

У кого-то в клубе был патефон. И ещё у одной семьи он был, директора сельпо. У них был граммофон с большой трубой. Летом окно открыто, музыку пускал. Но в основном была гармошка в деревне.

У Кати Сизовой муж знаешь как играл? Самоучка, но даже кто учился, так бы не сыграл. У нас были Сизовы три дома и чего-то их не очень уважали. У них был Саша — это была моя первая любовь. Мне было 13 лет, и меня тётка к себе взяла. А он был на два года старше меня. Когда я уехала, всех этих парней подобрали старшие девки. Ребят старших взяли на фронт, а дружить-то хочется, гулять-то хочется, они тогда всех подобрали наших ребят. А я, когда уже вернулась домой, он тоже ко мне подходил: «Катюшка, ты наверное на меня обижаешься?» Я говорю: «Фу, буду ещё обижаться на тебя!». А самой было жалко.

Я вернулась, мне было 14 лет, а ему было уже полностью 16. Он уже мальчик был. А потом они женился, после войны. У них трое детей было.

Самолёт

Первый раз самолёт увидела в Карелии, город Кондопога. Там не самолёт называли, а ероплан. Лет 9—8 было. Дико было, что такая штука летит?

Первый раз за вам летела. А нет, вру! Мы в Адлере тогда отдыхали, в санатории. Папе было лет 13. Собираю чемодан, сама думаю: «Надо лишние трусы положить рядом, а то самолётом буду лететь — мало ли что получится?».

А когда мы летели с Игорем в Сочи, вышли с поезда в Семфинополь. Кажется чемодан не мой — всё тяжёлый. Игорю говорю: «Игорь, это не наш чемодан!». «Тяжёлый», — говорю! Игорь: «Да наш чемодан! Тебе так с самолёта кажется». Почему он тяжёлый такой? Остановились мы на каком-то крыльце, открыли чемодан — наш!

Ничего не страшно было лететь. В окно глядела. Когда самолёт входил в тучи — вот это мне страшно казалось. Развалится, да и всё.

Путешествие

В 38 году, как вернулись из Кондопоги, мама поехала на работу в Череповец. Мы с бабушкой и Шуркой остались. Мне захотелось к маме. Что там Череповец и Иванов Бор? Ночь шлёпать на пассажирском пароходе.

На одном пароходе работала наша знакомая Шура из-за реки. Вот я договарюсь с ней, она говорит: «Ну приходи утром». Я бегу в каюту к ней, и к маме. Раньше не было такого — совать везде шоколадочку. Это теперь такая мода везде. Какие шоколадочки? Мы были нищие! Где такое взять?

Приду туда, на промывочную станцию возле пристани. Мамина была машина — промывочная станция называлась. Иду утром рано, она сидит, дежурит. Другой раз спит. Я подойду, в окно и стучу: «Ой, Катюшка приехала!» Побыла там недельку — всё, домой хочу. Там же всё время подружек нет. Купаться в реке — не купались, там грязно было. И опять этим же пароходом домой. Вот так мы и жили.

Купание

Всё лето жили на речке, купались. Бабушка ругала нас: «Сатаны! Лентяйки! Надо в огороде полоты!». А нам неохота. А Шурка была хитрая, старше меня на 4 года.

— Вот Катюшка, тебе столько — мне столько.

— А почему мне больше, а тебе меньше?

— Потому что я быстрее тебя делаю!

Но драться никогда не дрались, ругались только. Она была такая настойчивая девка. Эх!

Всё прошло и прокатиолсь времечко весёлое,
А теперь наступает самое тяжёлое.

Вот ведь...

Частушки

Да я всякие помню и матюжные и не матюжные и хорошие.
Я вам пела одну. Наругала вас – вы грустные сидели. Я решила вас
развеселить и спела частушку:

Говорят что я стара, только мне не верится,
Поглядите на меня – во мне всё шевелится!

Вот вам весело стало, что бабушка запела! Ой, господи, бабуш-
ка – дура, ваша!

На Ивановом бору новая столовая,
На второе подают мышонка безголового.

Бабушка да дедушка хороши были люди-то,
Бабушка да дедушке да оторвала муди-то.

Балалайка, балалайка, балалайка, лакова,
Я под эту балалайку три недели плакала.

На Ивановом Бору
Кошки какают в дыру

Сталин пишет телеграмму, чтобы срать по килограмму.
Как же высрать килограмм, когда ем я двести грамм.

Кино-2

В деревне жили, всё было по-деревенски. Рассуждали по-деревенски. Радио было только одно, так и то в клубе. Ну и жили-жили. Кино привозили раз в месяц, а то может в полгода раз. Первый раз я кино видела в Кондопоге у подруги, двоюродной сестры, Катя звали. Пришли мы, когда свет горел, а как свет выключили – я как уцепилась за неё и заплакала. Испугалась, что темно тут сидеть. Но потом

поняла в чём дело. Я в школу ещё не ходила. Не помню что показывали. Не звуковое кино было. Писали — она читала.

Москва

В мавзолее Ленина я папу на руках несла. Мы ехали через Москву. Очередь здоровая была. Вот там фотографировали Игоря на лошадке, на пони. А нам её ведь не принесли. Но а был бы дедушка фартовый, там на квитанции был адрес, можно было бы поехать. Но разве поехал бы твой дедушка. Ну и всё, не получили. Деньги то уплатили, а получить не получили. Это очень даже жалко.

Игорю тогда был годик. Тогда мы были у Ольги в общежитии. Деревянный дом был, трёхэтажный. На метро мы не ехали никуда. Некуда было ехать. Тётя Оля жила на Каланчёвке, с поезда вышла да иди пешком.

Я такой человек, что меня нигде и никогда ничего не интересует и не интересовало. Неинтересно мне. А сейчас старая стала, мне вообще ничего не интересно.

Алла Пугачёва

Аллу очень любили все, без слов. Потом она надоела всем. А сейчас вообще она мне не нравится. За внука вышла замуж, можно сказать. Ей 60 с чем лет то, а ему 30 с чем то, так кто будет? Конечно внук. И как будто, так и надо. Ни стыда, ни совести нет — это ужас, ужас!

Философ

— Живу, горюю, радуюсь, а потом думаю: было и было и всё прошло. Где вчерашний день? Найди! Нету. Вот так и жизнь.

— Ты философ, бабуля.

— А это кто такой? Что он делает, этот философ?

— О жизни размышляет, а ему за это деньги платят.

— Мне вот пенсию платят. Это что ли?

Игорёк

У нас как было раньше: Вот с дедушкой подали мы заявление. Он жил в казарме, а я у сестры. Мой зять говорит — подали заявление? Подали! Чего он будет жить в казарме? Вместе живите! Так Игорёк у нас получился.

Брат Колька

У него было 10 классов образования, у Коли. Кухтарев Николай Сергеевич. Он очень начитанный, двоюродный брат по отцу. Иду я мимо котовалки, а он мне навстречу, с рукой на привязи. У него рука после войны плетью висела.

Он мне говорит: «Я тебя не знаю, ты Кухатрева!» «Да, Кухтарева». Он взрослый человек был. Потом делов натворил у нас, в тюрьме сидел. Очень был парень начитанный, очень любил читать. Был праздник, Воздвижение, и вот он выскочил с ножом на улицу. Размахивался ножом хлебным, и одному парню этот нож в лоб попал. Он очень был парень смирный, тихий. Всё хотел меня к себе приблизить, как мы с Сашкой Шаховым были вместе. А вот никак, всё к маминой родне.

И вот он, когда этот мальчик ещё не умер, уехал из деревни. А потом как узнал, что Валька умер, он приехал и пошёл с повинной. Он сидел в тюрьме. Не то, чтобы специально ножом ударил, а так, махался: деревня есть деревня. Наверное, были выпивши, праздник так. А это виновата тоже медсестра. Она его в медпункт, йодом помазала и забинтовала. А надо было обработать по-настоящему эту рану. Всего-то там сантиметр. И тут загноилося, и гной пошёл туда внутрь.

Потом мы с Игорем приехали из Симферополя в Джанкой, и стоит старичок у калитки. Меня тётя Шура спрашивает: «Ты вот этого человека узнаёшь?» Я говорю: «Нет». «Как нет?» «Да не знаю я его!». А он стоит такой, как будто виноватый: «Ты что, Катюшка? Это же ведь я, Кухтарев Коля!».

Ну, я видела молодым, а тут уже Игорю было 13 лет, время-то шло. Потом мы с Игорем уехали, а он остался. Как же место называлось, не помню, какое-то некрасивое имя было. Потом сын его приезжал, поглядел — не понравился им Крым, не поехали.

А в Джанкой они хотели переехать в какое-то место. Он тогда был не старенький, а вот казалось, что старенький. Он хотел пере-

ехать в Крым со своей семьёй. Но побыл там и уехал обратно. Потом они уехали с деревни, с Иванова Бора. У нас же река Шексна и есть такая пристань Шексна. Там городишко такой. Там и остался.

У него было два сына. И вот один сын утонул, один остался. Он с тюрьмы вышел с женщиной. Он там и женился на женщине, она тоже там сидела, в тюрьме. Он был очень спокойный, тихий. У него всегда была за пазухой книжка. Он где-то не болтался, не плясал, не танцевал. Посидел немножко, и домой. Он очень любил читать книги.

Деревенские

У нас пришли с войны Коля Митюшков, Александры Ивановны муж, с рукой. Васька пришёл Галашин, тоже с рукой. Потом Ванька пришёл Чирков, с рукой. Коля пришёл с рукой. Вот четыре парня пришли, в руки ранены. Принц пришёл с коленкой раненой, и какого-то пальца нету. У нас был Иван маленький, а был ещё Иван большой, звали так в деревне. Два Ивана в семье, так. Когда крестили в церкви, там как совпадало, под какие дни, так и называли. Вот две Марьи — Шахова Марья Ефимовна и ещё была одна Шахова Марья Ефимовна. Две Маши было в одной семье. Это моя тётка была. А вообще я никого не знаю.

Так прожить и ни кого, ни чего не знать — что за жизнь?

Все молодые парни туда уходили, сколько не вернулося, ой! Я помню, Андрюшка Овдеев был такой хороший парень. Сашка Тимофеев был, Сизовы три брата — Вася, Саша, а Колька живой. Ой, сколько их погибло!

Блондинка

Вот у нас Шура была белая, а я чёрная. У нас отец был русый, и у Шурки был белый — белый волос. Её звали «сметанная голова». Ей было 14 лет. Тогда же не модно было белые волоса, смеялись. Ей сказали: «Ты эти волоса обрежь, у тебя потом выйдут чёрные». Она говорит: «Мама, ты обстриги меня!». «Ты что, с ума сошла? Ты девка уже, 14 лет, а ты будешь ходить с голой головой!». «Обстриги и всё!». А мама не стала. Шурка берёт ножницы и свою голову стрижёт. Тогда шапок не было, платки не будешь носить. Она взяла чулок, отстригла пятку, сделала кустик и всё носила, пока волос не отрос. Потом у неё появился тёмный волос, но не чёрный. У меня был совер-

пенно чёрный. У мамы был совершенно чёрный. У бабушки был русский. У отца был русский. Вон родился твой папа белый. Почему он стал чёрный? Дедушка был чёрный, моей мамы отец. Так и пошло. А откуда – не знаю.

Штаб

Вот река Шексна была. На той стороне было такое место, назывался штаб. Там когда то был штаб. Кто-то когда-то воевал там. Там было очень много разных людей и австрийцы были и немцы были, чёрт знает кого не было. Вот в ту, какую-то войну. Там даже были палаты, куда их разогнали? Лес удалённый был, и это место было гладкое на той стороне, вот и говорили: «Пошли гулять на штаб!».

Лодкой переезжали или паромом, если идёт. Там ничего не было. Просто поле чистое, даже трава не росла толком. Ничего там не было, ни домов, ничего. После войны там всё раскопали. Там же у нас под лесом нашли камень. Деревня Шаврово оставили, а остальное всё перекопали. Там же у нас камнедробилка была внизу. А Шатинино деревня, тоже всё раскопали, а потом нечего было копать, и закрыли лавочку. Каменный карьер был. Камень добывали, возили на камнедробилку железными дорогами. Не такие, как паровозы ходят, а вагонетки ходили. Там дробили. Приходили баржи на забёл, их грузили и везли туда вверх или вниз. Это уже всё после меня было. Там, видать, какие-то пленные были – это я ничего не знаю. Это была моя мама рождена в то время. Может даже моей мамы-то не было. Если бы это знать, то очень интересно было бы прочитать, но это нигде не написано, а и написано где, то мы не знаем. Что интересно, у нас Сашки Шахова отец, конечно, мужик грамотный был. Он много читал, он всё знал. Вот он много-много рассказывал про эту реку Шексню, про штаб. Там где-то есть Иванова голова, Иваново колено, вот он всё рассказывал, но я тогда глупая была.

Кассирша

Паром бесплатный был. Деньги платили, когда я была первой кассиршей на берегу. Это было когда война шла, в 44–45-м году. Я была самая первая кассирша на этом берегу. Но мне что было плохо, я одна три смены, а за две смены карточки получала она, бригадирка-мастерша дорожна, и деньги она же получала. Я с 6 утра до 12 ночи там сидела, пока паром ходит и лодочки, я сижу там. А у меня

же картошка. Надо её полоть, надо кучить, надо копать. У меня там огород, я не могла убежать оттуда. Я потом думаю: «А нафиг мне всё это надо?». Денег получала за одну смену. И карточку получала только одну. Я потом мастеру говорю: «Я всё. Вот тебе эти билеты, вот тебе деньги, вот мой отчёт. Всё, я ушла.». А в последний год ездили, там уже три человека кассиров. Там кассиру будку сделали. А теперь этого парома уже нету. Теперь сделали прямо с большой дороги, мимо Крапивино, и туда чешешь. Вот как было.

Ефим

Ефим был солдат в команде. Работали они рядом с Ивановым Бором. Они лес валили. Дерево повернулось и пошло не в ту сторону, и его прихлопнуло. Он остался там, и женился на Марфе. Потом он заболел, и у него получилась чахотка у Ефима, у маминого отца. У бабушки остались три девки: две Машки, сын Николай и сын Василий.

Иванов Бор

К реке, от креста идти, там стоял двухэтажный дом. Сейчас его разобрали. Там сельпо, сельмаг был, там всё магазин был. С другой стороны был кирпичный дом, клуб раньше у нас сделали. Чей был такой дом кирпичный? Каких-то богачей, видимо. Дальше идём, там дом простой. Второй дом идём, там дом с мезинином, тоже какие-то богачи были. Второй дом идём, там тоже двухэтажный. Там жила у тётки Александры Коршуновой сестра на первом этаже, и ещё почтальонка жила. Другой дом двухэтажный, там тоже жильцы жили в одной комнате, вот-вот развалится! Третий дом, там была школа, там тоже богачи жили. Я там училась со второго класса, как мы с Карелии приехали. Потом половину дома куда-то утащили, кому-то продали в другую деревню. Полдома стояло, и там жила председателя жена с ребятишками. А потом и эту половину куда-то утащили. Потом ещё дом двухэтажный стоял — это был крепкий дом, там сельсовет был. Внизу был магазин сельмаг, там жил милиционер, а на втором этаже был сельсовет. А этот дом увезли в другую деревню и там сделали интернат. А то ведь как мы раньше ходили в школу: перевезут — так пойдём в школу, не перевезут — то домой скорей бежали. Ещё радовались, что не уедем никуда. А теперь там сделали интернат, в Кузино.

Клуб был каменный. До этого там были богачи. После этого клуба устроили склад какой-то и магазин какой-то, а клуб сделали, где школа, на большой дороге.

До революции к реке Шексне по улице были двухэтажные дома. Какие-то богачи там жили.

Трапеза

До войны, в первую очередь в праздники, у нас был пирог с рыбой. В будни кушали, у кого была корова – резали картошку сырую, заливали молоком и в русскую печку, но не закрывали. В первую очередь был хлеб. Хлеб пекли сами. У кого большая семья была – картошки в решето навалят, сварят и на стол ставили. Сидели, чистили. Кто с капустой ел, кто с молоком припивал, кто с кислым молоком. На зиму капуста была солёная, огурцы солили, но они не очень шли. Они перемораживались, у нас же ни у кого не было погреба, всё в подполе держали. Грибы солили и сушили. С реки, у кого были мужики, ходили ловили рыбу, но не все. Так, любители. Нам привозили каждый праздник с города Кирилова, с Сиверского озера. Там ловили рыбу, снеток назывался, но не наши деревенские. Кирилловские ловили.

Однажды, я помню, мама варила пиво в глиняных горшках. Пирог с рыбой в первую очередь, снеток, как мойва. Рыбу жерех, кишки выпустят, яиц набьют, молоком зальют и в русскую печку. Пирог открывали, давали вилки и ели рыбу из пирога. Такого не было, чтобы у нас праздник, и давай всю деревню сюда. Родня из Макаровской деревни приезжала, тётка Марья со своим Федей и ребятишками, которых бабушка не любила: «Толстосопельные, – говорила, опять пришли». Мама пекла пироги с морковкой, с яйцом, с маком, пирог с рыбой пекла, плюшечки пекла и в русской печке что-то жарили-парили.

Даже не знали что такое самогонка. Может быть когда-то это было, но в советское время не было. Пиво делали деревенское, а водку покупали в магазине. Называлась казёнка, от шкалика до четверти. Иди, да бери сколько хочешь.

С Яробаями я не хочу даже сравнивать: там какую-то бурду наварят, и пьют-едят сидят. Ягоды собирали, чернику, голубику, за морошкой редко ходили, бруснику, клюкву. Чернику, голубику сушили. В противни ложили, и в русскую печку на ночь ставили, а потом пироги пекли. Мисочку маленько побрызгали водой, она отмякнет, вот пекли пироги такие. Окунёк такой, сущик был. Пороли его. У нас

мама варила щи: капуста, картошка, какая-то крупка брошена и вот этот сущик. Знаешь какие вкусные были! За грибами ходили, у нас очень бабушка хорошо солила грибы-рыжики. Подберёзовики, красноголовики, корень чистили, мыть не мыли, резали на сковороду или противень большой и в русскую печку — сушили, а потом, когда надо варить их, резали и стригли, замачивали.

Живность

В то время коз не было. Козы были только у Вени Серова на той стороне, больше ни у кого не было коз. Лошадей тоже не было во время войны, всех забрали. Коровы, овцы были у людей. Ни гусей, ни уток не было у нас, кроме кур. Не знали, что такое надо. Александра Иванова как то завела гусей, и что-то не получилось. Они всё убегали на речку, а речка то быстротечная и они все в залив уплывали.

Баня

Золой мылись в Макаровской. Там у них вода с колодца жёсткая была, как в Яробай-Касах. Вот там варили щёлок, голову мыть. А у нас речка.

Щёлок варили из золы. В мешок, завязывали, в чугунок, и варили. А у нас все бани на речке были. У Саши у Принца горькая баня — она мне не нравится, глаза ела. А вот у Сашки Шахова была хорошая баня. У кого баня по-чёрному, у кого по-чистому. В этой каменке есть такие камни, которые дают горечь. Они ничего не замечали, а я не могла там. В бане мылись через 10 дней. Полы мыли дома, половики трясли, постели вытряхали, всё делали чисто. Самовары чистили. Были медные самовары, они стояли как золотые здесь: поднос золотой, ковшик медный тоже как золото. Баня — это чистый был праздник.

Я конечно хулиганка была в этой бане. Бабушку всё щипала, она на меня: «Катька-бес, Катька-бес!». А я бегаю, всем даю жару. Потом, как меня загонят на полочку. Одна держит, другая веником по голове хлещет — у меня вши были. Наоборот разводили! Я вырывалась летом и в речку сразу кидалась! Когда баня сгорела, мы ходили к тётке Елене, тоже родня. Она стопит баню и нас зовёт: «Идите, мойтесь!».

Баннушко

С Сашкой Шаховым ходили в баню. Мне было 10 лет, а ему 15 лет. «Катька, ты сиди там в сенях!». Он там моется. Я сижу тихо, притаюсь. Потом говорит: «Катька ты тут?». Он очень боялся в бане баннушко. В дому домовой, а тут баннушко, а в овине другой. Я говорю: «Тут-тут!». Моется, потом: «Катька, иди спину мыть!». Я ему иду спину мыть. Сидит на полу, я спину ему намою, полью. «Давай иди туда! Песни пой!». Я сижу, пою, а то он там боится. Потом нарочно не пою. «Катька! Ты что не поёшь?» «Я устала уже петь!» Он вымылся и говорит: «Давай теперь мотай!» Ему же надо в сени выходить. А я и рада!

Вот будешь мыться один и придёт к тебе баннушко. Спинку тебе помоеет и ещё что-нибудь хуже сделает, будешь там сидеть.

Домовой

А вот домового я у себя в деревне видела. Бабушка спала там, на кровати. Шурка говорит: «Я хочу с вами спать!». На кровати тесно, мама кинула постель на пол. Мы легли втроем. Я, как обычно, в середину, за маму всё цеплялася. Ну и спим, и спим, и спим. Я как-то повернулася, а там русская печка, а рядом стоит человечек весь коричневый и молится богу. Я за маму, она: «Что Катюшка? Что Катюшка?». Мама тоже видела, и мы обе замолчали. Иконы в переднем углу были, а он за печкой стоял и молился богу. В коричневом одеянии и на голове что-то было коричневое. Утром проснулись, там никого нет, только стоит самовар на стуле. Вот вместо самовара нам показался домовый.

Если всё рассказывать да всё вспоминать, да у вас у всех волос дыбом станет! Хорошо, что его нету.

Вот однажды, это во время войны, у нас жили на квартире: бабушка, я, тётя Шура и ещё на квартире жила Катя-агент, и ещё был бабушкин внук Колька. Все бегали на вечерку. Я на вечерку не пошла — что там, соплючка! Я легла спать на кровать в передний угол. Бабка на печке спит. Колька спал вверху на палатах. Ну, спим. Я сплю. Я потом слышу: «АААААХХ!» Я думаю, девки пришли! Мне ещё раз вот такое сделали. Я уже потом поняла, что не девки, тут что то другое. Лежу. И вот как будто меня кто то трогает. Я как заорала: «Колька!». Он соскочил: «Чего ты орёшь?» «Давай скорее сдуй свет!». Тогда говорили не «зажги свет», а «сдуй свет». Я тогда беру подушку

и к бабушке на печку. Колька туда. А я без слов к бабушке на печку. Колька на свою палату, а я значит сзади бабушки легла, обняла. И вот в сенях так вот «ПШШШ!» на стене. Бабушка слышала это. Она мне говорит: «Что ты, Катюшка?» Я говорю: «Мне холодно!». Я еле утра дождалась, не спала. Утром пошла в сени. Бабушка говорит: «Ой, Катюшка, это наверное перед моей смертью!».

Больше ничего не скажу. Сама напугаюсь — не буду спать.

— А в ваших квартирах нету домового?

— Нет вроде.

— Ничего такого нет? Ни шума не скрипа ничего?

— У нас квартира освещённая.

— Вот надо мне тоже квартиру осветить! Надо сюда попа привести.

Сказка про Пыхтелку

Вы меня при папе спрашиваете: «Бабушка, расскажи сказку про пистелку!»! Папа как услышал, кричит: «Какой-токой пистелка? Это бабка вас научила?». Мы с детства эту Пыхтилку знали. Это деревенская басня. Нам её мамы — бабушки рассказывали. Детей пугали.

Жили тятя и мама, и двое детей, Маня и Ваня. Папа и мама уехали в город за продуктами. Мама и говорит Маше и Ване: «Вы дома тихо сидите. Не ходите в подпол за репой. Не ходите, а то там Пыхтилко сидит, вас съест!» Ну ладно, папа с мамой уехали, маня с Ваней остались. Бегали-бегали, захотели репы. Ну как же так, не спуститься в подвал? Ваня говорит: «Давай ты, Маня, вперёд, потом я». Спустилась она, Пыхтилко и сцапал, и проглотил, конечно. Ваня ждал-ждал, ждал-ждал, Мани нету. И он тоже полез в подвал. И его тоже Пыхтилко туда забрал, тоже проглотил. (прерывается смехом: «Дети у меня маленькие сидят — сказки слушают! Вы хоть никому такое не говорите, что бабка тут ерунду сидела молола, а то скажут какая-то дурочка!») Приезжают мама с папой — никого нету. Где такое? Ничего не нашли. Мать открыла подвал, а там сидит такой здоровущий Пыхтилко, добрый. Распоролла она ему живот, Маня с Ваней выскочили, и стали все живы-здоровы!

Я представляла Пыхтилку: она сидела в подполе, в доме в деревне, такую круглую с большим пузом.

Судьбы

Я вам, конечно, не могу говорить про Пупкина, про Некрасова, ещё про каких-то — я в вашей классике не нуждаюсь. Я живу по-деревенски. Вы люди грамотные, ну и живите.

Дяди Саши отец был начитанный мужик и он брал книги читать, которые были потрёпаны, потому что они очень интересные. Вот они и таскались из рук в руки. А там какая-то свежая книга — он никогда не брал. Он очень много рассказывал всяких разных сказок. А вот Сашка был, ихний сын, незаинтересованный. Его учиться не заставляли, шаляй-валяй.

В Мончегорске был дядя Миша. Дядя Миша был во власовской армии. Он был наказанный. Его отправили отрабатывать в Мончегорск, они там были вольные. У нас тоже в Сегеже много было таких. Он не был толком в армии — они попали в плен, вон как получилось у них. Тогда крестка, тётка мамы, приехала туда, Марья Ефимовна. И вот в 48-м году Сашка же ещё 6 лет воевал в Японии. Сашка приезжает жив-здоров, но он ранен был. Дядя Миша на скамейке лежит. В Мончегорске его и похоронили.

Там, в Мончегорске, у меня была подружка — Маша Смирнова. В троицу мы на кладбище поехали. Поехали ни к кому-то, а к её сестре двоюродной с её мамой. Ну, я и пошла по кладбищу. А там всё кол-кол, кол-кол. Господи, я читаю — Шахов Михаил Матвеевич с такого-то года рождения — дядя Миша! Кол.

Ну я что сделаю тогда, я ничего не могла сделать. Ни памятник, ни какой-то крест. Но я потом Сашке написала, что я дядю Мишу нашла на кладбище. Так он и остался в Мончегорске.

А Марью Ефимовну на Ивановом Бору похоронили. А у Вальки Баштаковой как получилось: Вася на Ивановом бору умер, похоронили, а Валькину маму в Мурманске похоронили. Валя очень болеет. Она химию перенесла. У неё операция была прямой кишки. Она на Иванов Бор уже много лет не ездит. А в доме живут Надька с Наташкой. Дом как игрушка стоит, девки ездят.

Дядя Вася 11 лет прожил без ног. Он людям разные вещи красивые делал — ему дерево привозили с пилорамы. Сначала одну ногу отрезали, потом через год-два другую ногу.

Там всё люди, всё не наши, всё чужие люди. Сейчас никого там нету. Вот сейчас Кате Сизовой дали квартиру в районе. В Кириллове живёт. А у ней же муж был гармонист, Сашка-то. Это была первая моя любовь, Сашка-то. Ой, Катюшка! Уж мы наплясались-то, напельсь-то — ужас! Вот и хорошо, да всё кончилось.

Глухота

Я сейчас куда иду, в регистратуру или к врачихе, говорю: «Вы мне говорите погромче!». «А мы уже поняли», — мне говорят. Надо разговаривать каждое слово отдельно. А вы всё в одну кучу слили и сидите. Вот так, дети мои. Я конечно очень счастливая сегодня, а на завтра буду самая несчастная опять. Это долго не пройдёт, очень даже долго. Мне плохо то, что у меня нету опоры. А так бы поболтали бы, посидели, погоревала бы я, допустим...

Записано в мае 2012 года.

Ботинки для бабушки

В гроб мою бабушку положили, всё одели — платье там, нижнее бельё, а на ноги сапоги одетые. Она не носила ботинки. Две дочки причём, одна в деревне жила, другая шесть километров рядом. Что делать-то? Ни у кого ничего нету. Какие люди были жадные! Как бабушку, в сапогах что ли хоронить или босую? Я взяла ботинки, намыла, высушила и бабушке одела. И похоронили в моих ботинках. А я осталась босиком, в сапогах бабушкиных.

Вещи

Ладно, до войны ещё туды-сюды, а вот во время-то войны как назло и обувь стала рваться и одежда стала рваться, потому что стали стирать не мылом и щёлоком, а щёлок сильный.

Во время войны все изнасились. У нас одна девчёнка придумала чего: отец-то ушёл воевать, а носки остались. Она у носков концы обстригнула, на ноги их натянула, а пятки на коленки получились. Получились как чулки. А в сапогах то не видно, носки или чулки. Ещё завидовали чулками то её.

42-43-ой год ещё нормально, а 44-ый и 45-ый конечно приходилось туго. Вся изнасилося, и свои вещи и Шуркины. Мамины давно все порвались. Ещё мамини бабушка донашивала. А у бабушки что осталось, когда её обмывали, этим людям же надо тоже дать чего то, и эти все юбки, кофты раздала. И чего там у меня осталось? Хорошо хоть, что я уехала. В магазине ничего нету. Это до войны было —

стояли в очередь, хоть что-то привезут, а во время войны ничего не было.

41-й и 42-й год я жила здесь, на Волге, у тётушки с дядюшкой. Мы приплыли в 43-м году осенью. Шурка уехала, после неё, после мамы остались кое какие вещи. А они же ведь рвутся. Стирка-то уже шла без мыла, щёлоком. Война, где тебе мыло? Кто привезёт? А щёлок – золу кипятили. В мешок засыпали золу, завязывали, в чугуна наливали воды, кидали этот мешок с золой. Он там кипел, и потом этой щелочной водой стирали бельё. Она такая скользкая была. Были горшки глиняные для белья специально. Что было белое, платочки носовые, головные платки, туда закладывали в этот горшок. Заливали щёлок и ставили в русскую печку на ночь. Там оно прело.

Никакой не обуви, ничего. Ноги загорали так, что люди говорили что сапоги одела, ещё и чулки одела. А там не чулки, там ноги были.

Золото

Мне дедушка золото никогда не дарил, я сама покупала. А это кольцо тоже не купила бы, если бы не Соня. «Катюшка купи, Катюшка купи, я всё равно буду сдавать!». Ну, она сама работала, и у её муж – деньги были. А я же не работала 7 лет, с Игорем сидела. У нас что там Кеша получал? Он ещё в деревне помогал. Ну, она мне по дешёвке продала. Оно стоило рублей 600, а она за 300 мне продала.

Обручальные кольца были у богатых людей. А мы с Кешей женились, у нас даже свадьбы не было. Даже на стол мне сестра не собрала, чтобы поужинать, царство ей небесное. Вот поэтому я не хочу ничего ни вспоминать, ни рассказывать. Вапа жизнь и наша жизнь – совсем другое.

Купание

Я в воду сейчас боюсь заходить, вдруг меня схватит кто? А раньше с баржи ныряла. Вот баржа, каюта сверху. Брат у меня туда нырял, а я столбиком падала. Теперь ни за что бы. Или вот баржа идёт. На барже лестницу привязывала тётка. Она меня привязывает, я спускаюсь по лестнице. А баржа не гружёная она высоко. Я с этой лестницы туда под баржу ноги пихала. Так было интересно!

Баско

Игоря тоже мы не баловали, нечем было баловать. Но вещички ему всегда покупали. Он пошёл в первый класс 1 сентября, а я пошла на работу. Мы за городом жили. В город за авансом я ему всегда всё покупала то рубашечку, то маечку, то носочки. Тогда ещё были гольфы для мальчишек. Все говорили: «Ой, как ты его хорошо одеваешь!». Он у меня всегда был чистенький, отглаженный, отпаренный. Одевала, а сама не одевалась. Ну и плохо я не ходила и баско не ходила. Баско, знаешь такое слово? Говорили: «Ой, какое платье-то баское!». Это значит красиво, вот сама вспомнила сейчас. Вообще забыла!

Интересные слова

Вообще, очень много русских слов интересных есть. Вот даже не думаю, а как-то оно вспомниться, и я его обязательно употреблю как-нибудь!

Был такой случай: приехали мы с Игорьком в баню, он тогда в школу не ходил. Раздеваемся. Баба побежала в баню, потом обратно идёт у банщицы спрашивает: «Ой, миленькая, у тебя вихотки нету?». Она ей говорит: «Ой, миленькая, я не находила никакой находки!». А я тоже вологодская и ей говорю: «Она у вас спрашивает мочалку, а не находку!». Вся баня: «Ха-ха-ха!». Вот видишь, как похоже: мочалка и вихотка. Со стола убирали, тоже назывался вихоток. Не тряпка, а вихоток. Утымалка была, в русскую печку тряпка. «Где же утымалка то?».

Вот наш район Кирилловский. Есть там район Тотенский. Женщина с того района. Мы заговорили, она говорит: «Куда же у меня ширинка девалася?». Я говорю: «Ты что, Настя, ищешь?». Я думал она штаны ищет, где ширинка. «Ширинку!» «Какую ширинку?» «Да на голову одевать!» Я говорю: «Это не ширинка, платок!» «Ой, у вас платок будто бы?», — она мне не верит, что её зовут платком. Я говорю: «А ширинка то знаешь где?». Ну и показываю, и давай смеяться. Она мне не поверила, что у нас платок есть платок.

Эти уломские, у них ещё что, как говорят они. Они не выговаривают букву Л, говорят ОУ. Ушоу, нашоу, игоуку. Это были такие, ближе к Череповцу. Вот и говорили — «Баука на лауке игоуку нашоу».

Вообще, смешной русский язык. В каждом районе по-своему говорят. А вот ещё один такой район есть Петреневский. Там так разговаривают — вместо Ч — Ц говорят, а вместо Ц — Ч. «Цего, Черковь».

Разные районы по-разному говорят. А у нас говорили, как говорили, только окали. Я уже 100 лет в городе живу, мне неохота акать, мне хочется окать, но смеются же люди, надо акать. Я бы с удовольствием говорила, не харашо, а хорошо, так ты же будешь смеяться потом!

Добрый дедушка

У нас дедушка ездил в Сталинград и там купил рыбу чухонь. Насолил, привёз домой целый таз. А я в Джанкое была что ли или уехала-ли? Приезжаю — ни одной рыбки нету! «Где рыба-то», — говорю? Да вот Иван был, царство ему небесное, в деревню дал. А мне-то что, почему мне не оставил то рыбку хоть одну? Чухонь она очень хорошая рыба, жирная такая. Вот так мой дедушка: всех наугощал, а жене своей фигу показал.

Вырастила я кабачок большой и 2 кочана капусты. Привезли домой, и тут сразу Василий Иванович пришёл. С бутылкой пришёл. Раз с бутылкой пришёл, надо садиться выпивать. И тут пришла его соседка, Марья Ивановна. Тоже пришла с четушкой или с вином красным. Жена его, Земфира Николаевна, была в Омске. Пока мы с Марьей Ивановной сидели-говорили на кухне, Кеша Васе кабачок мой отдал и кочан капусты. И Вася исчез. Я Кеше говорю: «Где Василий то Иванович?». «Да домой ушёл!». Марья Ивановна посидела, да ушла. Посуду убрала, вымыла, пошла на балкон — а этой штуки то нету. Я говорю: «Кеша, а где кабачок то?». «Да я Василию Ивановичу отдал». Я как заматюгалася: «Я растила-выращивала чтоб мне потом в Москву послать! Я хотел удивить ребят, что я такой вырастила, а ты его отдал!» Ну, была большая ругань.

Потом Земфира Николаевна приехала, мне звонит: «Катя, вот вы дали Василию Ивановичу кабачок, может быть обратно принести?». Ну она сознательно, мол там пили-пили, да по пьянке чуть дом не отдали. Я говорю: «Николаевна, раз Василий Иванович Кеше отдал, так зачем же ты привезёшь мне? Нет, кушайте сами». Вот я с таким кабачком осталася.

Вот что угодно не спросит меня и отдаст. Я бы ещё бы не отдала бы, подумала — возьмёт отдаст. И при мне им говорит: «Вот это и это берите». Как ты ему моргнёшь или что-нибудь сделаешь? Отдал и всё. Ну, отдал и сиди такой.

Однажды приезжаю с Джанкоя, с Крыма. Он мне говорит: «Ты знаешь, я полупальто отдал Володе, Ольгиному мужу». Я и то здоровей чем этот Володя была. Кеше-то как раз было полупальто с поясом и воротник шальковый. «А зачем ты отдал то?». «Да он в санаторию поехал в таком плохом пальтишке». Ты бы лучше другое пальто отдал, а не это! Этот пиджак тебе идёт, а ты взял да отдал! Ну, и сиди теперь такой.

Дедушка наш только для деревни старался. Лёва поехал в Молдавию, тоже пальто джерси дал съездить, не вернул. Плащ-накидку он брату старшему отдал. Я ему говорю: «Ты, Лёша, потом верни эту накидку!» «А мне Кеша дал!» Я говорю: «Кеша дал, а я не даю!». Так и не вернул.

Мне что было обидно, так говорили: «Едем к Кеше!». Не к Кате, а к Кеше. Этих гостей надо мне принимать. А мне-то стол надо собирать, бутылку ставить. Мне это не нравилось, но сейчас никого нет. Одна Дунька осталася, да Ольга уже никуда не ездит.

Платье

Сейчас на улице тепло, надо платье пышненькое одевать! Ни за что бы не одела брюки! Никогда в брюках и не ходила. В купальнике ходила. Зачем я буду в жару портки носить? Мне дедушка говорил: «Давай тебе Игоря брюки перешью. Вон Агашка ходит в брюках». Я говорю: «Я не хочу быть мужчиной!». Не люблю я на людях брюки. Я люблю брюки на высокой женщине: и чтобы тоненькая была, и брючки чтоб были летние. Раньше продавали такой материал, сейчас этого не вижу. Тут же ведь тело не дышит у вас, всё задавилось ведь. Это конечно не моё дело, вы носите и ходите как хотите, и на меня не обижайтесь. Это мои мысли, я такое сказала. Но на твоём месте ни за чтобы не одела бы. Когда холодно: осень пришла, весна такая холодная, зима холодная, тогда можно.

Сын

У нас всё такое было не по-человечески. Рассказывать не надо. Кеша хотел сына. Я только Бога молила, чтоб сын, чтоб сын. А теперь думаю, надо было молиться, чтоб была дочка. С дочкой больше бы общения было. Вот видишь, как Таня с Маришкой не расстанутся. Но что Бог даст, то и будет. Дочка и дочка, сын так сын — всё равно ваше. Но дочка лучше. Дочка в хозяйстве помогает.

У нас Игорь был со мной. У них общего с папой ничего не было. Ну, дедушка, сам знаешь, много не разговаривал. Он так был добрый человек, ничего не скажу за Кешу, но отношение с сыном должно быть какое-то. А Кеша был чего? Ничего. Он со мной-то не разговаривал. Кеша был очень скучный человек. Очень скучный. Но жить надо было, никуда не денешься.

Один раз Игорьку было годика три. Соседи взяли билет и муж что-то не пришёл. Она пришла к нам: «Катя, пойдём в кино!». Я Кеше говорю: «Я пойду в кино». «Ну, иди». Игорь как закричит: «Мама не уходи! Мама не уходи!». Встал в двери: «Не уходи! не уходи!», — даже падает: «Не уходи в кино!». Я папу отпустила в кино. Потом я думаю сама: «Может у ребёнка было какое предчувствие? Вдруг я бы там под машину попала или ещё чего?». Я не пошла. Я осталась дома.

Спать ложится — целая война! Сначала: «Приспи меня, потом пойдёшь к папе спать!». И мне приходилось лечь на бок, приспать, пока он уснёт. А я, когда он начинает спать, мне тоже охота, я тоже усну. А кроватка-то была маленькая. Мне там некуда ноги девать. Мне надо переходить на свою кровать большую.

Один раз его папа лупил. Тогда у нас тётка была из деревни приехавшая. Он сел уроки делать в другой комнате. Был письменный стол, и была лампочка грибок. Чего она ему не понравилась этому Игорю, я не знаю. Он как шарахнул эту лампочку! Она упала и разбилась. Меня такое зло взяло! Я говорю: «Дай, Кешка, ему как следует!». Кешка взял ремень, и давай его лупить этим ремнём. Ну конечно не по голому телу. Он конечно кричал-визжал. Потом мне уже как-то страшно стало. Я говорю: «Ну уж попал — не попал, но хватит». Папа его никогда не лупил. Я лупила. У меня был ремень плетённый такой белый, плетённый. Ну, что лупила? Я ж ему штаны ведь не снимала. И вот этим ремнём по ногам дам.

Папа твой был вредный парень. Вот что-нибудь натворит — я его в угол ставила. Он у меня в углу рос. Я его в угол поставлю, и ухожу, а он сзади меня идёт: «Мамочка, прости меня пожалуйста! Я больше так делать никогда не буду!». Мамочка прощает. Так и жили. Кеша его не трогал.

Уроки делали только со мной. До 4-го класса или там до 5-го. Я в задачках не разбиралась. Вот ему читаю эту задачу: «Вот так и так и так, сколько на сколько, что такое. Я говорю: «Игорь, я тебе ведь уже разжевала!». А сама знаю, что ничего я ему не разжевала: «Ведь вот-вот-вот на языке!». «Мама всё-всё-всё, я понял!». А я сама ничего не поняла.

Полярная ночь

Я по сменам работала, когда с утра, когда с 4-х, когда в ночь иду. Если я иду с 4-х, то обязательно на кухне свет оставляла. Он же идёт, оглядывается, если я свет выключу – он будет думать: «Ага, мама спит, а я в школу иду!». Специально оставляла, чтоб он знал, что мама не спит. У нас же там темно было – 56 суток ночь. Хошь – не хошь лампочку-то зажигаешь. А если никого нет, зачем я буду лампочку то жечь? Это я специально оставляла. Он идёт, там фонари горят по дороге.

Во дворе столбы были, лампочки горели. Они на санках катались, и на лыжах катались, и во дворе играли в снежки ребята. Ночь, ночь, а мы даже не замечали. Так и жили: везде куда надо – везде свет. Потом придёт весна, в январе солнышко покажется. Потом начинается ночь и день, ночь и день. А потом начинается, уже в конце мая или в апреле ли, начинается день. Тоже знали: начинается ночь, надо спать ложиться. Ничего такого страшного не было. А когда в выходные дни, тогда же ведь было с одним выходным. В субботу кончили работу, пришли домой, кто чего сделал-поделал – выходим на крылечко сидеть, в бараке-то жили. И сидим часов до 2-х болтаем. А я когда выходила, когда не выходила. Я открою форточку, а тут крылечко было. Они что там болтают – я всё слышала. Я им тоже так отвечаю, через эту форточку. Так было интересно.

Я бы сейчас бы вернулась бы в Мурманск, пусть бы была ночь или там день, но пусть я была бы молодая. И жила бы припеваючи, а теперь всё...

Жизнь

Жить вместе, значит надо кому-то подчиняться, кому-то молчать. А не молчать – значит ругань. Папа вот твой не служил бы в армии, а пришёл бы с мамой к себе домой, куда бы они пошли? Или жили бы с отцом бы. Но это неплохо было бы, а там тоже Таня. Ну, ничего. Пока мама училась последние курсы жили вместе. Мама училась, получила высшее образование. Ничего жили, нормально было всё, но Игорь тогда жил в Козельске. На каникулы Милу я отпускала к нему.

Вон Чемодановы жили: Сашка женился, Людка вышла замуж, Ирка и сам Чемоданов и жена жили в такой квартире, как у нас.

Потом они конечно разошлись все. Никанор и Нина остались. Людка ихняя спилась и мальчишку споила. Однокомнатную квартиру продала, купила дом, потом дом продала. Где-то болтается-ходит. Муж у неё умер. А Ирка ничего живёт, хорошо.

Нина вначале умерла. Её быстро свернуло, что-то с печенью случилось. А потом, у неё же были пальцы отмороженные. Потом что-то с ним случилось, тоже умер.

Санаторий

Я в санатории отдыхала, а папа твой отдыхал в другом доме, рядом. Там ещё два мальчика жили. В санаторий я брала его днём, а на ночь отводила туда, где он жил. И все так делали – путёвка-то на двоих, а не на троих. Санаторий в Адлере был. «Северный» что ли назывался. Первый раз поехали втроём: бабушка, Игорь, я. А второй раз поехали вдвоём.

А на Азовском море ездили на один день. Там у нас знакомый был. Всё прожито, всё ушло, вам теперь жить да жить.

Чуваш

Я мало что читала, но я читала книжечку Лев Толстой. Вот он там пишет: у русских было такое выражение, допустим, ты ругался, говорили не «ты дура», а «ты чувашка»! Марья Ефимовна, тётка, на меня так при Кеше сказала. Я испугалась, что нехорошо, а он и не заметил.

Фотолаборатория

Пошла на чулочку, и вышла на 77 рублей пенсии. А так бы на 120 пошла. Ещё спасибо, что вот так можно было сделать. В фотолаборатории я делала сепию, коричневые эти фотографии. Глянцевала. Вот и всё. Сепию делать тоже сложно. Я первый раз когда увидела, думала: «Ба!». Вот эта готовая фотография промывается, потом делается такой состав. Вот эту фотографию в этот состав, она сразу делается белая, ничего на ней нету. Думаю, ну всё пропало. А потом, когда вытаскивают, промывают. В другой состав кидаешь. Там проявляется уже фотография, потом ещё в состав, потом ещё, потом промываешь. Потом глядишь.

А глянцеуешь тоже интересно. Такой как барабан круглый. Можно его рукой крутить, можно автоматически, он ходит. Полотно натянуто на него. Кладёшь фотографию — он её забирает, сушит, карточки уже выпадают сухие. Работа была очень мне нравилась, хорошая. Но пришлось рассчитаться, уйти. Миле же надо было закончить институт музыкальный.

Сначала она на Гагарина была, фотография «Мечта». Потом нас перевели на Шумилово в Новоюжное, потом сделали фотофабрику по проспекту Мира. А там что-то теперь разделили. Всё продано. Что там делают — не знаю.

Я к Агаше ехала, ходила в церковь, где Ленин стоит. А тута пешком пошла — думаю, дай-ка зайду в эту фотографию, там же Таня. Она была раньше лаборантка, теперь она фотограф. Они теперь выкупили помещение настоящее, фотография № 6.

Тут захожу — она кого-то фотографировала. Теперь всё делается через компьютер. Проверяется, морщинки снимают, всё делают сами. Я зашла. Она на меня смотрит я на неё, я не думаю что Таня. Она говорит: «А вы пока присядьте». Она думает, я пришла фотографироваться. А я потом слышу — голос то её. Я говорю: «Господи, как Таня!». Она на меня глядит: «Господи, никак тётя Катя!». А я ещё в очках. Ну, встретились, поболтали, посидели. Она сюда потом приходила ко мне. У меня там в углу иконка, у иконки цветочек — она мне принесла, подарила этот цветочек. У неё девочки двойняшки. Она уже бабушка, на пенсию вышла давно. Конечно, человек поменялся совсем.

Меня узнают — я не узнаю. Один раз на базаре картошку покупала. Идёт, она тоже наша мастер была, она подходит: «Приветик, Катя!». Гляжу: Юля не Юля? Говорю: «Никак Юля?».

В Кутесях Зоя там живёт, она сюда приходила как-то. У неё был инсульт. Я ей не звоню, и она мне не звонит. Это Танька мне сказала. Она тоже частенько сюда заходила. Ну что я там проработала-около пяти лет, конечно хорошо знаю.

Там два лаборанта у нас были погодки, они мне печатали фотографии. Кеша фотографировал, они мне печатали. Я им за это покупала коньяк. А другая женщина говорит: «Как вот так тебе всё печатают — печатают?». Я говорю: «Принеси бутылку коньяка, и тебе напечатают». Они думали, мне делают бесплатно. Бесплатно кто мне будет делать? Вот, сколько раз печатали мне, столько я коньяк и носила.

Один раз нету коньяка. Я говорю: «Ребята, нету пока коньяка!». Они меня Катей звали. Как какие люди чужие, они меня звали Ека-

терина Ивановна. Я им говорю: «Какая я вам Катя?». Я начала работать, мне было сорок семь лет. Мне говорили тридцать семь, а не сорок семь. Я им говорю: «Вы хоть при людях то не зовите меня Катей!». «Ладно, мы на водку согласны!».

Но они пили уже после работы. На работе конечно интересно. Лаборантки хорошие были, ретушёрки сидели хорошие, которые разбирали — тоже добрые люди были. Не будут болтать там ничего такого.

Фотоаппарат и гармошка

Большинство наших фотографий делала дедушка Кеша. Фотоаппарат «Зоркий-4». Потом плёнку проявлять носила делать, где Восток. Потом ребятам давала, они печатали. Я не фотографировала, меня это не касалось. У нас был фотоаппарат ещё в Мурманске такой, который ставили на ноги. Дали одному знакомому — не вернули. Гармошка была, тоже взяли одни знакомые — не вернули. Сколько раз просила — принесите гармошку нам, принесите — нет, не принесли. А так бы пиликал, сидел может быть Игорь.

Завещание

Если я умру зимой, мне оденете Лёшкин платок, никому не отдавайте. Если умру летом, мне вот другой платок оденьте. Этот платок мне подарила свекровь, дедушкина мама. В первом году это было подарено. Игорю был годик — это был 55-й год. Вот сколько лет. Носила я его несколько раз, на шею одевала. Если бы не жёлтый был — я бы его ещё носила. Лицо такое тёмное, ещё и жёлтый платок — неказисто выглядит.

Если умру, душить меня не надо. А то запах перепутается: духи и мертвецом. А вот когда дедушка заболел — от него уже пахло покойником. Запах неприятный. Я ему ничего про смерть не говорила. А он надеялся, что встанет.

К нему на день рождения приехали из деревни сёстры, когда уезжали, Дуня говорит: «Ну, теперь когда в деревню приедешь?». «Да вот на ноги встану и приеду». Значит, думал на ноги встанет. У него уже там провалилось, всё.

3 рубля

За 3 рубля меня дедушка купил. У нас лежит свидетельство. Так платили в загсе. У нас было 3 рубля. Мы пришли вдвоём. Свидетели у нас были Соня и Нил. Мы расписались, потом они расписались, потом нам дали свидетельство и мы пошли домой. Свидетелей мы не позвали даже домой, такие были жадные. Пока мы с дедушкой в загс ехали, поругались. Потом обратно ехали, поругались. Что-то не понравилось мне.

Приступ

Дед твой, Александр Григорьевич, тогда тебя напугал, бедного парня. Он позвонил мне, говорит: «Катерина Ивановна, привези-ка мне Алёшу, пока эти рангутаны в садике». Это он про Димку и Маринку. Я тебя привезла, он меня встретил на улице, мы посидели, и я уезжать собралась. Я тебя оставляю. Он меня спрашивает: «Ты что не останешься, не погуляешь с нами?». А мне не понравилось его лицо, такое чёрное. Дед Кеша тогда кладовку ломал. Я говорю: «Кеша там кладовку ломает, мне надо кирпичи выносить на улицу. Вы мне потом позвоните, я за ним приеду сама». Он говорит: «Ну, оставляй».

Я уехала, тебя оставила и в ус не дую. Потом мне Таня звонит: «Тётя Катя, бате очень плохо, приезжай скорее!». Я поехала на троллейбусе. Приехала, папа лежит в коридоре, его всего трясёт, пена со рта. Я говорю: «Таня, милая, вызывай скорее скорую!». Таня скорую вызвала, его положили на носилки и увезли. А я тебя забрала домой. Приехала вся расстроенная.

Он меня ещё спросил: «Катерина Ивановна, вот у тебя радикулит, как он болит?». Я говорю: «Ну, как он болит? Поясница болит, плохо вставать или плохо садиться. Ни повернуться. Вот так!». Почему он спросил — я не знаю.

Дедушка тебе говорит: «Открывай двери! Открывай двери!». А ты там начнёшь открывать двери, только замок повернул и руку отпускаешь. В это время дверь открывается и захлопывается обратно.

Потом пошёл к деду, говоришь: «Ты мне, дед, надоел! Пошёл я играть!». И ушёл в маленькую комнату. Там сидел один, играл, пока тётя Таня не приехала. Потом она тебя нашла испуганного.

Александр Григорьевич

Александр Григорьевич был очень хороший мужчина. Даже очень хороший. Добрый такой, нормальный мужик. Мне он лично очень нравился, хоть был старше на 16 лет. Нормально разговаривали мы с ним, болтали там, что надо по хозяйству, не по хозяйству.

Вот за маму переживали, за твою мы с ним вместе. У неё же сразу грудница появилась. Там ходила медсестра, ей отцеживала молоко с гноем. Потом я ему говорю: «Александр Григорьевич, если мы будем ждать, мы Милу потеряем, потому что это молоко грудное, оно же может подняться и выше!». Я говорю: «Давай, чего-нибудь решайте!». Я же ещё не хозяйка Милы была, как я буду командовать? А у них хирург на площадке жил. Вот Александр Григорьевич пошёл, договорился. Мила оделася, и он ведёт прямо к хирургу, и там маму оперировали грудь.

Конечно, он высшее образование не имел. Офицером он стал во время войны. Тогда присваивали звания, что-то сделал хорошее, там кого-то победил, кого-то больше убил или там что-то такое, и присваивали звание. По-моему у Александра Григорьевича звание было майор. Он был партийный человек. Про политику мы с ним не разговаривали, но мужчина был, как мужчина.

Мы с ним познакомились, как раз ехали на свадьбу в Козельск. Дедушка Кеша поехал к бабушке Саше, взять паспорт, купить билеты на самолёт. И дедушка Кеша познакомился в квартире у Милы с Александром Григорьевичем, а я уже познакомилась с ним на аэродроме.

Маму, Нину Ивановну, я не видела, не знаю, потому что она умерла до женитьбы Игоря.

Эмка

В Кондопоге автомобилей не было, но машины я видеть видела конечно. В Кондопоге не было транспорта ни троллейбусов, ни автомобилей, машины были такие маленькие, как козлики. В Сегеже тоже не было транспорта. В Мончегорске не было троллейбусов, были автобусы, я на работу ездила на шахту. В Мурманск приехала, там тоже долгое время не было троллейбусов, были автобусы, а потом сделали троллейбусы — пошли вкруговую.

Когда мы жили в Сегеже, мой кавалер возил какого-то большого начальника на эмке. Парня звали Майк. Вот с этим Майком я ездила

на танцы на этой эмке. Потом он в армию ушёл. Я очень жалею, что не дождалась. Майк Иванович был украинец. Отец был у него очень красивый. Его долго в армию не брали, всё отстранял начальник. Отстранял-отстранял, потом как-никак всё равно надо было отслужить. Начальник ему говорит: «Давай, собирайся в армию». Он сам поехал. Он служил город Пушкино, Московская область. Письма мне писал, я не стала отвечать. Я уехала тогда в Мончегорск из Сегежи, вся дружба наша пропала. Я не стала писать ему. Сейчас бы стала писать, тогда не писала.

Привидения

Появился, когда ещё дедушка был дома. То он есть, то его нету. Люди как идут, так и идут по лестнице сквозь него, а его и нету. А я гляжу — он опять стоит. То он есть, то его нету. А сейчас я пока не вижу. Да я уже не гляжу, я боюсь. На Хрущёва похож: старый, лысый, в плаще чёрном, голова седая. Ничего не говорит, стоит на окно смотрит и всё. Я не видела его, потом стала видеть. При дедушке при Кеше ещё. И Кеше говорю: «А ну-ка погляди, что там за мужик стоит?», — говорю. А он глядит — никого нет.

Однажды, без Кешки мне надо было выйти, а я боюсь. Позвонила Вале напротив, говорю: «Валя, выйди пожалуйста на площадку, а то какой то мужик стоит, я боюсь дверь открывать». «А это может какие-то пьяницы ходят!». Она открыла, я гляжу — никого нет. Я тогда вышла и пошла на улицу.

— А что ты раньше не рассказывала?

— Да я не хотела говорить такую ересь. Папа знает, я папе рассказывала — он смеётся. По-настоящему вижу. Я папу попросила глазок поменять, он поменял — всё равно стоит. Сейчас нет пока, ушёл. Он ко мне стоит боком и смотрит на окно. Откуда он появляется — я не знаю!

Я его отматерила — он исчез. Где-то слыхала — так надо сделать. Вот тебе смешно, а мне не смешно — мне страшно. Читаю всё молитвы, читаю. Я ложусь с Богом и встаю с Богом. Всё делаю — никто мне ничего не помогает.

Вот сегодня ночью время было без пятнадцати два. Я проснулась, у меня что-то заболел живот. Я проснулась и лежу. Звонок в квартирную дверь. Я лежу, думаю: «Если ещё позвонят, тогда встану. Не позвонят — не встану». Лежала-лежала, нет, надо идти в туалет. Я встала тихонечко, подошла к дверям, послушала — никто не шевелится. А кто-то там курил, потому что дым у меня в коридоре.

Игорь

Я у тёти Шуры купила пальто расклепённое, да у меня и животик такой был, что и не видать. Никто не знал, что я беременная. Уже гуляю с Игорьком, в одеяле завернутый. Они, там, женщины спрашивают друг у друга. Я жила у тёти Шуры. У тёти Шуры была фамилия Маслова, и меня звали тоже Масловой. И говорят: «Катя Маслова какого ребёнка носит?». Ну, кто знает, тот говорит: «Как какого? Своего!».

Я родила, так 2700 был. Вот какой ребёнок у меня был. 52 рост. Вес маленький, конечно. А пока там лежали, ещё похудел. А потом домой, как приехали, я его стала кормить часто-часто. Я кормила не по часам. Замурлыкал, заплакал — на молоко. Пускай пьёт молоко своё. Так я его кормила год и 3 месяца. Я его жалею, что я мало кормила. Надо было кормить лет до двух. Спокойнее было бы. Пускай сосал бы. Это меня тётя Шура заставила. Я очень была худая. Она мне: «Отучи Игоря от груди, и давай питайся, чтобы ты поправилась». А у меня желудок был — нулевая кислотность. Аппетита никакого не было. Хорошо хоть я чай пила, да молоко, да хлеб с маслом кушала. Молока было много Игорю, даже ещё сцеживать приходилось. До полугода он ничего не ел, я его ничем не кормила. Молоко он не любил никакое. Печенья маленечко давала, на пол ложечки на чайной. А уже когда полгода стало — уже стала кормить и всё давала. Первое и второе и всё. Мясо через мясорубку.

Сейчас в магазинах полным-полно, а тогда самоделку шила ему. Кофточки, распашонки шила, байковые штанишки синенькие шили, подгузники были только марлевые, не то, что у вас сейчас разные. Ну, вот ничего, вырос.

Раньше колясок не было в магазине. Так если бы и были, нам было бы не на что купить. На руках носили. Я ходила-гуляла в одеяле даже. Одеялом заверну, ленточкой с обеих сторон, и кожу-гуляю с ним. Потом уже, когда больше года стало, у нас были такие саночки со спинкой. Посажу его в шубу Кешину дедушкину, и вот катала его по дороге зимой.

Папа Кеша сделал ему такую кроватку-качалку деревянную. Где ножки, там было как коромысло внизу. Туды-сюды, туды-сюды. А потом, когда было года 4 или 5, кроватку солдатскую распилили, соединили и сделали детскую кроватку. Рассоединили, соединили спинка к спинке поближе, на Игоря рост — получилась детская кроватка. А чтоб не падал — доска лежала, завернутая в материал.

Кредит

В бараке какая мебель была: наша кровать, потом мы купили диван, потом я диван поменяла на атаманку. Стол, гардероб я купила — это было в комнате. На кухне был кухонный стол, и ещё просто стол, и плита, и полочка с посудой — вот и всё. Когда перешли в дом, Игорь уже в 3 или 4 класс ходил. Там был диван, круглый стол, сервант (я взяла в кредит), две тумбочки, приёмник, телевизор. У Игоря была полка с книжечками, письменный стол был — культурненько было всё. Кровать там двухспальная у нас с Кешей стояла, да машинка швейная ещё.

Я брала справку в конторе, в бухгалтерии. По этой справке я брала в магазине товар, а бухгалтерия потом удерживала у меня с полочки — магазину платили.

У меня была взята кровать двухспальная на кредит, сервантик и две тумбочки. Стол круглый купил дедушка сам, на 13-ю полочку. Ещё я брала диван по-моему в кредит. Потом выплачивала на полгода или как там говорили.

Собирать не надо было — всё готово было, собрано. Сервант был такой у Павловых. Такой небольшой, а тумбочки они не разбирались, а диван тоже не разбирался. Бросили всё и баста. Брали машину из части, а солдаты помогли.

Деньги есть — бери за деньги, денег нет — бери в кредит. Очереди не было. У нас был мебельный магазин не один. И ещё брала я в кредит шубу китайскую, потом перешли вашему Андрюшке эту шубу. Коричневая шуба китайская у меня была. Искусственный мех, китайский. Моя была шуба большая. У мамы была знакомая портниха, и портниха перешила мою шубу большую на маленькую. А потом эта шуба досталась Руслану, когда Андрюшка вырос, я продала соседу. Он бегал в этой шубе. Между прочим, у Руслана много вещей наших — и твои там были курточки, были брюки, были два пальто зимних, демисезонное пальто. Руслан вырос в ваших обносках. Две пихоры были, их отдали Косте и Серёжке. Мне денежку Дунька сколько-то дала.

Воспитание

Всё было у вас, и игрушки были, и книжки были. Ты любил слушать, когда я читала, а Андрюшка не очень. Андрюшка всё на автобусе меня возил: «Бабушка, тюльси!». Какие тюльси? А потом

поняла, пальцы надо было ему! Сидит на диване, рулит: «Бабушка, вам куда?». Сидит на диване, билеты продавал. Я покупала билеты. Еду на какую-то остановку, выхожу: «Спасибо!». Теперь обратно еду. Бабушка и с папой-то играла, и с тобой-то играла, и с Андрюшкой-то приходилось играть! Господи!

Папа твой плохо кушал. У него была игрушка автомат. У Бори была шапочка бескозырка и такое пальтишко, как шинелька чёрная. Вот, нарядится в это пальто, шапочку бескозырку, автомат на плечо. Я готовлю. Приходит, стоит. Я его как будто не узнаю. Он стоит и говорит: «Мама, ты что меня не узнала что ли, сыночка?» Я говорю: «Ой сыночек! Отвоевал маму! Победил всех! Ну давай скорее будет обедать, раз ты воевал, так!». Я ему давай скорее наливать, чтоб он покушал. Ну, поел, говорит: «Ну пока! До свидания! Опять пошёл воевать!». Я нарочно плачу: «Как же я без тебя буду?». И целый день так. Тоже любил книжки слушать, книжечки детские. Вот так я воспитывала вашего папу.

Ты любил, чтоб я рисовала: «Рисуй мне вача!». Нарисую врача. Чемодан заставлял рисовать: «Вот идёт к Алёше уколы делать!». Я долго берегла все эти журналы, потом куда девала все, не знаю.

Ходили-гуляли. Ты с дедушкой ходил гулять. Дедушка спрашивает: «Куда, Алёша, пойдём?». Ты говоришь: «Васька не надо, пойдём к поезду!». А Васька — это Чапаев, ты не любил к нему ходить. Вот ты говоришь: «Васька не надо, пойдём на вокзал!». На вокзале паровозы смотрел — паяёс.

Батюшки, прошло сколько лет — разве всё упомнишь? Не был ты ничем обижен. Гулять ходили мы с тобой. В детский парк ходили, в лаптевский лес ходили. Ты любил к тётке Агаше ездить, и любил у тётки Агаши спать на кровати на ихней почему-то.

Игрушки

У меня игрушки были: были куклы, была детская мебель, даже диванчик, столик, два креслица. Много у меня было игрушек — это мне мама покупала. У меня даже была лошадка. Мама купила мне в уценённом магазине. Ножка была сломанная. У меня даже посуда детская была — чашечки, чайничек. Я когда уезжала в 45-м году к тётке Шуре в Сегежу, я целую корзину наложила этих игрушек и отнесла одной девочке в другую деревню, Шакенино, за рекой.

Я там работала, и мне приходилось общаться с Катериной. У этой Катерины был сын женатый, у них была девочка и мальчик. А эта старушка приносила молоко — сдавала. А я принимала — вот так мы

познакомились. Наш был сепараторный пункт, и ихний дом через дорогу. Кому мне было игрушки отдавать — некому. Я тогда взяла целую корзинку этих игрушек. Неплохие были игрушки — диванчик там, стол, два креслица, кошка, лошадка, неваляшка — вот это я девочке всё подарила.

В бараке

В бараке за холодной водой ходили далеко. Была одна колонка рядышком — поломалась, и ходили очень далеко и с ведрами. Вода на улице. Барак есть барак. Топили дровами. Печка высокая, с плитой до потолка была. Ту комнату обогревала та сторона, и здесь на кухне тепло.

Дедушка привозил целую машину дров. Эти дрова таскали к сараю рядом с баракком, потом с дедушкой пилили, кололи, ну и выкладывали в кладовку или к кладовке, когда много было дров. Надо было — принесём дров. Вечером к утру приготовим.

Плохо было в бараке. 13 лет мы прожили в бараке. Туалет на улице был, приспособились ходить дома в ведро. А куда ночью побежишь? Военный городок, там везде болтались солдаты.

Беременность

У меня желудок плохо работал. У меня не было аппетита, и я не очень чего ела. Мы тогда жили с тётёй Шурой. Тётя Шура готовила первое, второе, пирожки жарила, картошку делала тушёную с мясом, каши разные, макароны, ну всё помаленьку ела.

В начале, первое время, первый месяц, селёдку никогда не любила — не хотела я её, а тут захотелось мне селёдку. А у нас её дома не было. Мне так охота, даже слюни текут, я говорю: «Шурка!», — ну сестра, говорит, она не знала, что я беременна, я ей не говорила: «Я хочу селёдки!». Она говорит: «Господи, селёдки не ела — селёдку захотела!». Я говорю: «Хочу и всё!». Она говорит: «Ну, вон иди у соседки спроси, у Кати, может быть там есть». Я пошла к соседке. Ну, там такая женщина грамотная, забыла, как её зовут. Я говорю: «У вас есть дома селёдка?». Она говорит: «Есть, вот только что очистила». Я говорю: «Мне много не надо, мне вот только один кусочек». Она так на меня поглядела, ну поняла в чём дело. Дала мне кусочек селёдки. Я пришла, сразу чуть не заглотила весь кусочек.

А так ничего такого не было. Тошнить меня не тошнило. Нормально до декрета работала, потом пошла в декрет. Месяц до родов и после родов месяц. Вот как раньше было — не как сейчас балуют. Теперь как не позавидуешь? А вот попробуй-ка месяц до родов и месяц после родов. Два месяца ребёнку — мне надо идти на работу. Мне не с кем его оставить. Куда мне его девать? Мне пришлось рассчитывать. Я пошла с Игорем в одеяле — далеко идти, а сестра мне не помогла. Я оттуда тоже еле пришла. Ну, меня рассчитали без слов. Я говорю: «Я же его не брошу одного, кутёнка!» Няньку взять нам дорого — дедушка не ахти какие деньги получал, 40 рублей в месяц. И я тоже. Господи, денег то было! Да, плохо мы жили. Не то, что там плохо — скудно. Но ничего, жили — выжили. Игорь пошёл в первый класс первого сентября. Я пошла на работу первого октября, и на одном месте я отработала 9 лет.

4.5 месяца толчок был, и потом долго не шевелился. Потом я побежала в больницу, потому что я кушала мало — ему наверное там силы не хватало. Врач посмотрела и говорит, послушала и говорит: «Сердцебиение есть!» Я думала, умер там. «Побольше воздуха, побольше кушайте». А что кушать? Я всё через силу кушала. Вот так мне с вашим папой досталось.

Неделю, наверное, лежала в роддоме. Потом приехали дедушка и тётки Шуры муж Володя за мной. Мы уже жили отдельно тогда. Шура с семьёй в одной комнате жили тогда, в одном бараке, а мы своей семьёй жили в другом уже бараке.

В ванночку железную я его положила, потом дед привёз качалку. Так и стали жить — поживать. Кухонка была поменьше, потому что полкухни плита занимала. Спальня и зала большая была. Дровами топили печку, сверху плита чугунная с кружками. Кружки открывались и ставили кастрюлю прямо на эту дыру, где печка горела. Духовка была. Паровое отопление было, печка и туалет был. Вода холодная была. Воды в ванной у нас не было. А я потом, у нас же слесаря знакомые, потом они мне сделали, я их попросила за бутылку, чтоб к батарее сделать кран — хотя бы пол мыть, носки стирать. Подъезды сами мыли. Ну, вот я этой водой пользовалась из крана, из батареи. Никто не знал. А так вода холодная была — бери сколько хочешь на кухне.

Мне кажется всё неинтересно, что я так прожила. Что я жила одна, без дедушки, что я с дедушкой жила — я не скажу, что это больно хорошо всё было. Особенно, когда в Чебоксары приехали. Обижаться я не обижаюсь на жизнь — грех. Слава богу, что у меня вот сын хороший. Дай Бог здоровья сыну, невестке дай Бог здоровья и всем-всем-всем вам!

Мыло

Раньше в баню ходили — хозяйственным мылом мылись. Голову мыли хозяйственным мылом — было очень хорошо, волос не выпадал, ничего и не было. Дегтярным мылом мылись, если вши были. У меня уже волос плохой от старости. Два дня, и он уже жирный. Я пробую так: сначала мылом голову намыливаю, потом чуть-чуть шампунь на другой раз. Так вот я мою.

Роды

В Мурманске, в роддоме, в центре города я рожала. Мы жили за городом. У нас там был Речной проезд, квартира семь, второй этаж. У нас в Мурманске, где мы жили, был дом род, и в городе — там было два роддома. Мне врач сказала, мне надо ехать в центр города, в областной роддом. Улица Челюскинцев. Кирпичное здание, двухэтажное. Мне уже было 26 лет. Первый раз рожала — из-за этого.

Вот она мне сказала: «Сюда не приезжайте, поезжайте сразу в город». Кеша сразу взял машину в части, и поехали мы утром в девять. Вечером я только родила Игоря. Очень маялась, плохо было очень мне — я уже старенькая была.

На другой день принесли кормить. Кусочек мяса, завернутый весь — личико только видать. На деда Луку был похож. Носик такой курносик был. Глазки чёрные-чёрные, ресницы длинные-длинные. Волос был чёрный — как цыганёнок. А потом этот чёрный волос весь выпал, стал беленький. Там на ручке есть номер: у меня номер на руке — у него на руке номер. Я развернула, поглядела маленько. Хоть и не давали разворачивать, а мы все развернули, поглядели — мой ли ребёнок? Мой! Это мой сын. Это Игорёк, мой сын родной.

Болезнь

Я очень плохая к болезни. Если я пальчик ушибла или придавила, я даже могу упасть в обморок. У меня очень рядом все эти нервные сосуды, поэтому я очень нежная. Вот, возьми тётю Шуру, мою сестру, царствие ей небесное, и возьми меня: она очень крепкая была. Ей сорок температура, она ещё могла готовить, и варить, и жарить-парить. А я, 40 температура, могу уж только лежать, и то лежать наполовину в обмороке.

Любопытство

Я в Чебоксарах живу 40 лет, я даже не знаю где чего есть. Вот Земфира Николаевна, царство ей небесное, она любопытная была. Она весь город обшастала. Я дальше «Востока» никуда не хочу, мне не интересно. Где чего есть, где чего нет — наплевать. Я не любопытная. Особенно в настоящее время. Что уж, старухе 90 лет скоро будет! У меня никакого интереса уже нету. Какой тут, к чёрту, интерес? Так вот живу, что слава Богу. Одно меня радует, что у вас всё хорошо, а что тут у меня — мне наплевать.

Сны

Мне дедушка часто снится, потому что я никак не могу его из головы выбросить. Он всё время у меня в голове. Он как бы не говорит. Как-то я его вижу, а он не говорит. Как-то всё уходит. Он, наверное, за мной приходит, а взять меня не хочет. Скажет: «Живи пока, бабка, тут!». А заберёт, кто будет к нему ходить? Никто и не будет.

Имена

Я хотела назвать сына то ли Васей, то ли Сашей. А это меня перепутала тётя Шура, сестра моя. Тогда мода пошла, называть Игорем. Она говорит: «Назовём Игорем!». А я тогда очень больная была после родов. Я говорю: «Хоть кем назовите, только чтоб назвать». Назвали мы Игорем.

А дедушка ничего не хотел. Ему всё равно, хоть как называй. Он даже и не спорился и не сопротивлялся, как мы его назовём.

Почему меня назвали Катей? Этого уж я не могу сказать тебе. Потому что у нас вся деревня — Катя. У нас очень много Катей, очень много. Ну, наверное, это имя царицы — помнят видать, вот меня и назвали Катерина.

А про Кешу — это я узнала от дедушки Луки: тогда какое-то время было голодное, и все бежали в Сибирь. И вот он там был. Может быть какая-то любовь была. И это имя он привёз из Сибири — Иннокентий. У их была фамилия раньше Ильин. А почему дедушка стал Столяровым, я не знаю.

Я за тебя знаешь сколько плакала? Как там Алёшка в Ленинграде? Мне почему-то тебя очень-очень жалко. Андрей-то нигде не про-

пал был — он такой бойкий был. Я его не жалела. Думала — как ты там жить будешь? Ну, ничего, не страшно. Всё пережито, всё перемолосся, всё перетерпелосся.

Правнучка

Как называть — это дело ваше, папы и мамы. Моё имя мне не нравилось, и не нравится. Катя, как коза! А так, даже не знаю как. Сейчас много имён, но вот Даша мне не нравится. Настя мне тоже не нравится. У нас Милочка хорошее имя. Анечка есть, Нюрочка есть, Наташенька — всё хорошее имена. Имён много — любое выбирай. Тамара, мне кажется, какое-то грубоватое имя. Ева — это еврейское имя.

Я никакого совета не даю — давайте вы решите сами. Какое вы скажете, такое и будет.

Свадьба

При мне в деревне никакой свадьбы не было, потому что шла война, всех парней забрали, не за кого было выходить замуж. И поэтому ни одной свадьбы я не видела. Сам понимаешь, война есть война: ни одеть, ни обуть, ни пожрать — ничего не было. Какая там свадьба?

А там, в Яробай-Касах свадьба какая: что какое гулянье, угощают друг друга, идёт каждый с водкой, с закуской. Что поминки делают: идёт каждый с водкой, закуской со своей. Свадьба тоже, похоже, такая. Но в настоящее время молодёжь уже делает не по-чувашски, а по своему. Сейчас у них там и горько кричат, а раньше не кричали. Одеты были по-простому, не в белых платьях. А ещё раньше я не знаю.

В Мурманске я не была ни на одной свадьбе. У моей подружки, у Сони, я не считаю за свадьбу — просто отметили, что из ЗАГСа приехали. Было человек двадцать. В квартире в нашей. Там никто не кричал «горько».

Похороны

В деревне я была только на маминых и на бабушкиных похоронах. Обыкновенная еда там была. Мама умерла в 41-ом году ещё, мало что можно было на стол поставить. Еда да водка и всё.

Тогда у нас церкви никакой не было — наша церковь была уже разбомблённая вся. Но не война разбомбила, до войны её всю разобрали. Церковь была на берегу реки, всю её разобрали, сломали, колокола были сломанные и увезённые куда-то, иконы были все сожжены. Был у нас там дедушка старенький — старенький. Вот этого дедушку приглашали молитвы читать по книжке. Вот он сидел у мамы всю ночь. А которые люди приходили — прямо на маму ложили деньги, у ног. Вот эту всю мелочь этому дедушке отдавали.

Бабушка умерла — этого деда уже не было. Никого не было, никаких священников.

Бабушку и маму хоронили, где была церковь. Церкви то уже не было, так хоронили.

Кладбище

Всё затоплено, река Шексна расширена, делали тогда Рыбинское море какое-то. Кладбище всё затопленное, по этому кладбищу ходят баржи. На горе, наверху, лесопилка, там пилят разные доски. Приходит баржа, по этому кладбищу едут. Грузят и обратно её увозят и она по назначению уходит.

Я как было приеду, иду на берег, кладбища-то нету. На могилку не сядешь, ничего не положишь, вода так.

Теперь туда никто не ходит, некому ходить. Все люди поумерали, которые были в деревне прежние, и их теперь хоронят на другом кладбище, на другой стороне реки. Тётка Марья Ефимовна там похоронена, тётя Шура, моя сестра, там.

Церкви

Я родилась в 28-м году. Началась советская власть до меня. В 18-м году была война гражданская. Всех уже попов забрали. Кто мог — убежали. Наш поп уехал неизвестно куда со своей семьёй, так что у нас никого не было. Никаких ни попов, ни дьякона, не священника, никого не было.

Километров за 18, в другой деревне, там была церковь. Потом вроде как её открыли, уже люди туда ходили, но я там ни разу не была.

А вот когда в ФЗО я ездила, в 43-м году (город Лысьва, Свердловская область) там всё заводы были, там церковь была. Когда мы

собрались бежать в 43-м году в апреле месяце, мы сходили в церковь, помолились, купили крестики и убежали домой.

В Сегеже церкви не было, если где-то и была, то я не знаю. В Мончегорске никакой церкви не было. В Мурманске была, но я даже не знаю где. Вот сюда, когда приехали в Чувашию (приезжали в отпуск, не полностью жить) вот я была в этой церкви, на Волге.

Мы ходили уже после обедни. Просто приходили, свечки ставили, я и сейчас так делаю. Иду после всех. Поставлю свечи, и домой пошла. Там надо стоять на службе, я стоять не могу. А на скамейках другие люди сидят, ещё хуже чем я. Схожу, отмечусь, что я была в церкви — меня Бог не осудит. Я человек не грамотный, никто меня не осудит, никто меня не будет ругать. Вот так и живу.

Побег из ФЗО

Это сколько тысяч километров без куска хлеба, без копейки денег! И мы пришли домой. Нас тогда чуть не посадили. Если б не председатель сельсовета, который жил у меня на квартире, если б не он, то всех посадили.

Мы бежали тогда шесть человек. Четверых потеряли, а вдвоём мы пришли в Вологду уже, и там и встретили одну девку свою, которая с нами бежала. А было так: на повороте шёл поезд, мы то забрались, а она в последний вагон попала, а мы не знали что она там. Мы на какую-то станцию приехали, нас оттуда выгнал и в милицию забрали, а девка, её Валькой звали, она в том вагоне дальше уехала. Она вперёд нашего пришла в Вологду. А потом те пришли две. Все пришли домой.

Я была токарем, и из меня получился неплохой токарь. Я сразу всё поняла, всю машину эту, и которая женщина меня учила, она ушла в отпуск и меня оставила. И мы бы раньше убежали, но я за неё работала целый месяц, чтоб не подвести. Какие-то мы делали штучки по шаблону. Нам привозили детали, а мы эти детали обрабатывали на станке. Там были свёрла — штуки 3-4, вот это каждое сверло надо было закрутить в эту штучку. Говорили, что это к снарядам головки.

Девочки дома были, а потом кто куда уехали — кто в Череповец, кто в Рыбинск. Мы были в одном цехе. Жили в общежитии. Двухъярусные кровати. Шестнадцать человек жило. Мы спали на второй полке — мы же особые были. Как-то нас побаивались другие девки, потому что мы вологодские были. Мы не ругались, не дрались. Они не наши были, не нашего района, и нам они не нравились. Они нам, а мы им. Не дружили мы — у нас своя была компания.

Обыкновенный барак деревянный. Печки отапливались с коридора, туалет на улице. Форму дали нам: у меня была юбка с гимнастёркой. Стали нам давать лапти, как мы там заорали, вологодские, за эти лапти, что мы их не оденем: «Давайте нам ботинки!». Зачем я буду на ноги лапти мотать? Нам дали ботинки и чулки. Там все были вологодские, только разных районов.

Кормили в столовой. Вроде где то кино какое то было в бараке. Вместо клуба – барак. Во-первых, я поехала добровольцем. Я была несовершеннолетняя, меня ещё не брали в ФЗО-то: «Девочка, давай к бабушке поезжай домой». Девки были с 25-го, с 26-го, а я с 28-го, на два-три года они меня старше были. У них паспорта, а мне и паспорт не дали. А который в сельсовете работал, дядя Саша, он говорит: «Ты, Катюшка, возьми копию свидетельства о рождении». Эта копия у меня и сейчас есть. Когда мы пришли в Череповец, (мы пешком на лошади ехали из деревни до самого Череповца) пришли в столовую, там два мастера приехали. Стали забирать документы у нас у всех. Я девкам говорю: «Сейчас она отойдёт, мы скажем, мы той отдали. Не отдавайте!». Мне-то было не страшно – у меня копия была, а свидетельство о рождении у меня было дома. Другой мастер подходит, мы говорим: «Мы вон ей отдали!». Так документы и не отдали. Все привезли домой. Вот видишь, какая маленькая была Катюшка, а сообразительная? А то отдали бы паспорта, и хрен бы убежал оттуда кто.

Пришли домой грязные! Мы же ехали знаешь ещё как? Раньше же паровозы ходили на углю. Паровоз сам собой, эта топка, а сзади его уголь. Мы вот на этих углях ехали. Ветер, искры на нас летели! У меня вся шапка была престреляна этим огнём. Рожа грязная, Господи! Потом где надо было выходить, как какую лужу находили (апрель был уже тёплый) лицо мыли, да руки.

Был бы ум, я бы ни за что бы не убежала. Работала бы и работала, там кормили, одевали. Что мне надо было? Домой захотели. А мне то что было домой хотеть? Мама нету, бабушка старенькая, да вот сестра, Шура. А так бы одевали, и кормили, и специальность получила токаря настоящего.

Слесарь

Дедушку тоже в ФЗО забирали. По-моему он от ФЗО спрятался у Алексея. Он ещё был моложе меня на два года. Они не имели права его брать. Но дедушка молодец, он четвёртого разряда слесарь или шестого ли. Он же за Волгой работал после войны, потом его взяли в

Ленинград, что он был такой дед смекалистый. С Ленинграда он в армию пошёл. Он и армию хотел закончить, хотел туда ехать. Послал письмо — там писали. А потом, когда уже мы женились, он опять письмо писал — как будет там где-то пристроить с женой? Ему сказали — приезжайте, найдём. А потом он на сверхсрочной остался, и мы никуда не поехали. Остались в Мурманске.

Дети тёти Шуры

Две девки близнецы, да Борька, сын старший — все от одного мужа. Владимир Михайлович Маслов. У него родители были врачи. Он москвич. Там у него мама работала терапевт детский и папа там работал. А Володя был офицером, служил.

Она Борьку родила в 51-м году. Потом двойняшки — Валька и Тамарка. Тамарка то умерла, а Валька жива. У Вальки Лариска и ещё мальчик, Роман. Она в Кириллове вышла замуж. Парень уже армию отслужил. У Лариски отец, в Джанкое живёт, а у Ромки папа там, в Кириллове.

Валя, дочка в Кириллове живёт. Лариска, внучка, в Вологду переехала.

Побег из ФЗО (продолжение)

Там были военные заводы, эвакуированные откуда-то, привезённые туда. Мы там недолго были 2 или 3 месяца были, да убежали. Со мной которая девочка бежала, у неё родители были дома: папа, мама. Какие она вещи взяла с собой, и у меня мои вещи были, она мне сказала: «Ты, Катюшка, ничего не будешь менять. Я свои вещи буду менять». Вот мы в деревне останавливались где, она кому кофту продала, кому юбку продала. В общем, пока мы до дома добежали, у неё уже была котомка пустая. А свои вещи привезла домой, так как она меня просто пожалела.

Мы и пешком шли и на паровозе ехали и пешком опять ехали. Много шли, пока до какой станции идём. Ночевали, конечно, в деревнях. А где ночевали, там другие девки платили, у кого чего было давали, кто чего оставлял. На картошку меняли. Я только променяла ботинки свои, почто они были очень небольшие, а остальное всё это моя подружка продавала-меняла.

Ехали от станции до станции, там выгоняли нас, в милицию забирали. Милиция нас ругает-ругает-ругает — обратно, мол, отпра-

вить. Поезд отошёл — они нас выгоняли с милиции. А мы идём пешком. Там где можно было сесть на поезд, опять ехали.

Даже мы ходили по домам: «Кушать хотим!». Нам кто картошку варёную даст, кто кусок хлеба даст. А где заходили в какой дом, там ребята были нашего возраста — нам стыдно было просить, так просили попить. А нам надо было кушать, а не пить. Ну, дадут воды — попили, дальше пошли.

Мы не одни бежали, нас много бежало — одни за другими. А потом за нами приехали, даже страшно вспоминать. Приехали за нами летом. Приехали два мастера в район Кириллов. И нам повестки пришли — явиться в Кириллов. Они нас там собирали. Не мы ведь одни — там много-много было. Мы собрались, и пошли в Кириллов. Сестра моя уехала, бабушка была старая. У нас были квартиранты, председатель сельсовета: семья, жена и двое детей. Собрались мы, пошли до Кириллова. Четверо нас было тогда — две Шурки, Валька и я. Пришли до Кириллова, сели на компаску отдыхать (а идти было 15 километров). Сели, сидим. Я им говорю: «А я не поеду, у меня бабушка одна дома!». Они говорят: «Ага, ты не поедешь, и мы не поедём! Ты не поедешь, тебя защитит дядя Саша, председатель сельсовета». Я говорю: «Я не знаю, кто меня защитит, а я пошла домой. У меня бабушка». «И мы, — говорят, — домой». Ну и ушли домой.

Идём, а реку надо переезжать, а тут сельсовет. Дядя Саша смотрит с окна, а мы выходим с лодки. Говорит: «Ах вы таки-сякие! Не уехали? Не ушли? Сейчас пойдёте с милиционером!». Мы все по домам бежать. Прибежали домой со слезами. Что делать? Я спряталась на чердак. Ждём, что сейчас приедет милиционер заберёт, и повезёт нас в Кириллов. Ну, на чердаке сидела целый день до вечера. Потом дядя Саша пришёл с работы, и спрашивает у бабушки: «Где Катюшка?». «Не знаю, — говорит, — куда ушла». Ну, вот так я и осталась, и девки остались. А оказывается он, дядя Саша, председатель колхоза, сообщил, что выбыли из деревни неизвестно куда. Вот нас оставили в покое. Я тогда думала я с ума сойду, потому я своё сердце надорвала полностью!

Там ещё такие были проводники, мужики сознательные. Поезд пошёл, а мы зацепились с улицы на лестнице там, а дверь закрытая, и держимся, и стучим в дверь. И проводник вышел, он нам открыл дверь и где там топилась печка, он нас заспрятал, и мы долго-долго ехали. А один раз зацепились так за двери, а по крышам бегают шпана. Парни какие-то, тоже бежали откуда-то, может беспризорники какие. По крышам вагонов бегают. Мы испугались, давай тоже в окно стучать. Этот мужик тоже открыл нам двери. Так и ехали. Ведь ехать то — с ума сойти сколько километров! Башкой не могли поду-

мать, ведь столько километров, и бежали. В общем жива осталась. Недели две, наверное, до самого дома добирались.

Лысьва

Какой там город – деревня. Вокзал был. Привезли нас в бараки, на военный завод. Так и говорили, что военный завод, а названия не знаю. Цех был большой, завод был большой, народу было очень много рабочих. Там были всё дома деревянные, такие домишки. Помню, рынок был, или базар был, там приходили и молоко продавали, картошку продавали. И церквушка там стояла, мы ходили. А больше там ничего, чтоб глазами видеть. Мы на работу утром уходили, вечером приходили. В столовую да домой, в столовую да домой.

Затопление

У нас река Шексна не такая была, она была уже, течение было очень быстрое, а теперь она стоит. Были берега, а теперь берегов нет – всё затопили. Все луга затопили.

На Ивановом Бору очень много живёт приезжих людей, они свои дома привезли рекой в нашу деревню, а так они были дома у себя. И луга там были, и косили, и сеяли, а теперь этих лугов нету, все жильцы кто-куда уехали.

Мы когда ехали из Череповца на метеоре – церковь залита под водой, только один купол видать. Потом мы за Топопрню ездили, за грибами и там уже лесу много затоплено. Пилить, видать, было некогда, и весь лес под водой.

Следующее записано 31 декабря 2012 года.

Иностранцы

Девки думали, что чувашаи на узбеков похожи, страшные такие. Пришёл ко мне Кеша в шинели, я им говорю: «Вон, жених мой стоит!» «Ой, какой красивый парень!» Он из-за меня и на сверхсрочную остался. Он хотел меня в деревню везти. Я сказала – не поеду. В деревне что там? К чувашам? Чувашаи русских не любят. Кто русских любит? Да никто русских не любит. А мы всех любим. Потому что

мы хорошие все. Они злые и вредные, если чего не удружил. Вот я работала в фотографии. Зоя, чувашка была. Надо было ей – да-да-да, угу-угу. Только что ей поперёк – всё. Будет целый день ходить не разговаривать. Думаю: «Да пошла ты!».

Я чувашей, мордву, татар, марийцев знаю с 42-го года. Пристани были, города были, по которым мы плавали. Мы там жили месяцами, когда выгружали нас и нагружали. Однажды искусила меня мошкара, глаза у меня и распухли. Эту баржу грузили или разгружали девки мордва, марицы. Мне говорят: «Ты, наверное, марийка?» «Почему это я марийка? Я русская.» Мне было 13 лет. «А ты похожа на марийку, у тебя глаза такие!» Они ж припухли – стала марийка!

Для меня все хорошие. С карелами жила, с финнами жила, с украинцами жила, марийцев знаю, татар знаю. Даже чуваша в Крыму есть. Они везде, даже в Ивановом Бору были напёхнутые, вербованные. Везде народы разные, везде их много. Все хорошие, пока спят.

Мончегорск

Мы жили в Сегеже. Тётя Шура вышла замуж за военного. В то время в Сегежу из Мурманска привезли воинскую часть моряков, и Шурин муж, Володя, преподавал автодело. Там была автошкола. Бараки были, недалеко от нашего дома. В это время мы вместе жили в одной квартире, в коммуналке, вместе работали. Мы с ней написали письмо в Петрозаводск, учиться поехать на трактористов, на комбайнёров. Нам пришёл ответ, пришёл нам вызов или пропуск что ли. Тогда ещё была Карело – Финская республика. Пошли мы с ней пропуска получать, ходили в милицию, получили. Уже с работы рассчитались, с фабрики. Я ей говорю Шурка, а я не поеду. Я не могла расстаться со своей сестрой.

В это время отправляют Володю в Мурманск. Он хотел поехать туда один, пока квартиру получит, а Шура, жена его, говорит: «Нет, я поеду с тобой». А я уже выписалась из квартиры. Ну, Володя говорит: «Так сделаем – мы с тобой едем в Мурманск, а ты, Катюшка, едешь в Мончегорск к тётке». Мамина сестра там жила, Шахов Саша, брат двоюродный. Вот мы поехали. Они поехали в Мурманск, я поехала в Мончегорск.

До Оленя(?) доехала, там вышла, и у своей тётки. 13-метровая комнатущечка. Тётка жила с сыном, сын женатый, я четвёртая. Работу искала, тут соседка пришла – меня пригласила на работу в шахту, на откатку. Что такое откатка, я тоже не знала. А это такая откатка: три клетки, две клетки центральные ходят вперёд-взад, другая

клеть ходит вниз только. Ну что, надо устраиваться, не к маме приехала родной, надо работать. Я устроилась.

Я хотела в общежитие пойти — тётка меня не пустила: «Ещё не хватало в общежитие! Избалуетесь!» Ну а они тоже собирались уехать обратно в деревню домой. Там у нас был большой карьер. Да надо было мне тоже с ними вместе уехать, дудре. Ну, они уехали, брат остался, рассчитался, потом брат уехал. Я там осталась и стала работать. Там был посёлок большое Комужье и маленькое Комужье и барак номер. Поэтому я и сидела в Мончегорске. Я потом ушибла почку. Меня тоже не рассчитывали. Я хотела рассчитаться и уехать в Сегежу. Обратно жить, работать на фабрику. Там у меня и комната была, и жених бы пришёл с армии, хороший парень был. Ой, я в жизни многое потеряла.

Потом вселили туда семью, а меня в общежитие переселили. Около трёх лет я прожила, и уехала в Мурманск, к сестер. Был клуб, клубишко такой небольшой. В кино ходили, на танцы я один раз ходила — больше не пошла. Питание-то не очень было — я шла на работу, в шахту — сухое молоко в пол-литровой банке разболтаю, хлеб чёрный, маракуслин какой-то был жирный, намажу. Вот это был завтрак. И я шла на 10 часов в шахту. Оттуда выходила, на 27 копеек ужинала.

Девки конечно получали много, они 500 заработают, 500 полярных — 1000 рублей, а я 500 заработала, 500 и получаю. Надо было до полярки ещё жить. Какие там танцы. В кино ходила изредка. Тётка у меня там ещё одна жила — маминога брата жена. Вот к ней, было, съезжу. Она меня блинам накормит. Так и жила.

— Интересно было?

— Молодым разве не интересно? Молодым всё интересно!

— Как шахта называлась?

— Североникель.

— Как твоя должность называлась?

— Сигналистка. У нас же как было, там же были лошади у нас.

Привезли вагонетки с рудой по железной дороге. 200 с чем-то метров под землёй. Наш участок назывался 142-й. Вот эту вагонетку затащишь напрямую, а ту надо ещё развернуть. Там надо сколько силы? Поработай-ка 8 часов, покрути-ка! Теперь ещё в вспомогательную клеть надо груз поднять, а там такие вагоны были здоровущие. Вот, надо было его выкатить, развернуть, прикатить, ещё раз развернуть, в клеть закатить. Твоя бабушка поработала будь здоров!

Синяки

- Мне вот это сейчас очень страшно – синяки сделали!
- Да не особо заметно.
- Это я сейчас намазала – напудрила.
- Пройдут!
- Ладно, не женихов выбирать. Какой найдётся и так полюбит.

Новый год

Когда в деревне жила я – во второй, третий, четвёртый класс ходила – ставили ёлочку, игрушки делали бумажные, фантики разные вешали. Конечно, таких игрушек не было, ну в школе была ёлка настоящая.

– А дед Мороз был?

– Шутить-то шутили – всё делали, без слов. Но в таком халате, как сейчас бегают – кто придёт? Ну, оденут там какую шубу, вывернут, типа как медведя, приходили и мы радовались, веселились. Плясали, танцевали, стихотворения рассказывали.

Долгожители

Моей бабушке было такого бы питания, она бы до 100 лет жила. А что моя бабушка питалась? Коровы нету – еды нет. Денег нет – еды нет. А что там она получала 16 рублей пенсию, да за меня 16, и за Шурку 16. Мы же вообще-то с ней выросли, с бабушкой, а не с мамой. И то ещё как-то жили.

Бабушка любила очень чай. Чай пила она китайский, была глухая. Самовар был ведёрный, такой здоровый, тащили вдвоём на стол. Вот зачем тащить на стол? Так чай пили. С самовара. Чашечки были с блюдечками. Сахар был в сахарнице. Сахара лишнего не давали, по руке стучали. Кусочки нащипаны, три кусочка – хоть ешь, хоть береги, хоть что делай. У нас у бабушки была розеточка такая зелёнькая. Она у нас была очень чистоплотная. Она нащипает сахара щипцами. Я чай попила, выхожу. Мы как сидели: мама, с другого конца Шурка, а по длинной стороне я и бабушка.

Мне надо сахар пососать уже отдельно, не с чаем, с холодной водой. Я выхожу, этот сахар я съела. Бабка говорит: «Ой, вор идёт, вор идёт!». Накроет сахар ладошкой, я своими клещами ей между

пальцев – сахар вытащу. Подбегаю, кадушка с водой стояла с холодной для дома, для кухни. Беру ковшик такой, медный. Почерпаю воду холодную, и продолжение делаю сладкое. Вот как мы жили.

У бабушки сестру увезли в город Койвисто в Финляндии. Она прожила до 90 лет. А бабушка моя прожила только 76 или 78. Вот сестра двоюродная умерла, которая жила в Череповце – 90 лет было. 4-го мая умерла. Сейчас только я осталась, больше никого нет, ни двоюродных, ни троюродных.

Койвисто

Это дело было в 43-м году. Её туда увезла после войны дочка. У неё две дочери жили в Ленинграде, одна жила в Финляндии. У этой был сын Вовка. Дочь умерла – у неё был порок сердца. А бабушка Анна дожила до 90 лет.

Она была не добрая, я её не вспоминаю и не поминаю. Она была очень жадная, так что у меня за неё тоски никакой не было и нету. Её дочка была моей крёстной, Дуся её звали. Ещё две дочки, они были эвакуированы во время блокады. Их вывезли Ладожским озером. В Ленинграде в то время голод был великий.

Они приехали в деревню, я была у тётки на Волге, а война ещё даже не закончилась, они уже уехали в Ленинград защищать свои квартиры у них там были богатые. У неё было три дочки и сын, он жил в Магадане, врач. Когда у нас мама заболела в 41-м году, он приезжал из Магадана и приходил мою маму осматривать. Ваней звали. У Дуси был сын Вовка, а у другой Прасковьи был сын Олежка и дочка Валя и Катя, а у третьей дочки я не знаю был кто или не был – она очень рано умерла. Они всю жизнь прожили в Ленинграде. На лето приезжали в деревню, а потом опять уезжали. Во время войны жили в деревне ходили в лес, пилили лес, валили.

Сначала уехала Паша со своими детьми в Ленинград свои квартиры караулить, потом приехала Дуся. Это я тебе гарантию не даю, вспомнила вот Финляндию и город Койвисту, а зачем вспомнила – не знаю.

Волосы

Всегда я была кудрявая. Я в год завивалась два раза, делала химию. У меня был чёрный – чёрный волос. У меня была такая шевелюра, будь здоров. Я всегда голову помыла и закручивала бигуди, и спать ложилась с бигудями. Утром встала – бигуди снимаю,

расчёсываюсь — такая красивая. Голова моя пышная. Сама себя любила. А теперь не люблю.

Я хочу теперь ходить, чтобы я была белая, как у меня настоящий волос. Я же ведь седая, полностью седая.

У тёти Шуры были волосы жидкие. Вначале она была белая, а потом где то в 14 лет она сама себя обстригла, и у ней волос был тёмно-русый. А потом тоже стала белая, седая. У меня была будь здоров шевелюра. Косы были хорошие, толстые. У меня были чёрные волосы всё время.

Бабушка была русая, мама была чёрная. Она сама по себе была тёмная и волосы очень чёрные, как у цыганки.

У нас были в деревне большинство чёрный волос, но семьи две были рыжие. Вот у нас мама была тёмная, а две сестры были русые. Бабушка была русая, а дедушка и не знаю какой там был у меня. Отец был тоже русый, наверное.

Не знаю кто мы были такие: русские — не русские, цыгане — не цыгане.

Глаза

У меня глаза были очень чёрные. И к нам всё приходил сосед, дядя Ваня. Я хорошо помню, я ещё маленькая была. Всё меня дразнил:

— Ты опять не умывалася что ли?

— Умывалася!

— А чего глаза не мыла?

— Мыла!

Даже плакала, что он мне такое делает. Даже мама его ругала: «Зачем ты девочку дразнишь?». В баню ходим, я стараюсь мыло в глаз пустить, а потом плачу — мыло-то глаз щипает! Приходим из бани — он опять к нам:

— Ну, что? В баню ходила?

— Ходила!

— А глаза то мыла?

— Мыла!

— Да не мыла ты глаза — они у тебя такие чёрные!

На самом деле у меня были такие глаза чёрные. У меня сейчас уже выцвели. Я начинаю плакать, мама начинает его ругать. Вот такое было в детстве моём.

У тёти Шуры были голубые глаза, у мамы чёрные, у бабушки голубые.

Анюташка

Была горбатая одна – это наша родня была. Её звали Анна, Анюташка. У неё был горб. Ихний дом был сзади нашего дома. Мы её очень-очень уважали – она была очень хорошая женщина. Она приходилась маме троюродной сестрой.

Я когда была маленькая, я никогда ни с кем не оставалась, а с нею оставалась. Вот эту Анюташку, я её очень любила. Она была очень добрая. Она полдома отдала под пекарню. Полдома она жила, а полдома с крыльцом своим была пекарня. Пекли хлеб. В магазине был хлеб купленный – кто хотел брал, кто хотел не брал.

Она жила в районе, эта Анюташка, в Кириллове. Работала у зубного врача в кабинете техничкой. Потом она родила мальчика. Мальчик получился от еврея. Еврей, Толя звали. Потом она пришла жить домой. Она инвалид, так она получала пенсию. Потом она родила мальчика ещё одного. И вот этот мальчик, у нас же была гора, как ехать из Череповца к реке – сейчас она какая то маленькая стала. Когда шли машины, они буксовали и обратно катились, а он своей клюшкой железной хватался за машину, и машина его везла. А эта машина стала назад сдавать, а он и попал под колесо. Этот мальчик так погиб. Во время войны она умерла, а второго мальчика забрали в детдом.

Это последний записанный бабушкин рассказ. Я говорил с ней последний раз 17-го мая 2013 года по телефону, как всегда в пятницу. Она жаловалась на давление (до этого была Радица и они с тёткой Агашей были на кладбище). Рассказывала, как была на даче и решила в этот год посадить побольше помидор. Говорила, что на даче ей нравится, но далеко идти от автобусной остановки и страшновато через лес. Так и не увидела она свою правнучку, но слушала её писк в телефоне и смеялась, а потом рассказывала про то, как она возилась с маленьким Игорем.

22-го мая 2013 года она умерла в 85 лет. Цыганка надула.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть 1

Жизнь, как у всех. Простая история 3

Часть 2.

Бабушкины сказки 24

**СТОЛЯРОВ Игорь Иннокентьевич,
СТОЛЯРОВ Алексей Игоревич**

**ЕКАТЕРИНА ИВАНОВНА СТОЛЯРОВА:
ПРОСТАЯ ИСТОРИЯ**

*Верстка Л.Н. Федоровой
Дизайн обложки Л.Н. Лукиной*

Подписано к печати 29.04.2014.
Формат 60x84/16. Бумага офсетная. Печать оперативная.
Гарнитура Arial. Физ. печ. л. 15,5. Заказ № К-191. Тираж 50 экз.

Отпечатано в типографии ИП Сорокина А.В. «Новое Время».
428034, г. Чебоксары, ул. Мичмана Павлова, 50/1.
Тел.: (8352) 323-353, 41-27-98, 41-17-87.

ная история своей семьи, - и людей,
и мы и ныне живем рядом с нами,
что наши предки только
но частица боли моя -
я народа. Частица
вместе мы - огромные
далеко за пределы нашей
нас - это отдельная
аре.

